

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

5 2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (556) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена доктор Элеонора «Элли» Эрроуэй — ученый SETI, главная героиня американской научно-фантастической драмы режиссера Роберта Земекиса «Контакт» 1997 года.

По сюжету Элеонора «Элли» Эрроуэй, которую играет актриса Джоди Фостер, рано лишившаяся родителей, всю свою жизнь посвятила науке. Элли становится участницей проекта SETI, прослушивая радио в обсерватории Аресибо в поисках сигналов внеземных цивилизаций. Все попытки бесплодны, и будущее ее проекта оказывается под угрозой, ведь начисто лишённые какого-либо воображения и любопытства чиновники настаивают на том, чтобы она занялась чем-то более практичным, и отказываются финансировать проект. Элли отчаивается найти поддержку, но неожиданно получает помощь от эксцентричного миллионера С. Р. Хэддена (Джон Херт).

Многолетние поиски дают результат — Элли улавливает долгожданный сигнал из космоса. Последовательность чисел, которая имеет несомненно искусственное происхождение (простые числа), исходит, предположительно, от звезды Вега. Расшифровка сигнала, с которой опять-таки помог С. Р. Хэдден, показывает, что в сигнале, помимо прочего, содержится описание технического устройства. Назначение его непонятно, но внутри задумано место для одного человека.

Мировое сообщество принимает решение изготовить устройство стоимостью в 300 миллиардов долларов и испытать его. Первая попытка проходит неудачно — испытатель и само устройство гибнут от рук лидера религиозной террористической группы. Но оказывается, что параллельно в условиях секретности на острове Хоккайдо была построена вторая установка, и вторым испытателем становится Элли.

После запуска устройства Элли отправляется в путешествие по сети «кратовых нор» и переносится, вероятно, на планету в иной звездной системе. Очнувшись там на берегу моря, она встречает представителя иной цивилизации, который принял для общения с ней облик ее покойного отца. Оглянувшись вокруг, героиня понимает, что эта местность воссоздана инопланетным разумом в ее сознании по образцу картинки, нарисованной ею в детстве в Пенсаколе (Флорида). Инопланетянин говорит ей, что устройство позволяет организовать систему межзвездных путей сообщения, и Земля отныне становится членом Сообщества цивилизаций Вселенной.

Элли возвращается назад и приходит в себя на Земле. С точки зрения сторонних наблюдателей, с ней после запуска установки ничего не произошло и ее тело не покидало Землю, все «путе-

шествие» заняло несколько секунд. Элли оказывается в парадоксальной ситуации. Будучи ученым, она никак не может подтвердить свои слова с точки зрения строгой науки, хотя на основе теории относительности предполагает, что время, проведенное ею вне Земли, составило 18 часов.

Расследование сенатским комитетом последствий испытаний приводит к неожиданным результатам. Подозревается, что Хэдден подделал внеземной сигнал и ввел в заблуждение все мировое сообщество. Спросить с него уже нельзя — миллионер скончался. Элли волей-неволей оказывается соучастницей дорогостоящей мистификации. Она находит неожиданную поддержку в лице простых людей и близкого любимого человека, философа и проповедника Палмера Джосса (Мэттью Макконахи), которые готовы верить ей на слово. Выясняется еще одно обстоятельство: видеокамера, прикрепленная к Элли во время путешествия, ничего не записала, но продолжительность пустой записи составила не несколько секунд, а те самые 18 часов.

Одна из главных задач, которую ставил перед собой Земекис, — показать, как самые различные люди — ученые, чиновники, священники или религиозные фанатики — будут реагировать на возможность контакта с инопланетной цивилизацией. Пожалуй, основная проблема, которая затрагивается в фильме, — это противоречия между научным и религиозным подходом к миру, которые воплощаются в образах главной героини Элли Эрроуэй и ее любимого мужчины Палмера Джосса. Кульминация противостояния науки и религии в фильме настает, однако вовсе не в тот момент, когда ангажированная военными комиссия отказывает главной героине в праве пилотировать космическое устройство (якобы потому, что Элли — атеистка, а комиссия не может допустить, чтобы земную цивилизацию, «в которой около 95 % людей верят в того или иного бога», представлял человек неверующий). Кульминация наступает только на втором этапе проекта, когда та же правительственная комиссия отказывает в вере фактически религиозному для нее отчету Элли о полете в другую галактику. Но на этот раз ее поддерживает представитель именно верующего человечества, пастор Джосс, а также многотысячная толпа народа.

«Контакт» был выпущен 11 июля 1997 года и получил положительные отзывы критиков. В мировом прокате фильм собрал более 171 миллиона долларов. Он получил премию «Хьюго» за лучшую драматическую постановку и несколько премий «Сатурн».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Агаларов А. В.**
Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации: правовой аспект 213
- Артюхова А. А.**
Преступления в сфере несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации или коллизии в законодательстве? 217
- Балаганская А. А.**
Регулирование принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве 218
- Баранникова Н. А.**
О некоторых вопросах организации местного самоуправления в Российской Федерации и его реформировании 220
- Башкиров М. П.**
Защита интеллектуальной собственности 225
- Борокшонова И. А.**
Снижение эффективности неотложных следственных действий как фактор, влияющий на раскрытие преступлений 226
- Габидуллина Г. И.**
Задержание лица, совершившего преступление: цели и пределы 228
- Герасимова А. А.**
Приемы доказательства и опровержения в судебной речи в разных видах судопроизводства 230
- Гурбанова А. А.**
Организационные и тактические особенности использования специальных медицинских знаний при проведении отдельных следственных действий в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья 232
- Даричева М. В.**
Антимонопольные ограничения договорных отношений по энергоснабжению 233
- Дмитриева О. В., Журавлева К. С.**
Противодействие коррупции в Австрийской Республике 237
- Екимов С. С.**
Военнослужащий как субъект юридической ответственности 239
- Жукова А. О.**
Актуальные проблемы страхового рынка в России 241
- Журавлева К. С., Дмитриева О. В.**
Способы борьбы с коррупцией в Южной Корее 243
- Задачин А. А.**
Отдельные особенности электронных доказательств в уголовном судопроизводстве 245
- Запленный С. М.**
Проблема лишения граждан права на оружие в связи с привлечением к административной ответственности 247
- Илясова Е. С.**
Проблемы квалификации мошеннического обмана 248
- Касавченко В. В.**
Взяточничество: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации 250
- Кириллова Е. В.**
Понятие договора аренды в российском гражданском праве 252
- Коломеец С. С.**
Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации ... 254
- Лазарева А. М.**
Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) и особый характер лизинговых отношений 256
- Ломанов И. В.**
Реализация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный судебный контроль 258
- Макаров Д. С.**
Понятие государственной границы и ее виды .. 260

Макаров Д. С. Актуальные проблемы правового регулирувания государственных границ в современном мире.....	262	Муротов Н. Н. Добросовестность как основополагающий принцип осуществления гражданских прав ...	270
Михайленкова Е. В. Международный опыт борьбы с киберпреступностью	264	Муротов Н. Н. Интерпретация принципа справедливости в цивилистической доктрине	272
Мунаваров Ш. Ш. Особенности договора поставки.....	266	Ожерельев А. А. Правовой статус унитарных предприятий в современной правовой действительности ...	274

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации: правовой аспект

Агаларов Александр Владимирович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Данная статья посвящена анализу нормативно-правовых основ реализации цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. Представлены проблемы толкования положений законодательства Российской Федерации в сфере цифровой трансформации. Проанализировано развитие нормативно-правовых актов в сфере цифровизации. На основе проведенного исследования автор выявил, проанализировал правовые аспекты внедрения и реализации цифровой трансформации с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, государственное управление, информационная безопасность, цифровые платформы, автоматизация

Digital transformation of public administration in the Russian Federation: legal aspect

Agalarov Aleksandr Vladimirovich, student master's degree

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

This article is devoted to the analysis of the regulatory framework for the implementation of digital transformation of public administration in the Russian Federation. The problems of interpreting the provisions of the legislation of the Russian Federation in the field of digital transformation are presented. The development of regulatory legal acts in the field of digitalization is analyzed. Based on the conducted research, the author identified and analyzed the legal aspects of the introduction and implementation of digital transformation, taking into account foreign experience.

Keywords: digital transformation, digitalization, public administration, information security, digital platforms, automation

В контексте современного этапа развития государственного управления как в Российской Федерации, так и в зарубежных государствах, можно выделить значительное усиление интеграции цифровых технологий — процесс, известный как цифровизация. Ожидания от этого явления с точки зрения его воздействия на качество государственного управления весьма велики.

На текущем этапе цифровые технологии играют ключевую роль в выполнении множества функций государственных органов. Цифровизация государственного управления представляет собой стратегию, направленную на повышение эффективности взаимодействия государственных структур с обществом, а также на снижение затрат, связанных с администрированием. Внедрение цифровых технологий в деятельность государственных учреждений способствует осуществлению качественных изменений в реализации государственных функций и предоставлении государственных услуг, что в свою оче-

редь обеспечивает более эффективное взаимодействие граждан с государственными органами.

Цифровая трансформация государственного управления может быть определена как процесс систематического внедрения передовых цифровых решений в работу государственных органов. Это позволяет не только улучшить качество исполнения государственных обязанностей, но и создать условия для более тесного и продуктивного сотрудничества между гражданами и государственными структурами. Таким образом, цифровизация становится важным инструментом модернизации государственного аппарата, способствующим повышению прозрачности, оперативности и надежности функционирования системы государственного управления.

Такое преобразование требует комплексного подхода, включающего не только техническое оснащение и развитие информационных систем, но и пересмотр правовых норм, регулирующих использование цифровых техно-

логий в государственной сфере. Важно отметить, что успешная цифровизация возможна лишь при условии соблюдения принципов законности, защиты данных и обеспечения кибербезопасности.

Таким образом, цифровизация государственного управления является не только средством повышения эффективности и результативности государственных структур, но и важным фактором, способствующим развитию демократических ценностей и укреплению доверия граждан к государственным институтам. В научной литературе наблюдается различное понимание термина «цифровизация» в зависимости от сферы его использования и применения [4, с.134–139]. Анализируя существующие подходы, следует отметить, что отдельные авторы отождествляют цифровизацию с автоматизацией [1], другие — с информатизацией [2, с.14–19].

В правовых актах и научной литературе помимо термина «цифровизация» можно встретить и понятие «цифровая трансформация», под которым следует понимать более глубокий и масштабный процесс, — не просто процесс перевода информации в цифровой формат или оптимизацию отдельных процессов посредством, например, цифровых методов обработки информации, но и разработку и внедрение абсолютно нового цифрового продукта [3, с.26].

Использование столь абстрактного понятия, слабо поддающегося операционализации, которая затем могла бы трансформироваться в конкретные показатели и КРП, приводит к формальному выполнению задач, но никак не к существенным, значительным, коренным переменам, составляющим суть цифровой трансформации [8, с.19].

Цифровая трансформация поставлена в качестве одной из основных национальных целей развития до 2030 года [11]. Под ней понимается совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность [12].

Сокращение сроков предоставления госуслуг в онлайн-формате, обеспечение дальнейшего перехода на электронный документооборот органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, автоматизация и упрощение межведомственного взаимодействия — решение этих и других задач предусмотрено актуализированной редакцией стратегического направления цифровой трансформации в сфере госуправления до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р [13]. Стратегические направления цифровой трансформации ключевых отраслей экономики и социальной сферы — отраслевые документы стратегического планирования, которые разрабатываются Правительством по поручению Президента Российской Федерации.

В числе их особенностей: синхронизация с действующими государственными программами и национальными проектами. Чтобы данные документы сохраняли свою актуальность, раз в год допускается вносить в них изменения.

При этом важно отметить, что это не первый нормативно-правовой акт, направленный на закрепление целевых показателей, задач цифровой трансформации государственного управления в России. В обновлённой редакции стратегического направления появилась понятие дорожной карты, в которой прописаны этапы и сроки реализации проектов.

Современная геополитическая обстановка обостряет необходимость минимизации зависимости от западных технологий и сервисов, так как накопление и использование больших объемов данных о гражданах и организациях посредством применения этих технологий несет в себе риски [5, с.45–52].

Именно поэтому в целях достижения цифровой трансформации в России наиболее активно работа ведётся по следующим направлениям: импортозамещение ключевых цифровых решений, обеспечение технологического суверенитета; поддержка ИТ-компаний, решение кадрового вопроса; государственные услуги в электронном виде; использование платформы «ГосТех».

Об успехах в области цифровой трансформации свидетельствует ряд факторов. Прежде всего, существенному расширились виды и объем государственной поддержки ИТ-отрасли [14]: освобождение ИТ-компаний от большинства контрольных и надзорных мероприятий до конца 2024 года; предоставление льготных кредитов по ставке не более 3 %; увеличение бюджетного финансирования грантовой поддержки ИТ-проектов; отмена налога на прибыль в налоговых периодах 2022–2024 годов и другие меры.

Одним из направлений цифровой трансформации являются государственные услуги в электронном виде. Так, по данным Минцифры России, в 2022 году количество зарегистрированных на портале госуслуг пользователей достигло 100 млн. (рост за три последних года — более 40 %). Число видов услуг, которые можно получить полностью в электронном виде с помощью портала, — 480. Общее число оказанных пользователям услуг в 2022 году — более 200 млн.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» [15], обозначена необходимость создания в федеральных органах исполнительной власти, высших региональных исполнительных органах власти, государственных фондах, госкомпаниях и иных организациях, созданных на основании федеральных законов, стратегических предприятиях, системообразующих организациях и других юридических лицах, являющихся субъектами критической информационной инфраструктуры, структурных подразделений по информационной безопасности с возложением персональной ответственности за ее обеспечение на руководителей этих органов и организаций

предусмотрена. А с 1 января 2025 года перечисленным органам и организациям запрещается использовать средства защиты информации из недружественных стран.

Успехи России в области цифровой трансформации фиксируются не только на национальном, но и на международном уровне. Например, в рейтинге цифровизации государственного управления Всемирного банка Россия в 2022 году вошла в десятку лидеров [10]. Всего в нем 198 стран. Индекс зрелости России составил 0,897 балла. В частности, оценивались: — уровень развития основных государственных систем, таких как гособлако и другие платформы (0,881 балла);

— развитие госуслуг, доступность электронных сервисов для граждан (0,960 балла);

— развитие государственных институтов цифровизации, инновационная политика, стратегии и законы (0,919 балла);

— уровень вовлеченности граждан, открытость правительства и обратная связь (0,828 балла).

На современном этапе, как в странах-лидерах, так и в России, понятие «электронного правительства» под влиянием новейших технологий (методы анализа больших данных, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн) трансформируется в «цифровое правительство». И для обеспечения этого перехода принимаются содержательно схожие правовые и организационные решения [9]

Российские исследователи подчеркивают необходимость создания цифрового кодекса как важного шага для обеспечения технологической независимости и экономического развития страны. В частности, Минбалеев А. В. в своей работе «Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения» указывает на важность разработки базового законодательства в сфере цифровых технологий, включая принятие базового закона об искусственном интеллекте и Цифрового кодекса Российской Федерации [6].

Создание цифрового кодекса должно быть направлено на обеспечение технологической независимости России. Это особенно важно в условиях глобальной конкуренции и зависимости от зарубежных технологий. Унифицированный правовой акт поможет урегулировать вопросы использования больших данных, искусственного интеллекта и других передовых технологий, что будет способствовать развитию отечественных решений.

В условиях быстрого развития цифровых технологий возникает потребность в комплексном правовом регулировании. Цифровой кодекс должен охватывать все аспекты работы с данными, включая их сбор, хранение, обработку и использование. Кодекс также должен учитывать этические и правовые аспекты применения новых технологий, такие как защита персональных данных, борьба с киберпреступностью и управление рисками, связанными с использованием больших данных.

Эффективное правовое регулирование способствует созданию благоприятной среды для инноваций и инвестиций в цифровую экономику. Цифровой кодекс может

стимулировать развитие высокотехнологичных отраслей, что в свою очередь приведет к росту экономики страны. Принятие такого кодекса позволит формировать рынок данных, обеспечивать доступ к ним и повышать их экономическую ценность для различных участников экономической деятельности.

Сторонники и противники разработки цифрового кодекса сходятся во мнении, что в сфере информационных и телекоммуникационных технологий необходимо принятие законодательства в соответствие. Действующая нормативно-правовая база представлена разрозненным законодательством. В связи с чем необходимо обеспечить соответствие нормативно правового регулирования темпам развития отрасли связи и устранить административные барьеры [7].

Одним из ключевых вызовов является поиск баланса между защитой персональных данных и обеспечением их доступности для аналитических целей. Цифровой кодекс должен устанавливать четкие правила, которые позволят использовать данные эффективно, при этом защищая права граждан. Важным элементом кодекса станет регулирование вопросов кибербезопасности и защиты информационных систем от угроз. Это особенно актуально в условиях увеличивающегося числа кибератак и утечек данных. Разработка цифрового кодекса должна учитывать международный опыт и стандарты, чтобы обеспечить гармонизацию российского законодательства с мировыми тенденциями. Это будет способствовать укреплению позиций России на глобальном рынке цифровых технологий.

Международное сотрудничество в области цифровых технологий и правового регулирования позволит обмениваться лучшими практиками и внедрять передовые решения в национальное законодательство.

Таким образом, создание цифрового кодекса рассматривается как стратегически важный шаг для обеспечения технологической независимости и экономического развития России. Этот документ должен стать основой для регулирования всех аспектов цифровой экономики и обеспечения правовой безопасности в условиях стремительного развития технологий.

Цифровая трансформация органов исполнительной власти в Российской Федерации предполагает необходимость всестороннего и динамичного правового регулирования, адаптированного к стремительно меняющимся технологическим условиям. Для успешной интеграции государственных структур в цифровую среду требуется наличие четкой и унифицированной правовой базы, которая охватывает все аспекты процесса цифровизации — от защиты данных и обеспечения кибербезопасности до применения новых технологий с учётом международного опыта.

Создание такой правовой базы является ключевым условием для эффективного функционирования государственного управления в условиях цифровой эпохи. Унификация нормативно-правовых актов позволяет минимизировать правовые пробелы и противоречия, что способствует повышению прозрачности и ответствен-

ности государственных органов. Кроме того, комплексное правовое регулирование должно учитывать как внутренние потребности государства, так и лучшие мировые практики в области цифровизации государственного управления.

Важным элементом правового регулирования цифровой трансформации является обеспечение надлежащей защиты персональных данных граждан. Введение строгих стандартов защиты информации и внедрение современных механизмов кибербезопасности помогут предотвратить возможные угрозы и повысить доверие населения к цифровым государственным услугам. Также

необходимо разработать правовые механизмы, которые позволят эффективно использовать новые технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и большие данные, в рамках государственного управления.

Таким образом, успешная цифровая трансформация органов исполнительной власти невозможна без всестороннего и динамичного правового регулирования. Создание четкой и унифицированной правовой базы, учитывающей все аспекты цифровизации, позволит государственным структурам оперативно адаптироваться к новым технологическим условиям и обеспечить более эффективное и прозрачное управление в цифровую эпоху.

Литература:

1. Белевцев А. А.: «Цифровизация — это фундаментальный тренд» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-may/1589542/> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты // Юрист. — 2019. — № 4. — С. 14–19
3. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). С. 26.
4. Кондратьева Н. Н., Комахина А. В. Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 3 (165). С. 134–139.
5. Кубанцева Е. В. Цифровая трансформация государственного управления как фактор достижения цифрового суверенитета в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 45–52. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.9.5>
6. Минбалеев А. В. Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения // Экономика и управление. — 2023. — Т. 29, № 8. — С. 956–963. — DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8 956-963.
7. Сивоконева П. С., Гаврилова В. Д. Перспективы и риски принятия Цифрового кодекса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9–5 (96).
8. Швецов А. Н., Рысина В. Н. Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта. Швецов А. Н., Рысина В. Н. Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта // ЭКО. 2020. № 2 (548). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosupravleniya-v-rossii-na-fone-luchshshegozarubezhnogo-opyta> (дата обращения: 20.10.2024).
9. Цифровая трансформация в государственном управлении [Электронный ресурс]: коллект. моногр. / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др.; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (2,3 Мб). — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023 (дата обращения: 20.10.2024).
10. Рейтинг GovTech Maturity Index 2022 / Сайт Всемирного банка <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-datadashboard> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 (ред. от 01.02.2023) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» (вместе с «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 42 (ч. 3). Ст. 6612.
13. http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/rasporyazhenie-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-ot-16-03-2024-637-r/?sphrase_id=8547 — Официальный интернет-портал правовой информации
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1468
15. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» <http://publication.pravo.gov.ru/> — Официальный интернет-портал правовой информации.

Преступления в сфере несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации или коллизии в законодательстве?

Артюхова Александра Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье автор исследует проблемы квалификации уголовных преступлений в сфере несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), банкротство, преступления в сфере экономической деятельности, преднамеренное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, фиктивное банкротство, уголовная ответственность.

Развитие экономических отношений и экономики в целом, а также их функционирование, безусловно, нуждаются в таком правовом инструменте, как банкротство. Изменения в законодательстве несостоятельности (банкротства) направлены на поддержку хозяйствующих субъектов и физических лиц, оказавшихся в сложной экономической ситуации, а также позволяют кредиторам взыскать задолженность, используя специальные правила и нормы, реализуемые в рамках процедуры банкротства.

Однако при реализации процедур банкротства можно разграничить должников на два типа:

1) оказавшихся в сложной экономической ситуации (финансовом кризисе) в результате конкуренции, изменения экономики, внешних факторов, обстоятельств непреодолимой силы и др.;

2) умышленно вошедших в процедуру банкротства с целью неуплаты (освобождения от уплаты) задолженности.

Безусловно, отсутствие цели в виде погашения задолженности перед кредиторами является злоупотреблением и нарушением прав и законных интересов кредиторов и влечет административную и уголовную ответственность. Административная ответственность предусмотрена за преднамеренное и фиктивное банкротства, согласно ст. 14.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), и за неправомерные действия при банкротстве, согласно ст. 14.13 КоАП РФ.

Останавливаться на административной ответственности в данной статье мы не будем, а рассмотрим более сложную и, на наш взгляд, интересную — уголовную ответственность за преступления, совершаемые при несостоятельности (банкротстве). Так, Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) предусматривает ответственность за вышеуказанные преступления: ст. 195 УК РФ — за неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 УК РФ — преднамеренное банкротство, ст. 197 УК РФ — фиктивное банкротство. При этом официальная статистика показывает низкий уровень реализации норм уголовного законодательства в сфере несостоятельности (банкротства). Так, согласно Главе 22 Раздела 8 «Отчета о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам», за 2023 год число осужденных по ст. 195 УК РФ — 4 человека, по ст. 196 УК РФ — 21, по ст. 197 УК РФ — 0; за 1 полугодие 2024 года число осужденных по ст. 195 УК

РФ — 4 человека, по ст. 196 УК РФ — 15, по ст. 197 УК РФ — 1 [1].

Подтверждает ли официальная статистика низкий уровень распространенности уголовных преступлений в сфере несостоятельности (банкротства)? Есть повод сомневаться. Обратимся к гражданской практике дел о банкротстве.

Например, по делу № А51–36241/2013 установлено, что до введения процедуры банкротства должник обладал имуществом (спецтехника), переданным по договорам финансовой аренды (лизинга) муниципальному предприятию. В преддверии дела о банкротстве с муниципального предприятия в судебном порядке в пользу должника взысканы лизинговые платежи в размере 57 млн руб. За три месяца до подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) должник заключил с аффилированным лицом договоры цессии (уступки права требования) на лизинговые платежи, взысканные с муниципального предприятия в судебном порядке. В арбитражном суде должник был заменен на правопреемника, и исполнительные листы выданы на аффилированное лицо. Федеральная служба судебных приставов взыскала лизинговые платежи в полном объеме. Стоит отметить тот факт, что на дату заключения договоров цессии у должника имелась задолженность в размере 19 млн руб., а также проводилась проверка, по результатам которой доначислено еще 20 млн руб., о чем должник был осведомлен. Денежные средства, взысканные по договорам финансовой аренды и поступившие на расчетный счет аффилированного лица, были выведены в пользу иных лиц, а само третье лицо исключено из ЕГРЮЛ.

В обоих юридических лицах учредителем являлось одно и то же физическое лицо. В Арбитражном суде Приморского края сделки по заключению договоров цессии признаны незаконными и оспорены: «...Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что заключенные договоры об уступке права требования привели к ухудшению финансового состояния должника. Установлено также, что в результате совершения оспариваемых договоров уступки права требования активы должника уменьшились на 57 млн руб. Оценив указанные обстоятельства, суд пришел к выводам о том, что заключение оспариваемой сделки повлекло причинение вреда имущественным правам кредиторов, выразившегося в умень-

шении размера имущества должника, утрате возможности кредиторов получить частичное удовлетворение своих требований...» [2]. Таким образом, в гражданском судопроизводстве подтвержден факт, что должник, не находясь в сложном финансовом положении (финансовом кризисе), реализовал реальные активы (рентабельные), что привело к процедуре банкротства. В установленном случае должник совершил действия (бездействие), заведомо влекущие неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, что можно квалифицировать как состав преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство). Стоит отметить тот факт, что в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 196 УК, РФ МВД России было отказано в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Если окунуться в анализ установленного преступления, то, безусловно, можно определить наличие ущерба как обязательного признака материального состава (более чем 2,25 млн руб. на дату совершения преступления), согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ [3]. Также можно установить нарушение охраняемых законом прав и интересов — определенного Законом о банкротстве [4] порядка удовлетворения требований кредиторов, что в данном случае имеет признаки объекта преступления. Безусловно, в данной ситуации установлен и субъект преступления. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела, привлечении лица к уголовной ответственности спорной и сложно доказуемой представляется субъективная сторона, которая характеризуется прямым умыслом и целью (банкротство организации), хотя, ис-

ходя из материалов рассматриваемого дела о банкротстве, доказана и субъективная сторона преступления.

Сложившаяся судебная практика определяет умысел как совокупность всех обстоятельств действий (бездействия), в том числе способ совершения преступления, поведение правонарушителя, его дальнейшие действия. В данном случае преднамеренное действие по усугублению финансового положения должника, приведшее в невозможности рассчитаться с кредиторами, констатирует факт умысла на преднамеренное банкротство.

Исходя из данных судебной статистики и практики гражданских судов, мы можем наблюдать лишь фрагментарную включенность органов уголовной юстиции в процесс регулирования отношений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве. При этом отсутствуют однозначные критерии дифференциации гражданско-правовых деликтов и уголовно-противоправных деяний в рассматриваемой сфере, что предопределяет выводы о необходимости дальнейшего совершенствования правовой базы [5].

Таким образом, по итогам проведенного нами анализа можно сделать следующие выводы. Частичная включенность правоохранительных органов в процесс регулирования отношений, связанных с преступлениями, совершаемыми в сфере несостоятельности (банкротства), не соответствует современным потребностям регулирования таких отношений. Отсутствие однозначных критериев разграничения гражданско-правовых деликтов и уголовно-противоправных деяний в сфере несостоятельности (банкротства) предопределяет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства об ответственности за преступления в сфере несостоятельности (банкротства).

Литература:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2024 года. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775> (дата обращения: 21.01.2025).
2. Дело № А51-36241/2013 // Архив Арбитражного суда Приморского края.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 9-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Г. А. Есакова. — М. : Проспект, 2021. — С. 848.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)».
5. Лаптев, Д. Б. Проблемы реализации норм о преступлениях в сфере банкротства / Д. Б. Лаптев, З. А. Гордиенко. — Текст : непосредственный // Безопасность бизнеса. — 2022. — № 5. — С. 41–44.

Регулирование принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

Балаганская Анастасия Антоновна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена анализу правового регулирования одного из основных принципов уголовного судопроизводства — охране прав и свобод человека и гражданина. Данный принцип берет свое начало в международном праве и основан на

нормах Конституции РФ. В уголовно-процессуальном законе рассматриваемый принцип закреплен с 2001 г. в одной из ст. 11 УПК РФ, где он выражен тремя различными аспектами.

Ключевые слова: охрана прав и свобод человека и гражданина, принципы уголовного судопроизводства, принцип охраны прав и свобод в уголовном судопроизводстве, регулирование принципов уголовного судопроизводства.

Regulation of the principle of protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings

Balaganskaya Anastasiya Antonovna, student master's degree
Baikal State University (Irkutsk)

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of one of the basic principles of criminal proceedings — the protection of human and civil rights and freedoms. This principle originates in international law and is based on the norms of the Constitution of the Russian Federation. In the criminal procedure law, the principle in question has been enshrined since 2001 in the Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the same name, where it is expressed in three different aspects.

Keywords: protection of human and civil rights and freedoms, principles of criminal proceedings, the principle of protection of rights and freedoms in criminal proceedings, regulation of the principles of criminal proceedings.

Обеспечению прав и свобод в уголовном судопроизводстве особое внимание начало уделяться в середине прошлого столетия, когда в международном праве был принят ряд документов, утверждающих основные стандарты в данной области. Первый универсальный документ, направленный на правовое регулирование охраны прав и свобод — это Всеобщая декларация прав и свобод 1948 г., которая закрепила базовые начала и ценности данного института. Затем развитие данного принципа можно усмотреть в Международном пакте о гражданских и политических правах. Непосредственно охрана прав и свобод в уголовном судопроизводстве закрепились в следующих документах — это Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью [6, с. 917]. В последнем документе представляется необходимым обратить внимание на ст. 6, где указана обязанность государства «гарантировать жертве преступлений доступ к правосудию и справедливое обращение, в том числе, путем принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести» [1].

Согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства» [2].

Исходя из этого, в каждой отрасли охрана прав и свобод выходит на первое место, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Так, в ст. 6 УПК установлено, что задачей уголовного судопроизводства является защита прав и интересов лиц, а сам принцип непосредственно закреплен в ст. 11 УПК РФ и закрепляет «охрану прав и свобод» [3]. Сразу отметим, что в доктрине нередко обращают внимание на некую терминологическую неясность при ис-

пользовании в одних нормах слова «защита», а в других «охрана».

Как пишет В. А. Азаров: «... Охрана интересов — понятие более объемное, оно включает в свое содержание и защиту. Охраняются права и интересы постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [4, с. 81].

М. Л. Базюк в своем научном исследовании делает вывод о том, что «в уголовном судопроизводстве под охраной личности следует понимать совокупность охранительных и регулятивных норм права, регламентирующих предотвращение потенциальных и устранение имеющихся нарушений прав, свобод и интересов субъектов правоотношений, а также деятельность государственных органов и их должностных лиц, направленная на реализацию указанных норм, осуществление комплекса мер, направленных на создание условий по реализации субъективных прав участников уголовного судопроизводства и восстановление этих прав в случае нарушения, а под защитой прав личности — совокупность преимущественно охранительных норм права, направленных на восстановление прав, реализацию субъективных прав участников в случае их нарушения или ограничения, осуществления комплекса мер, направленных на устранение обстоятельств, препятствующих осуществлению прав, а также деятельность государственных органов и должностных лиц» [5, с. 6].

Обращаясь к содержанию исследуемого в статье принципа можно отметить, что он является комплексным и выступает определенным фундаментом построения государственно-правовой политики в судопроизводстве. Выступая в качестве фундамента, он дает начало и другим важным принципам в данной области, таким как, например:

— принцип разумного срока, который обеспечивает право гражданина на проведение судебного рассмотрения за определенный срок;

— также он дает начало принцип уважения чести и достоинства, который устанавливает защиту для граждан в виде запрета на унижение их достоинства в судебном разбирательстве;

— презумпция невиновности также в своей основе отвечает принципу охраны прав и свобод человека и гражданина;

— принцип языка уголовного судопроизводства, закрепляет право гражданина делать заявления, давать объяснения и т. п. на родном языке, что также является обеспечением охраны прав граждан.

Исходя из изложенного, можно сказать, что принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве выступает принципом-институтом, который выступает основой для формирования подсистемы перечисленных выше и иных принципов. [7, с. 117].

Как мы уже отметили ранее, сегодня принцип охраны прав и свобод человека и гражданина закреплен в ст. 11 УПК РФ, где можно обнаружить три его составляющие, направленные на определение обязанностей долж-

ностных лиц участников уголовного процесса по его обеспечению. К таким составляющим относятся:

— во-первых, обязанность государственных органов разъяснять права и обязанности участника уголовного судопроизводства, включая разъяснения о наличии свидетельского иммунитета и ответственности за дачу показаний;

— во-вторых, обязанность принимать меры безопасности в отношении участников уголовного процесса;

— и, наконец, обязанность возмещать вред, который был причинен человеку и гражданину судом или иными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что закрепленный сегодня в ст. 11 УПК РФ принцип охраны прав и свобод человека и гражданина берет свое начало в международном праве и нормах Конституции РФ, где установлен приоритет прав и свобод человека. Законодатель отразил данный принцип через систему обязанностей государственных органов, осуществляющих уголовное преследование и сделал его определенной основой для построения других принципов процесса.

Литература:

1. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинства видов обращений и наказания (Принята 09.12.1975 года Генеральной Ассамблеей ООН) // СПС «Консультант Плюс».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями от 1 июля 2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 апр. 2023 г.) // СПС «Консультант Плюс».
4. Азаров В. А. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: монография / В. А. Азаров, С. В. Супрун. — Омск: Омская академия МВД, 2001. — 266 с.
5. Базюк М. Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / М. Л. Базюк. — Иркутск, 2009. — 26 с.
6. Тензина Е. Ф. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / Е. Ф. Тензина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2021. — Т. 31. — № 5. — С. 917–923.
7. Ходжибаев Р. Р. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / Р. Р. Ходжибаев, А. Ю. Прокофьева // Проблемы и перспективы становления гражданско-правового общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — 2019. — С. 117–119.

О некоторых вопросах организации местного самоуправления в Российской Федерации и его реформировании

Баранникова Наталия Анатольевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы полномочий муниципальных органов власти, а также один из основных принципов местного самоуправления — самостоятельность муниципальных образований. В статье названы проблемы, которые может вызвать надделение муниципальных образований самостоятельностью в случаях излишнего дробления территорий на отдельные муниципальные образования, на примере городского округа Челябинск с внутригородским делением. Также в статье показана практика городских округов Челябинск, Махачкала и Самара по переходу на одноуровневую систему в целях повышения эффективности осуществления полномочий органами местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальное образование, местное самоуправление, самостоятельность муниципальных образований, двухуровневая и одноуровневая системы организации местного самоуправления, городской округ с внутригородским делением, внутригородские районы, местная реформа.

Муниципальное правотворчество является одним из важнейших направлений деятельности органов местного самоуправления. Приоритет в области муниципального правотворчества принадлежит представительным органам, в исключительном ведении которых находится издание актов по важнейшим вопросам функционирования муниципального образования.

Результатом муниципального правотворчества являются муниципальные правовые акты, регулирующие правовые отношения на уровне муниципального образования, учитывающие потребности населения конкретной территории. Муниципальные правовые акты определяют порядок осуществления местного самоуправления, регулируют отношения в сфере организации местного самоуправления соответствующего муниципального образования.

Вместе с тем, в силу статьи 3 Конституции Российской Федерации, определенную роль в муниципальном правотворчестве имеет население, которое, реализуя свое право на самоуправление, может непосредственно участвовать в принятии муниципальных правовых актов, либо опосредованно влиять на данный процесс с помощью предусмотренных законодательством форм.

Федеральным законодательством закреплено определение муниципального правового акта. Так, согласно статье 2 Федерального закона 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» «муниципальный правовой акт — это решение, принятое непосредственно населением муниципального образования по вопросам местного значения, либо решение, принятое органом местного самоуправления и (или) должностным лицом местного самоуправления по вопросам местного значения, по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также по иным вопросам, отнесенным уставом муниципального образования в соответствии с федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления и (или) должностных лиц местного самоуправления, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, устанавливающие либо изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер» [11].

Местное самоуправление, являющееся одной из основ конституционного строя Российской Федерации, а также одной из форм осуществления народом своей власти, впервые в России признано и гарантировано основным законом нашего государства — Конституцией Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. При этом высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Статья 12 Конституции РФ закрепляет, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. При этом часть 1 статьи 130 Конституции РФ устанавливает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Основные вопросы местного значения определены в части 1 статьи 132 Конституции РФ и включают управление муниципальной собственностью, формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, введение местных налогов и сборов, обеспечение в пределах своей компетенции доступности медицинской помощи, а также решение иных вопросов местного значения. Население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом.

Перечень вопросов, относящихся к компетенции местного самоуправления, Конституцией РФ не исчерпывается. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» конкретизирует полномочия органов местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения. Также Конституция РФ предусматривает возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями при условии передачи необходимых материальных и финансовых средств. В реализации отдельных государственных полномочий органы местного самоуправления обладают меньшей самостоятельностью, по сравнению с решением вопросов местного значения, учитывая, что реализация данных полномочий подконтрольна государству. На основании указанных норм можно сделать вывод об относительной автономности местного самоуправления, т. е. наделении органов местного самоуправления собственной компетенцией, собственными материальными и финансовыми ресурсами (муниципальной собственностью) для самостоятельной реализации полномочий в пределах данной компетенции.

Положением об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы, утвержденным Указом Президента РФ от 26.10.1993 № 1760 «О реформе местного са-

моуправления в Российской Федерации», было установлено, что федеральные органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ не вправе ограничивать права местного самоуправления, установленные Конституцией РФ и федеральным законодательством. Данное положение закреплено также в ст. 133 Конституции РФ, которой местному самоуправлению гарантируется запрет на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией РФ и федеральными законами, т. е. федеральное и региональное законодательство не может содержать нормы, ограничивающие конституционные права местного самоуправления.

Следует отметить, что, согласно статье 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. При этом, внесенными в Конституцию РФ поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года и вступившими в силу 4 июля 2020 года, в Конституцию РФ введена формулировка «единая система публичной власти». Согласно внесенным поправкам органы местного самоуправления наряду с органами государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

В соответствии с частью 1 статьи 72 Конституции РФ установление общих принципов организации системы органов местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Общие принципы организации местного самоуправления установлены Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», являющимся важнейшим источником муниципального права. Данный закон в соответствии с Конституцией РФ устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяет государственные гарантии его осуществления.

Самостоятельность органов местного самоуправления в пределах собственной компетенции также обеспечивается нормами Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которыми осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий высшими органами власти в отношении муниципальных образований допускается только в установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, данным Федеральным законом и другими федеральными и региональными законами случаях. Кроме того, при осуществлении муниципальными органами полномочий не допускается подчиненность одного муниципального образования другому.

Финансовые обязательства, возникающие у муниципальных образований в связи с решением вопросов мест-

ного значения, исполняются за счет средств местных бюджетов (за исключением субвенций, предоставляемых местным бюджетам из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ для осуществления переданных отдельных полномочий). Это является одним из основных принципов правового регулирования полномочий органов местного самоуправления.

Однако, не во всех без исключения случаях самостоятельность органов местного самоуправления может обеспечить реальную способность органов местного самоуправления осуществлять решение вопросов местного значения под свою ответственность, за счет собственных средств и в интересах местного населения.

Излишнее дробление территорий на отдельные муниципальные образования и предоставление им полномочий в рамках законодательства, как показывает практика, имеет ряд негативных последствий. В частности, рассмотрим пример, когда в городских округах в соответствии с законами субъекта Российской Федерации местное самоуправление может осуществляться также на территориях внутригородских районов.

В 2014 году Федеральным законом от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были внесены изменения, касающиеся территорий муниципальных образований. Так, законодателем были введены понятия «городской округ с внутригородским делением» и «внутригородской район», который может быть образован на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. При этом, правом наделения муниципальных образований статусом городского округа с внутригородским делением и внутригородского района, с учетом мнения населения соответствующего городского округа, обладают субъекты Российской Федерации, которые получили также права устанавливать полномочия органов местного самоуправления городского округа и внутригородских районов, определять состав муниципального имущества и источники доходов местных бюджетов.

Воспользовавшись новыми нормами закона, в Российской Федерации было образовано три городских округа с внутригородским делением: Челябинск, Махачкала, и Самара.

Введение в городских округах двухуровневой системы должно было решить, в том числе, следующие задачи: «установить непосредственную связь между населением и депутатами представительного органа внутригородского района города; усилить общественный контроль над

деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления», «...повысить качество муниципальных услуг, предоставляемых населению...» и «...приблизить местную публичную власть к населению...» [8, С. 32].

Однако, на практике такая система не дала положительных результатов, выявив, по мнению политических деятелей и научных экспертов городского округа Челябинск, ряд проблем.

Во-первых, проведенная реформа «не позволила эффективно перераспределить нагрузку между городом и вновь созданными внутригородскими районами посредством увеличения полномочий районов [5, с. 2]. Внутригородские районы, по мнению экспертов, оказались способны обеспечить решение лишь одного вопроса местного значения — вопроса благоустройства, а решение остальных важных вопросов, таких как обеспечение транспортной инфраструктуры, градостроительная деятельность, единая концепция внешнего облика города, остались на городском уровне.

Во-вторых, не была решена должным образом проблема бюджетной обеспеченности внутригородских районов. Низкие доходы, поступающие в бюджеты внутригородских районов, необходимость обеспечения сбалансированности районных бюджетов за счет межбюджетных трансфертов привели «к затягиванию процесса исполнения бюджета по сравнению с аналогичными процессами при одноуровневой организации местного самоуправления» [5, с. 2].

В-третьих, разделение городского округа на внутригородские районы значительно увеличило количество депутатов в представительных органах муниципальных образований, что, в свою очередь, привело к необходимости увеличения расходов местных бюджетов на содержание представительных органов районного уровня и местных администраций.

В-четвертых, депутаты представительных органов внутригородских районов избираются населением соответствующего района путем прямых выборов, при этом представительный орган на городском уровне формируется путем делегирования депутатов из районных советов, без учета мнения населения. По мнению экспертов Комитета гражданских инициатив, «увеличение числа депутатского корпуса за счёт создания районных советов лишь формально приблизило власть к населению. На практике же районные избранники не обладают достаточными ресурсами для того чтобы влиять на принятие управленческих решений» [6, с. 1].

Таким образом, образование городских округов с внутригородским делением не позволило оптимизировать решение вопросов местного значения и привело к усложнению управленческих, бюджетных и организационных процедур.

Эксперты публичных слушаний в городском округе Челябинск пришли к выводам о неэффективности двухуровневой системы власти в городе Челябинске, в связи

с «искусственностью деления единого городского пространства на внутригородские районы, не обладающие финансовой и функциональной самостоятельностью...» и «недостижением главной цели реформы — приближение муниципальной власти к населению» [5, с. 3].

Соответствующие выводы привели к необходимости проведения местной реформы по переходу на одноуровневую модель муниципального самоуправления.

Сначала в 2024 году соответствующую реформу провели в Челябинске. Так, Законом Челябинской области от 01.04.2024 № 32-ЗО «О преобразовании Челябинского городского округа с внутригородским делением и внесении изменений в некоторые законы Челябинской области, признании утратившими силу некоторых законов Челябинской области и отдельных положений законов Челябинской области» Челябинску возвращен статус городского округа [4].

Также в 2024 году в городском округе Махачкала в соответствии с Постановлением Правительства Республики Дагестан от 13 ноября 2024 г. № 362 «О выдвижении инициативы о преобразовании городского округа с внутригородским делением «город Махачкала» Республики Дагестан» начался процесс преобразования городского округа с внутригородским делением [9]. Администрацией городского округа Махачкала для выявления мнения населения относительно предстоящих изменений 9 декабря 2024 года были проведены публичные слушания, в которых приняло участие путем предоставления письменных предложений (мнений) и очного голосования 5192 человек, из них 4687 человек проголосовало «за» преобразование городского округа Махачкала [1]. Распоряжением Правительства Республики Дагестан от 11 декабря 2024 г. № 577-р одобрен проект закона Республики Дагестан «О преобразовании городского округа с внутригородским делением «город Махачкала» Республики Дагестан, внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Дагестан» [10].

В настоящее время проведение реформы планируется осуществить также в городском округе Самара Самарской области. На основании Решения Думы городского округа Самара от 28.11.2024 № 437 с 30 ноября 2024 года по 21 декабря 2024 года в Самаре проведены публичные слушания посредством участия жителей города в обсуждении вопроса о преобразовании городского округа Самара в форме сбора мнений (отзывов). Согласно опубликованной информации, в публичных слушаниях приняло участие более тысячи жителей Самары, при этом было выражено 918 положительных мнений (отзывов) [2, с. 25]. Следующим этапом реформы должно стать принятие Закона Самарской области о преобразовании городского округа Самара и лишение его статуса городского округа с внутригородским делением.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Стремительно развивающееся федеральное и региональное законодательство, определяющее правовые основы местного самоуправления, не всегда имеют положи-

тельный эффект и учитывают все особенности нижних уровней публичной власти. Введение в федеральное законодательство изменений, предусматривающих деление городских округов на внутригородские районы, на сегодняшний день не оправдывает ожидаемые результаты. Излишнее дробление муниципальных образований и дублирование полномочий затрудняет решение местных задач и ставит под вопрос реализацию основного принципа местного самоуправления — самостоятельность органов местного самоуправления.

Указанные проблемы послужили основанием для законодательских инициатив на федеральном уровне. Предложения по переходу на одноуровневую систему местного самоуправления нашли свое отражение в проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который был одобрен в первом чтении Государственной Думой еще в 2022 году [3]. В рассматриваемом законопроекте предлагается сохранить только три вида муниципальных образований (городской округ, муници-

пальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения), при этом не допускается включение территории муниципального образования в состав территории другого муниципального образования, что, по мнению законодателей, позволит повысить эффективность органов местного самоуправления, укрепить финансовую основу их деятельности.

Одноуровневая система местного самоуправления в большинстве городских округов является неотъемлемой частью системы публичной власти Российской Федерации и позволяет результативно обеспечивать реализацию местных, региональных и общегосударственных задач и функций в рамках конституционных полномочий, с учетом особенностей своего конституционно-правового статуса.

Таким образом, многообразие общественных отношений, регулируемых местными органами, необходимость укрепления местного самоуправления как основы конституционного строя, определяют потребность постоянного совершенствования правовых основ местного самоуправления.

Литература:

1. «Заключение о результатах публичных слушаний по вопросу преобразования городского округа с внутригородским делением «город Махачкала» Республики Дагестан в связи с лишением статуса городского округа с внутригородским делением», 10.12.2024, [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Махачкалы: <https://mkala.ru/messages/5572/provedenie-publicnyx-slusanii-po-voprosu-preobrazovaniya-go-s-vd-gorod-mahackala>, с. 1–2.
2. «Заключение о результатах публичных слушаний по вопросу «О преобразовании городского округа Самара Самарской области в связи с лишением статуса городского округа с внутригородским делением», Дума городского округа Самара, 19.12.2024, «Самарская газета», № 281 (7882), с. 25.
3. Законопроект № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>.
4. Закон Челябинской области от 01.04.2024 № 32-ЗО (ред. от 25.12.2024) «О преобразовании Челябинского городского округа с внутригородским делением и внесении изменений в некоторые законы Челябинской области, признании утратившими силу некоторых законов Челябинской области и отдельных положений законов Челябинской области» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru/>, 01.04.2024, № 7400202404010001.
5. «Итоговый документ публичных слушаний», 12.07.2023 // [Электронный ресурс] // Официальный вестник Челябинской городской думы: <https://smichelduma.ru/court-decisions/24496/>, с. 1–4.
6. «Комитет гражданских инициатив. Эксперты КГИ представили доклад «Опыт создания городских округов с внутригородским делением: проблемы и перспективы», 15.03.2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации сибирских и дальневосточных городов: https://www.asdg.ru/sections/veconom/novosti.php?ELEMENT_ID=354656&SECTION_ID=.
7. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.
8. Максимов В. П., Горшенин В. П. «Реформирование местного самоуправления в Челябинском городском округе» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1 (356), с. 31–34.
9. Постановление Правительства Республики Дагестан от 13.11.2024 № 362 «О выдвижении инициативы о преобразовании городского округа с внутригородским делением «город Махачкала» Республики Дагестан» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>, 19.11.2024, № 0500202411190020.
10. Распоряжение Правительства Республики Дагестан от 11.12.2024 № 577-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан: <https://pravo.e-dag.ru>, 13.12.2024, № 05002014959.

11. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 10.07.2012) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

Защита интеллектуальной собственности

Башкиров Михаил Павлович, студент

Камчатский государственный технический университет (г. Петропавловск-Камчатский)

В этой статье автор рассматривает понятие интеллектуальной собственности, основные критерии и методы защиты. Цель данной статьи — проанализировать современные вызовы в области защиты интеллектуальной собственности и предложить возможные пути их решения.

Ключевые слова: интеллект, собственность, права, технологии, сеть.

Интеллектуальная собственность (ИС) играет важную роль в современном обществе, так как способствует инновациям и экономическому развитию. Однако с развитием технологий и глобализацией возникает множество проблем, связанных с правоприменением в данной сфере. Цель данной статьи — проанализировать современные вызовы в области защиты интеллектуальной собственности и предложить возможные пути их решения.

Ключевыми категориями интеллектуальной собственности являются:

1. Авторское право — охраняет литературные, художественные и научные произведения (книги, музыка, фильмы и т. д.). Авторское право возникает автоматически с момента создания произведения.

2. Патенты — защищают изобретения, новые технологии, промышленные образцы и полезные модели. Патенты предоставляют владельцу исключительное право на использование и коммерциализацию изобретения на определенный срок.

3. Торговые марки — знаки, символы, логотипы или названия, которые отличают товары или услуги одной компании от других. Регистрация торговой марки предоставляет право на её использование и защиту от неправомерного использования.

4. Коммерческая тайна — охраняет конфиденциальную информацию, которая предоставляет бизнесу конкурентное преимущество (например, рецепты, стратегии, технологии).

5. Промышленные образцы — защищают уникальные внешние признаки изделия, такие как форма, цвет и текстура.

Интеллектуальная собственность (ИС) играет важную роль в современном обществе и экономике по нескольким причинам:

2. Стимулирование инноваций: Защита интеллектуальной собственности мотивирует создателей и компании разрабатывать новые идеи, технологии и продукты. Возможность получения патентов, авторских прав или других форм защиты дает уверенность в том, что труд и инвестиции не будут бесполезными.

3. Защита интересов авторов и изобретателей: ИС дает авторам и изобретателям право контролировать использование своих произведений и получать от этого экономическую выгоду. Это помогает обеспечить справедливое вознаграждение за их усилия и талант.

4. Создание конкурентного преимущества: Компании могут использовать свои права на интеллектуальную собственность как конкурентное преимущество, выделяясь на рынке и привлекая клиентов уникальными предложениями.

5. Увеличение инвестиций: Наличие защищенных интеллектуальных активов делает компании более привлекательными для инвесторов, так как оно снижает риски и увеличивает потенциальную доходность.

Защита интеллектуальной собственности позволяет создателям и компаниям контролировать использование своих идей и получать от них прибыль, что стимулирует инновации и творчество. Нарушение прав интеллектуальной собственности может привести к юридическим последствиям, включая штрафы и возмещение убытков.

Защита интеллектуальной собственности стала особенно актуальной в условиях цифровизации экономики. Распространение интернета и новых технологий создало условия для быстрого и массового копирования объектов ИС, что ставит под угрозу права авторов и правообладателей. Более того, различия в национальных законодательствах усложняют правоприменение на международном уровне [1].

Одной из основных проблем является пиратство и контрафакт. Существуют различные формы нарушения прав, включая изготовление и продажу поддельных товаров, а также незаконное использование авторских произведений.

Цифровая среда существенно осложняет защиту интеллектуальной собственности. Легкость, с которой можно копировать и распространять материалы в сети, требует новых подходов к правоприменению.

Различия в законодательстве различных стран создают препятствия для эффективной защиты прав. Например, не все страны имеют аналогичные механизмы защиты авторских прав или патентов [2].

Для эффективной борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности необходимо активное международное сотрудничество. Создание единых стандартов и норм позволит упростить правоприменение на глобальном уровне.

Использование блокчейн-технологий может стать одним из способов защиты прав на интеллектуальную собственность. Эти технологии обеспечивают прозрачность и отслеживаемость использования объектов ИС.

Важно проводить образовательные программы как для правообладателей, так и для конечных пользователей. Повышение уровня осведомленности о правах интеллектуальной собственности поможет сократить количество нарушений.

Литература:

1. Бентли Л. Право интеллектуальной собственности. Авторское право. — М.: Юридический центр, 2016.
2. Бирюков А. А. Право интеллектуальной собственности в схемах. — М.: Проспект, 2016.
3. Жарова А. К. Интеллектуальное право. Защита интеллектуальной собственности. — М.: Юрайт, 2025.

В условиях стремительного развития технологий защита интеллектуальной собственности сталкивается с новыми вызовами. Необходимы скоординированные действия на международном уровне, применение современных технологий и просветительская работа для создания более безопасной и справедливой среды для всех участников рынка. Решение этих вопросов позволит обеспечить надлежащую защиту прав авторов и стимулировать инновации в будущем [3].

В заключение, интеллектуальная собственность играет важную роль в современном обществе, поддерживая инновации, творчество и экономическое развитие. Однако ее эффективное управление требует постоянного совершенствования правовых норм и международного сотрудничества.

Снижение эффективности неотложных следственных действий как фактор, влияющий на раскрытие преступлений

Борокшонова Ирина Артуровна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья раскрывает значение неотложных следственных действий в процессе раскрытия преступлений. Характеризуется их роль в оперативном сборе доказательств. Автор анализирует практику применения УПК РФ, указывая на снижение раскрываемости преступлений, в том числе из-за недостаточного внимания к неотложным следственным действиям ввиду того, что уголовные дела зачастую передаются следователю без предварительного проведения таких действий, что в результате приводит к временным задержкам и утрате ключевых доказательств. Автор приходит к выводу о необходимости надлежащего исполнения существующих норм УПК РФ и повышении роли органов дознания в раскрытии преступлений.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, эффективность, раскрытие преступлений, следователь, дознаватель.

Нормативные акты, регулирующие оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, формируют правовую основу для представления результатов оперативно-розыскной деятельности. Различные акты в данной сфере обеспечивают юридическое обоснование данного процесса и конкретизируют процедуру и порядок его реализации.

Неотложные следственные действия — это процессуальные действия, которые проводятся безотлагательно в ходе уголовного судопроизводства, когда необходимо оперативно собрать доказательства, предотвратить их утрату, а также в целом обеспечить эффективность расследования. Указанные действия могут осуществляться органами дознания или следователями при наличии обстоятельств, требующих немедленного процессуального

вмешательства — задержание подозреваемого, обыск, осмотр места происшествия, допрос и другие меры, направленные на установление или сохранение доказательств. Законодательство допускает их производство без предварительного разрешения суда [1, с. 99].

Как обоснованно отмечают некоторые специалисты, с момента принятия УПК РФ уровень раскрываемости преступлений заметно снизился. Связано это в первую очередь с более жесткими требованиями к соблюдению прав обвиняемых, к допустимости доказательств и иным нововведениям, в значительной степени усложнившим процесс расследования. Иная причина, негативно повлиявшая на эффективность раскрытия преступлений — недостаточное внимание на практике к неотложным следственным действиям.

Статья 157 УПК РФ, посвященная неотложным следственным действиям, устанавливает требования и порядок их проведения. Орган дознания обязан производить неотложные следственные действия в случае, если имеются признаки преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно. При этом, после их проведения, уголовное дело должно быть направлено руководителю следственного органа в срок не позднее 10 суток. Впоследствии уголовное дело может расследоваться только по поручению следователя. Фактически основное назначение неотложных следственных действий заключается в оперативном установлении подозреваемого и раскрытии преступления, что, в свою очередь, повышает шансы на успешное завершение расследования.

Статья 149 УПК РФ также указывает на необходимость проведения неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела. На практике зачастую наблюдается ситуация, когда уголовные дела направляются руководителю следственного органа без предварительного проведения таких действий.

Нормы УПК РФ, касающиеся производства неотложных следственных действий органами дознания, на практике часто обходятся в силу ведомственных указаний как со стороны самих органов дознания, так и со стороны органов предварительного следствия. После возбуждения уголовного дела орган дознания обязан провести неотложные следственные действия, однако обычно уголовное дело сразу направляется по подследственности, особенно это касается дел, связанных с экономическими преступлениями. То есть орган дознания, несмотря на свои полномочия, отказывается от проведения неотложных следственных действий, передавая дело следователю.

Кроме того, существует и другая практика, при которой следователи сами выезжают на осмотр места преступления, что также является частью неотложных следственных действий. Вместо того чтобы предоставить эти полномочия органам дознания, которые должны были бы первыми реагировать на преступление, следователь, в первую очередь, сам проводит осмотр и затем передает дело в производство. В таких случаях органы дознания по сути остаются отстраненными от выполнения ключевых первичных следственных действий. Принято считать, будто следователи обладают более высокой квалификацией и, следовательно, смогут более эффективно организовать производство расследования, чем органы дознания [2, с. 70].

Кроме того, в юридической литературе нередко возникает путаница между понятием неотложных следственных действий и первоначальных следственных действий [3, с. 30]. Действительно, неотложные следственные действия могут быть частью первоначальных ввиду того, что они имеют соответствующую направленность и особые требования к их проведению. Однако это не просто любые действия, проводимые сразу после возбуждения уголовного дела, а те следственные мероприятия, которые, согласно закону, должны осуществляться органами дознания. Неотложные следственные действия относятся к делам, ко-

торые впоследствии будут переданы следователю, что делает их частью специфической процедуры, отличной от остальных первоначальных действий.

Главное назначение неотложных следственных действий заключается в установлении личности подозреваемого, что является ключевым элементом раскрытия преступления [4, с. 200]. В этой связи орган дознания, обладая рядом значительных преимуществ, имеет гораздо больше возможностей для успешного выполнения этой задачи, чем следователь. Орган дознания, являясь коллективным органом, сочетает производственные функции с активной оперативно-розыскной работой. Оперативно-розыскная деятельность, как правило, выходит на первый план, и ее результаты могут быть незамедлительно использованы в производстве следственных действий.

Если же орган дознания передает дело следователю сразу после возбуждения уголовного дела, то это создает объективную паузу в расследовании, поскольку следователь должен ознакомиться с материалами дела и с результатами оперативно-розыскной работы. В силу специфики следственной работы следователь обычно ведет расследование самостоятельно в отличие от работников органов дознания, которые работают в коллективе. Следовательно, на начальных этапах расследования следователю приходится делать значительные усилия для восстановления всей картины происходящего, чего можно было бы избежать, если бы неотложные следственные действия проводились органами дознания без задержек.

В результате, когда следователь принимает уголовное дело к своему производству, на его плечи ложится основная ответственность за раскрытие преступления. В условиях его ограниченности в возможностях оперативно-розыскной работы, эффективность расследования только снижается.

Мы можем без сомнений утверждать, что большую долю преступлений можно раскрыть и без участия органов дознания лишь благодаря использованию первоначальных следственных действий, однако такой подход не является применимым в случае с, например, тяжкими преступлениями, поскольку они, как правило, тщательно готовятся, их следы уничтожаются, доказательства скрываются. Так, традиционные следственные методы могут не принести нужных результатов, чего не скажешь о возможностях немедленного привлечения к делу оперативных работников.

Один из основных факторов, который способствует тому, что «каждое второе преступление остается нераскрытым» [5, с. 42], заключается в игнорировании неотложных следственных действий. Если они не проводятся своевременно, то нет сомнений в том, что важнейшие доказательства и следы будут безвозвратно утрачены. Необходимо понимать, что в этом процессе органы дознания не несут вины за снижение активности в раскрытии преступлений, переданных следователям. Их основная задача заключается в выявлении преступлений и принятии решения о возбуждении уголовного дела. Органы дознания

постоянно сталкиваются с потоком новых заявлений и сообщений о преступлениях, и их деятельность в первую очередь направлена на решение вопроса о возбуждении дела. Они не всегда могут быть вовлечены в дальнейшее расследование, которое часто требует участия более специализированных следователей [6, с. 25].

Здесь мы приходим к выводу, что современная роль органов дознания в уголовном процессе связана прежде всего с выявлением преступлений, а не их раскрытием. Как видится, деятельность органов дознания по выявлению преступлений должна быть ограничена, и основной упор в данном случае необходимо делать на раскрытии тех преступлений, по которым уже поступили заявления или сообщения.

Проблема неэффективного раскрытия преступлений и нарушения сроков производства следственных действий требует не столько изменений в УПК РФ, сколько должного исполнения существующих норм. В частности, органы дознания обязаны проводить неотложные следственные действия в срок до 10 суток, если уголовное дело возбуждено по факту совершенного преступления и по нему требуется обязательное проведение предварительного следствия. Следует избегать ситуаций, когда уголовное дело передается следователю без проведения данных действий органами дознания, поскольку это не только противоречит нормам УПК РФ (с формальной точки зрения), но и существенно снижает вероятность раскрытия преступления (с фактической).

Литература:

1. Балакшин В. С. Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования / В. С. Балакшин, А. И. Григорьев. — Текст: непосредственный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 6. — С. 98–104.
2. Кузнецова С. М. Отдельные аспекты места следователя в досудебном производстве / С. М. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2005. — № 5. — С. 70–71.
3. Белов О. А. Неотложные следственные действия в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний / О. А. Белов, Ю. Н. Спиридонова, А. В. Ильин. — Текст: непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. — 2021. — № 2(59). — С. 28–33.
4. Галушкин В. И. Получение информации о личности лица, причастного к совершению преступления, по следам, предметам и документам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия, и использование полученных данных для организации его розыска / В. И. Галушкин. — Текст: непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 5(142). — С. 199–211.
5. Данильян Э. С. Научно-техническая помощь следователям в предварительном исследовании вещественных доказательств по нераскрытым преступлениям, дела о которых приостановлены / Э. С. Данильян. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2024. — № 2(88). — С. 42–45.
6. Николюк В. В. Орган дознания как исполнитель поручения следователя: пределы компетенции в контексте парадигмы запрета делегирования ему полномочий по принятию процессуальных решений / В. В. Николюк. — Текст: непосредственный // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2-х частях, Орел, 06–07 октября 2022 года. — Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2022. — С. 21–28.

Задержание лица, совершившего преступление: цели и пределы

Габидуллина Гузель Ильмировна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор рассматривает процесс задержания лица, совершившего преступление. Кроме того, автор уделяет особое внимание целям и пределам данного задержания, выявляя важные аспекты и раскрывая их содержание.

Ключевые слова: задержание, преступление, цели, пределы, преступление.

Институт задержания лица играет очень важную роль в уголовном процессе, так как посредством него

обеспечивается безопасность в обществе и пресекаются будущие преступные деяния.

Задержание лица — это временное ограничение свободы лица, которое осуществляется правоохранительными органами с целью установления всех обстоятельств дела и отработки лица на причастность.

Задержание лица должно осуществляться с точным соблюдением законодательства с целью гарантирования защиты прав задержанного. Так, например, в Конституции РФ в статье 48 [1] указано то, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

В главе 12 УПК РФ [2] отражены нормы, касающиеся оснований и порядка задержания лица, а также оснований освобождения лица и порядка содержания подозреваемых под стражей.

Задержание лица в зависимости от обстоятельств дела может проводиться как запланировано, так и срочно.

Стоит отметить тот факт, что задержание в уголовно-процессуальном праве является мерой пресечения, а не наказанием, поэтому в процессе задержания лица должны быть соблюдены принципы законности и гуманизма. Институт задержания должен применяться в соответствии с законом, что способствует эффективному раскрытию преступлений и предупреждению преступности.

Существуют две главные цели задержания лица, совершившего преступление. Во-первых, это выяснение всех обстоятельств и отработка лица на причастность к преступлению, а во-вторых, разрешается вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу.

Основания для задержания лица следующие:

- 1) Лицо может скрыться от следствия и дознания.
- 2) Лицо может воспрепятствовать нормальному течению расследования.
- 3) Пресечение лица от дальнейших преступлений.

Что касается законодательно закрепленных оснований для задержания лица, совершившего преступление, то в статье 91 УПК РФ [2] отражены следующие основания:

- 1) Лицо застигнуто на месте преступления.
- 2) Очевидцы указали на данное лицо.
- 3) На одежде или при самом лице, а также в жилище обнаружены следы преступления.

Дополнительно нужно сказать о том, что задержание лица, совершившего преступление, является очень важным элементом всего уголовного процесса, так как данный институт обеспечивает явку подозреваемого или обвиняемого в суд, а также облегчает сбор доказательств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921.

Самое главное то, что во время задержания правоохранительные органы должны действовать согласно всем законам и процедурам проведения данного действия. Все это называется пределами задержания.

Так, к примеру, задержание должно быть пропорциональным по времени и не должно превышать необходимое время для расследования, а также применение силы не должно превышать установленные законом пределы.

Кроме того, задержанные подозреваемые имеют право на квалифицированную помощь юристов для защиты своих интересов, что является, как уже было сказано выше, одной из норм Конституции РФ [1] и принципом правового государства.

Использование ненадлежащих методов правоохранительных органов при задержании может подорвать доверие к правоохранительной системе в целом. Именно поэтому главной задачей правоохранительных органов является баланс между целями и пределами задержания лиц, совершивших преступление.

Итак, задержание лица должно соответствовать уголовно-процессуальному законодательству и принципам законности, гуманизма и соразмерности.

Пределы задержания включают в себя несколько положений.

Во-первых, задержание лица, совершившего преступление, осуществляется при наличии достаточных оснований полагать, что именно данное лицо совершило преступное деяние, об этом должны свидетельствовать четкие факты.

Во-вторых, задержание лиц, совершивших преступление, реализуется только уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов, при этом уголовно-процессуальное законодательство должно ими соблюдаться. Главные элементы процесса задержания — это протокол задержания и уведомление задержанного о его правах. Порядок задержания определен статьей 92 УПК РФ [2].

В-третьих, срок задержания, согласно положениям статьи 22 Конституции РФ, не должен превышать 48 часов, после чего задержанный подлежит освобождению. В другом случае сотрудники правоохранительных органов обязаны обратиться в суд для избрания меры пресечения.

В заключение нужно сделать вывод о том, что необходимо в обязательном порядке следовать установленному порядку Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством во избежание произвола и с целью защиты прав граждан.

Приемы доказательства и опровержения в судебной речи в разных видах судопроизводства

Герасимова Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В рамках представленной научной статьи рассматриваются приемы доказательства и опровержения в судебной речи в разных видах судопроизводства. Актуальность состоит в наличии различных приемов, однако, их повсеместное применение в российской правовой практике не допускается законодателем. В заключение предлагается изучить возможность предоставить большую свободу сторонам в рамках процесса доказывания.

Ключевые слова: приемы доказательства, приемы опровержения, уголовный процесс, гражданский процесс, косвенные доказательства.

Доказывание собственной позиции и опровержение мнения оппонента — это ключевые элементы для большинства судебных дел. Данный факт делает применение различных эффективных приемов доказательства и опровержения необходимым, однако, отличия, существующие в рамках разных видов судопроизводства, не позволяют применять все их в каждом случае. Эти аспекты делают тему работы актуальной, а практические рекомендации необходимыми.

Первоначально необходимо выделить те приемы доказательства и опровержения, которые являются наиболее результативными. Представим приемы доказательства [2, с. 43]:

1. Прямое доказательство предполагает, что оратор выводит истинность суждения через верность аргументов без применения каких-либо иных элементов. Пример — обвиняемый невиновен, так как его алиби подтверждают родственники и знакомые;

2. Косвенное доказательство от противного предполагает, что суждение доказывается через неверность вводимого допустимого антитезиса, связанного с ним. Предположим, обвиняемый невиновен, так как имеет алиби. Допустим, что у обвиняемого нет алиби, однако, родственники и знакомые уверяют, что обвиняемый был в помещении, отличном от места преступления, следовательно, обвиняемый имеет алиби;

3. Разделительное доказательство. В его рамках оратор представляются все возможные варианты, включая доказываемый тезис, которые постепенно исключаются, кроме основного. Например, в комнате находилось три лица, первое было убито, следовательно, возможно самоубийство или убийство вторым, или третьим лицом. Самоубийство было исключено, невиновность второго лица была доказана, следовательно, третье лицо является виновным.

Приемы опровержения иные [1, с. 255]:

1. Прямое опровержение предполагает, что доказывание неверности суждения происходит через достоверность аргументов. Например, обвиняемый невиновен, так как на орудие преступления нет отпечатков его пальцев [3, с. 384];

2. Сведение к абсурду. Требуется приведения аргументов, которые приводят к ложности тезиса. Например,

доказывается, что первое лицо невиновно, приводится факт того, что лишь первое, второе и третье лицо и лишь индивидуально могли совершить преступление, доказано, что второе лицо однозначно принимало участие в преступлении, следовательно, допуская верность тезиса, приходим к выводу о том, что первое и второе лицо действовал и вместе, что несопоставимо с фактами;

3. Разделительное опровержение — демонстрируются суждения, указывающие на неверность тезиса. Например, убийство могли совершить первое, второе или третье лицо, доказано, что второе лицо совершило преступление, следовательно, первое лицо невиновно.

На практике могут применяться иные приемы доказывания и опровержения, однако, эти справедливо считаются наиболее эффективными в рамках судебного процесса. Как уже было указано, все эти приемы не могут быть применены в каждом виде судопроизводства. Докажем это, представим их особенности. В рамках уголовного процесса законодателем закреплен перечень элементов, который подлежит доказыванию всегда. Согласно статье 73 Уголовного процессуального кодекса (УПК), к ним относят виновность лица, личность обвиняемого и иные аспекты. Существуют и специальные предметы доказывания, зависящие от дела, например, статья 421 УПК РФ требует, чтобы были изучены и доказаны определенные условия жизни обвиняемого, если это несовершеннолетний. В результате, например, следователь или прокурор, не могут полностью применить прием разделительного доказательства, так как законодателем четко выделены те предметы доказательства, которые должны быть изучены.

Иная ситуация наблюдается в гражданском, административном и арбитражном процессах. Они объединены потому, что согласно Гражданскому процессуальному кодексу (ГПК) (статья 60), Арбитражному процессуальному кодексу (статья 68) и Кодексу административного судопроизводства (статья 61) допустимым суд признает лишь такое доказательство, которое получено в соответствии с законодательно установленными средствами доказывания. Предположим, согласно статье 283 ГПК РФ, признать гражданина недееспособным суд может лишь в случае получения одного прямого доказательства — итогов судебно-психиатрической экспертизы. В резуль-

тате, адвокат в судебном процессе не сможет использовать ни один из косвенных приемов доказывания или опровержения — существует лишь одно доказательство, которое признается прямым приемом. При этом отметим, что во многих ситуациях законодатель допускает различные средства доказывания, что расширяет возможности сторон.

Нельзя не подчеркнуть следующее — в представленных судебных производствах суды самостоятельно решают, какие обстоятельства имеют значение по делу, а какие нет (например, статья 56 ГПК РФ). В результате, суд может потребовать доказать или опровергнуть одно из них, самостоятельно выдвинув его в деле. В итоге, применение некоторых приемов, например, разделительного доказательства, может быть даже контрпродуктивно — оратор представит множественность вариантов, но при этом суд посчитает, что не все из них были им рассмотрены, следовательно, выдвинет необходимость изучить дополнительные обстоятельства.

Дополнительно укажем следующее — в рамках УПК РФ допустимым будет то доказательство, которое получено при полном выполнении всех требований кодекса, соблюдении каждого пункта. Это существенно уменьшает возможности применения косвенных приемов доказывания и опровержения. В рамках других судебных процессов допустимость трактуется иначе, что может предоставлять более широкие рамки, если законодателем не установлены ограниченные средства доказывания.

Выделим еще одну значимую особенность — традиционно суды различно изучают вопрос обвинения в рамках уголовного и иных процессов. По причине того, что от решения в рамках уголовного процесс напрямую зависит дальнейшая жизнь человека, судьи принимают обвинительный приговор лишь в том случае, если сомнения в вине лица минимальны. В данном случае презумпция

невиновности крайне значима. В гражданских и иных судопроизводствах, вследствие меньшего влияния на жизнь лиц, применяется «баланс вероятностей». Он состоит в том, что решение принимается в пользу того факта, который с большей вероятностью имел место. При этом здесь функционирует доказательственная презумпция, позволяющая через косвенные факты убеждать суд в верности суждений, а также презумпция вины причинителя ущерба, априори обвиняющая причинителя ущерба в нем до тех пор, пока он не сможет доказать обратное. Все это существенно влияет на приемы доказывания и опровержения, формирует для одних сторон (например, прокурора и следователя в уголовном процессе и виновника ущерба в гражданском) более сложные условия, а для других (обвиняемый в уголовном процессе, или лицо, которому нанесли ущерб, в гражданском процессе), наоборот, упрощенные. В итоге, те стороны, ситуация которых более сложная, должны максимально точно использовать допустимые приемы для формирования однозначного, неопровержимого доказательства своей позиции. Иные стороны, условия для которых проще, могут применять любые допустимые приемы, увеличивая количество даже «слабых» аргументов в свою пользу.

В заключение констатируем, что законодатель сформировал неоднозначные условия для применения различных приемов доказательства и опровержения в судопроизводствах. В одних ситуациях допустимо использовать многочисленные различные приемы, в других реально лишь прямое доказательство или опровержение. Необходимо считать, что нужно изучить вопрос предоставления максимально широких возможностей участникам судебного процесса, минимизировать их ограничения в рамках процесса доказывания. Это позволит судам более полно и глубоко рассматривать каждое дело. Именно этот аспект рекомендуется изучить и внедрить на практике.

Литература:

1. Зайферт, А. Ю. Основные принципы ведения претензионной работы в современной России / А. Ю. Зайферт, Я. В. Земляченко // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: Сборник статей 13-й Международной научно-практической конференции, Курск, 26 октября 2023 года. — Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ЗАО «Университетская книга», 2023. — С. 253–256.
2. Молчанова, Е. Е. Судебная речь: риторический аспект / Е. Е. Молчанова // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Астрахань, 12–13 октября 2023 года. — Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. — С. 42–45.
3. Шелег, О. А. К вопросу об особенностях производства обыска по делам о незаконном обороте наркотических средств / О. А. Шелег // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года / Сост.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгардзе. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 382–386.

Организационные и тактические особенности использования специальных медицинских знаний при проведении отдельных следственных действий в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья

Гурбанова Ася Акифовна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

На сегодняшний день для достижения правосудия в любом судопроизводстве, в частности и в уголовном, невозможно обойтись без применения достижений разных областей наук, в том числе естественных. При расследовании преступлений против жизни и здоровья личности следователи неизбежно обращаются к лицам, обладающим специальными знаниями в сфере судебной медицины. Несмотря на позитивную статистику МВД России за январь-ноябрь 2024 года в виде сокращения количества преступлений против личности на 7,2 % (убийств и покушений на убийство на 7,2 %), а также фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 8,8 %) [1], деятельность лиц, обладающих специальными знаниями в сфере судебной медицины неизменно считается высоко оцениваемой, что обуславливает актуальность исследуемой темы. Основной целью текущего исследования, помимо определения сущностного влияния деятельности лица, обладающего специальными знаниями в сфере судебной медицины на ход расследования, также является определение соотношения границ компетентности следователя и данного лица при осмотре места происшествия ввиду их тесного взаимодействия и прямой зависимости друг от друга.

Основой раскрытия преступлений против жизни и здоровья является осмотр места происшествия (важное следственное действие, направленное на фиксацию обстоятельств места происшествия, в частности следов и иных объектов, подлежащих установлению и доказыванию в рамках уголовного дела). В случае же обнаружения трупа, следователь, в соответствии со ст.178 УПК РФ, привлекает к участию в его осмотре судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия — врача [2].

Говоря о задачах, которые реализует лицо, обладающее специальными знаниями в сфере судебной медицины в рамках осмотра места происшествия, выделим следующие:

1. Фиксация признаков, позволяющих судить о факте и времени наступления смерти.
2. Осмотр трупа в соответствии с правилами и порядком осмотра; устанавливает телесные повреждения, их характер и механизм образования, предполагаемое орудие травмы.
3. Помощь следователю при описании трупа, в обнаружении, изъятии и описании волос и следов биологического происхождения (кровь, сперма, моча, кал), а также предметов, орудий и иных объектов.

4. Изучение медицинских документов, обнаруженных на месте происшествия. Лицо, обладающее специальными знаниями в сфере судебной медицины выясняет наличие заболеваний, травм, а также состояние здоровья перед смертью потерпевшего.

5. Представление устного мнения о причине и давности наступления смерти, характере телесных повреждений, а также по другим специальным вопросам.

6. Помощь следователю при решении вопроса, о наличии повода для назначения судебно-медицинской экспертизы трупа.

7. Консультация следователя по вопросам оформления постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа и других объектов биологического происхождения [3].

Как видится из перечня представленных задач, лицо, обладающее специальными знаниями в сфере судебной медицины, в процессе своей работы часто контактирует со следователем, отчитывается за исследование каждого объекта, относящегося к его области знаний. Р. А. Кокорев в своей работе отмечает, что специальные медицинские знания в ходе расследования могут применяться только через совместную работу следователя и лица, обладающего данными знаниями. Автор выделяет «двойное положение специалиста». С одной стороны, его действия четко координируются и где-то ограничиваются следователем (что, в свою очередь объясняется высоким уровнем ответственности следователя за результаты расследования), а с другой — следователь не должен забывать, что в данной категории дел результат зависит именно от специалиста и неуместное препятствие его инициативе не способствует раскрытию дела [4].

Первостепенное значение при осмотре трупа имеет установление факта смерти потерпевшего. Объясняется это тем, что в различных состояниях организм может подавлять признаки жизнедеятельности (например, при отравлении, охлаждении, травме, полученной в результате удара током), из-за чего может возникнуть ложное суждение о том, что у потерпевшего наступила так называемая «мнимая смерть». В связи с чем, лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями, проводит осмотр тела на наличие ориентирующих и достоверных признаков смерти. К ориентирующим признакам относятся: неподвижность тела, бледность кожных покровов, отсутствию дыхания, пульса и сердцебиения, общей чувствительности, рефлексов со стороны роговицы и зрачков и другие. В перечень достоверных признаков смерти

входит: охлаждение трупа, наличие трупных пятен, трупного окоченения, пятен Лярше на зрачках и роговице глаз, феномен «кошачьего зрачка». В случае, если лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями, сомневается в наступившей смерти (т. е. нет достоверных признаков смерти), он обязан в срочном порядке оказать первую медицинскую помощь, вызвать бригаду скорой медицинской помощи, принять меры для доставки потерпевшего в ближайшее медицинское учреждение.

В случае установления факта смерти, требуется произвести осмотр трупа в определенной последовательности. Для планомерной работы на месте обнаружения трупа рекомендуется следующая последовательность осмотра и описания: 1) местоположение трупа; 2) поза трупа; 3) предметы на трупе и в непосредственной близости от него; 4) одежда и обувь трупа; 5) общие сведения о трупе; 6) наличие и выраженность трупных явлений; 7) признаки переживания тканей —(посмертные) реакции; 8) особенности тела трупа и его частей; 9) особенности телесных повреждений; 10) ложе трупа.

В результате первичного осмотра трупа лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями, содействует следователю в поиске и изъятии следов биологического происхождения (кровь, слюна, волосы, сперма, рвотные массы), после чего устно высказывает свое предварительное мнение о случившемся по результатам осмотра трупа.

Лицу, обладающему специальными медицинскими знаниями, при осмотре трупа в ключе изъятия биологического материала рекомендуется обращать внимание на «скрытые места», доступ к которым с первого взгляда не

очевиден. Кровь может находиться не только под ногтями пальцев рук трупа, на его одежде, но и под плинтусами, в щелях на полу, на невидимых участках мебели, окнах, ручках дверей. Части крови могут оставаться на орудии убийства, бинтах и тряпках. А в случае если лицо, совершившее преступление, попыталось скрыть содеянное и замыло пятна и капли крови, следует учитывать, что те ее частицы, что не смылись до конца, имеют другой оттенок, начиная от желтого и заканчивая зеленоватым, розовым. Для дополнительного исследования невидимых следов крови используют ультрафиолетовые лампы. А в случае, если предстоит изъять кровь со снега, то необходимо использовать марлю, причем изымать ее следует с наименьшим количеством снега, чтобы в последующем аккуратно просушить след [4].

Целью данной статьи было краткое рассмотрение особенностей использования специальных медицинских знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья личности. Было выявлено, что деятельность лица, обладающего специальными медицинскими знаниями, полноценно рассматривается только в рамках его совместной работы со следователем. Исходя из рассмотренных задач, главным образом выделим «содействие и помощь» следователю при осмотре трупа на месте происшествия. Несмотря на то, что лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями, выполняет свой объем работы в соответствии с указаниями следователя, в рамках осмотра места происшествия он должен проявлять инициативу и сообщать следователю свои доводы и обращать его внимание на особенности следов биологического происхождения.

Литература:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2024 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyanie-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-yanvar-oktyabr-2024-goda/> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Николаев П. М. Судебная медицина. Осмотр трупа на месте происшествия: учебное пособие для вузов /П. М. Николаев, В. А. Спиридонов, И. Г. Масаллимов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024.
4. Кокорев Р. А. Тактические особенности использования медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1.

Антимонопольные ограничения договорных отношений по энергоснабжению

Даричева Мария Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Таибова Оксана Юркиновна, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В данной статье автор рассматривает теоретические аспекты антимонопольного законодательства, а также практические примеры его применения в контексте энергетического рынка. Особое внимание уделяется изучению договорных отношений между участниками рынка энергоснабжения, включая производителей, поставщиков и потребителей энергоресурсов. Автор анализирует, как антимонопольные ограничения влияют на формирование цен, доступ-

ность энергии для различных категорий потребителей и развитие инфраструктуры энергоснабжения. Статья также затрагивает вопросы взаимодействия государственных регуляторов и участников рынка, обсуждая механизмы контроля за соблюдением антимонопольного законодательства и меры, принимаемые для предотвращения злоупотребления доминирующим положением.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, доминирующее положение, компания, гарантирующий поставщик, потребитель, электрическая энергия, сфера энергоснабжения.

В современном мире, где энергетическая безопасность и устойчивость являются ключевыми факторами развития экономики и общества, регулирование договорных отношений в сфере энергоснабжения приобретает особую актуальность. Антимонопольные ограничения, введенные для предотвращения злоупотребления доминирующим положением на рынке, играют важную роль в обеспечении справедливой конкуренции и защиты интересов потребителей.

В области электроэнергетики было реализовано множество законодательных инициатив, увеличивающих контроль Федеральной антимонопольной службы России. Введены нормативные акты, усиливающие наказания для коммерческих организаций и их управляющего состава за несоблюдение антимонопольных норм: включены такие санкции, как оборотные штрафы и уголовные преследования ответственных лиц.

Значительное увеличение числа дел, инициированных органами ФАС России в отношении энергоснабжающих компаний, связанных с нарушением антимонопольных норм, наблюдается параллельно с ростом случаев их административного наказания. ФАС стремится активно и последовательно использовать «оборотные» штрафы как административную меру против энергоснабжающих организаций. Это подчеркивает их приверженность к регулярной демонстрации данного подхода, независимо от того, насколько серьезным является нарушение.

Изучение законодательства, касающегося энергоснабжения, и способов его реализации выявляет его значительные недостатки. Заметная черта — множественность нормативных актов, регулирующих данные правоотношения. Установлено, что нормы этих актов часто бывают несогласованными, и имеются значительные пробелы в правовом регулировании ряда значимых аспектов в сфере энергоснабжения. Присутствует значительная неопределенность по вопросам:

1) «квалификации договорных отношений, в частности, отношений между энергоснабжающими организациями и исполнителями коммунальных услуг (управляющими компаниями, ТСЖ и др.);

2) оценки правомерности ограничения/прекращения ресурсоснабжения отдельных категорий потребителей;

3) применимости методик определения объема «бесприборного» потребления энергии;

4) оценки доминирования энергоснабжающих организаций на товарных рынках, определения границ данных рынков (в частности, отсутствие четких критериев определения границ рынка реализации/транспортировки теп-

ловой энергии, границ оптового/розничных рынков реализации электрической энергии и т. д.)» [3, с. 164].

Сложившиеся обстоятельства ухудшаются из-за неопределенности и постоянных изменений в методах, которые применяют высшие судебные органы для разрешения сложных юридических вопросов, связанных с правовым регулированием энергоснабжения. Это, в совокупности, создает благоприятные условия для того, чтобы действия энергоснабжающих компаний, даже если они и соответствуют нормам гражданского права, могли быть расценены как нарушение антимонопольного законодательства.

Взаимосвязь социально-политической атмосферы и вопросов энергоснабжения определяется участием граждан в данном процессе, поскольку они являются основными потребителями энергии, поставляемой соответствующими компаниями. В связи с этим, надзорные структуры, такие как ФАС и Прокуратура РФ, акцентируют внимание на разрешении сложных ситуаций в энергетическом секторе, включая проблемы с неплатежами и меры наказания за ограничения или прекращение поставок ресурсов, посредством привлечения более экономически состоятельных сторон — энергоснабжающих организаций. Вышеизложенное нередко приводит к неправомерному и необоснованному применению административных санкций по отношению к этим организациям.

Д. З. Ясагашвили раскрыл наиболее распространенные нарушения антимонопольного законодательства — злоупотребление доминирующим положением:

1. «Создание препятствий доступу на товарный рынок (соглашение об информационном обмене, договоры на передачу электроэнергии).

2. Экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора (договоры купли-продажи между гарантирующими поставщиками или энергосбытовой компанией).

3. Навязывание контрагенту условий договора невыгодных для него и не относящихся к предмету договора (техприсоединение, заключение договоров купли-продажи электрической энергии между гарантирующими поставщиками или энергосбытовой компанией).

4. Нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования (техприсоединение, иные случаи)» [7, с. 186].

Энергетическими компаниями часто предпринимаются действия, которые Федеральная антимонопольная служба определяет, как использование монопольного положения в ущерб конкуренции:

1) «навязывание потребителям незаконных и невыгодных условий договоров энергоснабжения, в том числе посредством: уклонения от подписания протокола разногласий потребителя к проекту договора, инициированному энергоснабжающей организацией (в случае очевидной правовой обоснованности разногласий, представленных потребителем);– направления энергоснабжающих организаций протокола разногласий к проекту договора, инициированному потребителем (в случае очевидной неправомерности положений договора, предлагаемых энергоснабжающей организацией к подписанию потребителю); применения иных способов воздействия на потребителя (направление писем, выставление счетов и др.), направленных на понуждение к включению в договоры соответствующих незаконных и невыгодных для потребителя условий» [7, с. 186].

А. Н. Варламова отмечает, что «на фоне сложившихся экономических реалий в России государство вынуждено сконцентрироваться на создании действенной конкурентной среды в сфере товарооборота. При этом особое внимание уделяется вопросам активации конкурентных механизмов на энергетических рынках, что остается среди ключевых задач» [2, с. 9].

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции» «доминирующему на рынке хозяйствующему субъекту запрещено навязывать контрагенту невыгодные условия договора. Из самой специфики отношений, возникающих в рамках договора энергоснабжения, следует, что при доминирующем положении энергоснабжающей организации у последней появляется возможность диктовать свои условия договора, которые зачастую отнюдь не являются выгодными для потребителя» [6].

Установленный региональной энергетической комиссией регламент тарифов для гарантирующего поставщика не предусматривает вариаций ставок в зависимости от уровней напряжения на границе балансовой принадлежности между сетевой организацией и потребителем. Подобная дифференциация условий по данному признаку противоречит законности, так как отсутствуют прямые указания в официальных документах на возможность таких различий в определении тарифных ставок.

Так, например, Приморским УФАС России рассматривалась ситуация, когда компания для расчетов с потребителями применяла уровни напряжений, согласованные сторонами по договорам энергоснабжения, заключенным с потребителями. УФАС признало такое условие недействительным, поскольку согласно Приказу ФСТ России от 6 августа 2004 г. № 20-э/2 «средний второй уровень напряжения определяется собственным уникальным характером подключения и собственным регулируемым тарифом, что не допускает его произвольного определения сторонами договора» [5].

Одной из форм указанного несоответствия является инициируемое в одностороннем ключе назначение временных рамок, правил и масштабов информационного взаимодействия в рамках договора энергоснабжения

между гарантирующим поставщиком и пользователем. Отсутствие в законодательных актах четкого определения порядка информационного обмена между потребителем и гарантирующим поставщиком приводит к тому, что данное взаимодействие становится затруднительным для клиента и налагает на него обязательства, которые могут быть несоразмерными и нарушающими нормы конкурентного права.

2) несоблюдение правил формирования цен, закрепленных в нормативных документах, проявляется в следующем: включение в соглашения и использование при подсчетах пункта о многократной (увеличенной) стоимости энергетических ресурсов, превышающих (или ниже) согласованного лимита; проведение расчетов за энергию по стоимости, определенной без учета утвержденного тарифа или его отсутствия; предоставление клиентам преференций, скидок и других привилегий, не предусмотренных текущими законами; несоблюдение установленного законом порядка передачи объемов и стоимости электроэнергии, закупленной на оптовых рынках электроэнергии, на розничные рынки;

3) «создание препятствий третьим лицам в доступе на товарный рынок реализации/транспортировки энергии: невыполнение (несвоевременное выполнение) обязательных (предусмотренных законом/договором) действий: осуществление согласований, предоставление документов (в том числе, технических условий, актов, счетов) и др.» [4, с. 156];

4) реализуемые схемы энергоснабжения для потребителей, не соответствующие антимонопольным нормам, ведут к ряду негативных последствий. Во-первых, наблюдается рост стоимости электроэнергии для потребителей. Во-вторых, осуществляется сегментация рынка по категориям потребителей, что приводит к ограничению конкуренции в этом секторе. Такие действия оказывают значительное влияние на товарное разнообразие и снижают доступность рынков для новых участников;

5) неправомерное уклонение от подписания договоров на поставку и транспортировку энергии может проявляться в форме отказа по разнообразным основаниям. Одной из причин может быть отказ, связанный с тем, что регулирующий орган утверждает тариф на продажу энергии, не учитывая расходы на ее доставку. Также отказ может основываться на отсутствии у потребителя документов, подтверждающих его статус управляющей компании или иной организации, занимающейся коммунальными услугами. Еще одной причиной может служить отсутствие прямого подключения сетей потребителя к сетям поставщиков энергии;

6) «прекращение (ограничение) энергоснабжения в случаях, не предусмотренных законодательством (в частности, п. 2 и 3 ст. 546 ГК РФ), а также нарушение установленного законодательством порядка прекращения (ограничения) энергоснабжения» [1, с. 93];

7) осуществление мероприятий, способствующих тому, чтобы контрагенты были вынуждены прекратить или из-

менить имеющиеся энергетические соглашения. Включая отправку корреспонденции контрагентов, касающейся предложений о расторжении таких соглашений и других подобных документов.

Для снижения вероятности привлечения компаний, поставляющих энергоресурсы, к административной ответственности за несоблюдение антимонопольного законодательства, целесообразно внедрение комплекса следующих мер:

1) Совершенствование и повышение результативности взаимодействия с ФАС России и соответствующими региональными УФАС, а также своевременное обнаружение и разрешение проблем, которые возникают в процессе этого сотрудничества. В рамках предложенной меры возможна реализация следующих мероприятий:

— подача письменных запросов в ФАС и УФАС с целью получения пояснений о законодательной базе, регулирующей сложные вопросы функционирования энергоснабжающих компаний, и проверки законности предполагаемых ими инициатив;

— обжалование в Правительство РФ, ФАС России систематических незаконных действий УФАС по отношению к энергоснабжающих организаций;

— совместное участие представителей ФАС в рабочих встречах, на которых рассматриваются юридически значимые аспекты функционирования энергоснабжающих компаний, включает необходимость детального протоколирования достигнутых результатов, а также последующее утверждение протоколов со стороны представителей как энергоснабжающих компаний, так и ФАС;

2) через утверждение локальными актами энергообеспечивающих компаний вырабатываются ключевые принципы взаимодействия с потребителями ресурсов на всех этапах договорного процесса. Это распространяется не только на формирование условий и согласование соглашений, но и на их последующее исполнение;

3) в сфере деятельности организаций, ответственных за снабжение электрической энергией, выявление и ограничение злоупотреблений, связанных с доминирующим положением на целевых рыночных сегментах, является критически важным. Важно акцентировать внимание на намеренных действиях, а не на тех, которые диктуются внешними обстоятельствами, с целью снижения рисков, связанных с монопольной практикой на товарных рынках;

4) Энергетические компании должны оперативно вести диалог с «проблемными» клиентами, чтобы эффективно решать возникающие разногласия и предотвращать запуски административных действий против этих организаций;

5) формирование «необходимой» судебной практики по спорным (проблемным) вопросам правоприменения, возникающим в деятельности энергоснабжающих организаций;

6) PR-сопровождение (в том числе на уровне федеральных СМИ) инициированных ФАС (априори обоснованных, ангажированных) административных разбирательств. PR-сопровождение судебных разбирательств, связанных с обжалованием незаконных актов ФАС. К числу ключевых действий в области PR-поддержки следует отнести интервью сотрудников энергоснабжающих компаний, публикацию пресс-релизов и статей в средствах массовой информации и на официальных веб-ресурсах этих компаний, а также проведение пресс-конференций с участием представителей СМИ и энергоорганизаций. Участие журналистов в административных и судебных процессах с вовлечением энергоснабжающих структур также является важным аспектом данного направления.

7) организация регулярных обсуждений, сосредоточенных на анализе взаимодействий с ФАС, сопровождающихся выработкой тактик для решения обнаруженных проблем.

8) судебная практика ВАС РФ, в частности, определение от 28 мая 2009 года № 5877/09, подтверждает, что энергоснабжающие компании имеют право отказать в заключении договора энергоснабжения, если отсутствует прямая связь сетей потребителя с их инфраструктурой, такая правомерность не является константой. Эта неоднозначность в правоприменении создает возможность привлечения данных компаний к ответственности за отказ от заключения договора при таких обстоятельствах.

9) важно подчеркнуть, что энергоснабжающие компании могут быть привлечены к ответственности даже при остановке или ограничении подачи энергии контрагентам на законных основаниях и в установленном порядке. Это особенно актуально в контексте взаимодействия с коммунальными службами, которые имеют задолженность по ресурсам. Такие меры могут затрагивать и добросовестных конечных потребителей — граждан, вызывая аналогичные последствия.

Таким образом, антимонопольное законодательство часто нарушается вследствие злоупотребления рыночным доминированием, когда устанавливаются незаконные повышенные условия контрагентам. Примеры этого включают дифференцированное ценообразование на основе уровней напряжения и одностороннее определение рамок энергоснабжения, касающихся сроков и порядка обмена информацией. Необходимы целенаправленные меры для предотвращения подобных правонарушений.

Литература:

1. Антимонопольный контроль в сфере электроэнергетики: научно-практическое пособие / А. Н. Голомолзин и др. — Москва: ДПК Пресс, 2014. — 586 с.
2. Варламова, А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок электроэнергетики / А. Н. Варламова // Конкурентное право. — 2019. — № 2. — С. 9–13.

3. Гангур, А. Н. Правовое регулирование договора энергоснабжения / А. Н. Гангур // Вестник науки. — 2023. — № 11 (68). — С. 164–169.
4. Максименко, П. Н. Антимонопольный контроль договорных отношений по энергоснабжению: соотношение доктринальных и нормативных установлений / П. Н. Максименко // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2022. — № 3. — С. 156–159.
5. Решение Приморского УФАС России от 28 мая 2014 г. № 10/06–2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://primorie.fas.gov.ru/solution/9344>.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 162. 27.07.2006; № 179. 14.08.2024.
7. Ясагашвили, Д.З., Квициния, Н. В. Особенности договора энергоснабжения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2–3 (89). — С. 186–189.

Противодействие коррупции в Австрийской Республике

Дмитриева Ольга Викторовна, студент;
Журавлева Ксения Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Данная статья рассматривает и презентует анализирует антикоррупционное законодательство Австрийской республики. В данной статье представлены нормы австрийского законодательства, направленные на борьбу с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, Уголовный кодекс Австрии, антикоррупционное законодательство.

Anti-corruption in the Republic of Austria

This article examines and presents analyzes the anti-corruption legislation of the Republic of Austria. This article presents the norms of Austrian legislation aimed at combating corruption.

Keywords: corruption, Austrian Criminal Code, anti-corruption legislation.

Коррупцию можно назвать одной из острейших проблем нашего времени, которая представляет собою угрозу национальной безопасности стран, их экономическому, политическому и социальному развитию. Общественная опасность коррупции заключается в подрыве основ государственной власти и управления, ущемлении конституционных прав и интересов граждан, нарушениях принципов законности. Именно поэтому борьба с коррупционными преступлениями приобрела глобальные масштабы.

В настоящий момент не существует государств, где отсутствовала бы коррупция, однако во многих государствах разработана и продолжает совершенствоваться эффективная стратегия подавления коррупции, которая в том числе прочно связана с нетерпимостью общества к такому общественному действию. На наш взгляд представляется необходимым обратиться к опыту стран, в которых уровень коррупции признан одним из самых низких и в рамках данной статьи исследовать законодательство Австрийской Республики в сфере противодействия коррупции.

Основополагающие нормы, которые определяют борьбу с коррупцией в Австрии, содержатся преимущественно в уголовном законодательстве. Ответственность

за коррупцию в публичном секторе определена законодателем в пяти статьях УК Австрии [1].

Под злоупотреблением должностными полномочиями, определенном в § 302 понимается злоупотребление должностного лица своими полномочиями с намерениями нанести ущерб правам другого лица. За совершение данного преступления по общему правилу предусматривается от 6 месяцев до 5 лет лишения свободы.

Получение взятки должностными лицами Австрии является наказуемым, данные деяния закреплены § 304–306 Уголовного Кодекса Австрии.

Так в соответствии с § 304 УК Австрии ответственность за получение взятки наступает в том случае, если государственный служащий или арбитр требует, принимает выгоду для себя или третьего лица в обмен на ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей или бездействие. Размер ответственности в данном случае зависит от суммы взятки. В том случае, если сумма взятки превышает 3000 евро, должностное лицо наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет. Если сумма взятки превышает 50 000 евро, наказание в виде лишения свободы назначается сроком от 1 года до 10 лет. При получении взятки, сумма которой превышает 300 000

евро должностному лицу назначается наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 15 лет.

Незаконное получение выгоды, регламентированное § 305 УК Австрии, предусматривает наказание в виде 2 лет лишения свободы для должностного лица в том случае, если оно активно требует преимущества для себя или третьих лиц в обмен на совершение действия, которые входят в его обязанности, или бездействие. В случае, если сумма полученной выгоды превышает 3000 евро, должностное лицо подлежит лишению свободы на срок до 3 лет, если 50 000 евро — от 6 месяцев до 5 лет, а в случае 300 000 евро — от 1 года до 10 лет лишения свободы.

§ 306 УК Австрии предусматривает уголовную ответственность за подготовку к получению взятки. В данном случае должностное лицо умышленно требует предоставление выгоды за ненадлежащее исполнение своих обязанностей или бездействие. Наказание за совершение этого преступления аналогично тому, что предусмотрено § 305 УК Австрии.

Состав § 307 «Дача взятки» сформулирован точно так же, как и § 304, однако описывает активную форму коррупции, а именно предполагает пассивное поведение должностного лица и активное поведение лица, которое заинтересовано в выполнении должностным лицом своих обязанностей. К числу сходных преступлений можно отнести те, что регламентированы § 307a УК Австрии «Предоставление выгоды» и § 307b УК Австрии «Подготовка к подкупу». В данных составах ответственность возлагается на лицо, предлагающее вознаграждение должностному лицу за входящие в его обязанности действия или бездействие. При сумме взятки, превышающей 3000 евро, лицо подлежит лишению свободы на срок от шести месяцев до пяти лет. Если сумма взятки превышает 50 000 евро, лицо наказывается лишением свободы на срок от 1 года до 10 лет тюрьмы. При даче взятки, сумма которой превышает 300 000 евро, лицу назначается наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 15 лет.

Субъектами коррупционных преступлений с точки зрения норм австрийского законодательства являются должностные лица. Так, в силу § 74 Уголовного Кодекса

Австрийской Республики под должностным лицом понимается любое лицо, которое назначено для осуществления юридических действий от имени государства, муниципального объединения или другого лица. Так, к должностным лицам можно отнести сотрудников органов исполнительной, законодательной и судебной власти, кадровый состав международных организаций, органы федеральных земель Австрии, публичных предприятий и лиц, которые заняты публичной деятельностью.

В австрийском законодательстве определены и смежные преступления, чьи составы приводят к тем же последствиям, что и коррупционные преступления. В соответствии с законодательством Австрии коррупция может проявляться в следующих формах: мошенничество § 146, злоупотребление специальным полномочием § 153, получение подарка должностным лицом § 153a.

Запрет на принятие должностными лицами подарков закреплен в том числе и в § 59 Закона о государственной службе в Австрийской Республике [2]. Так, в соответствии с положениями данной статьи должностному лицу в связи с исполнением своих обязанностей запрещается просить или принимать любые выгоды для себя или иных третьих лиц. Согласно абзацу 2 этого параграфа подарками в натуральной форме, не имеющими значительной экономической ценности, являются простые предметы такие как календари, блокноты, шариковые ручки и иные вещи преимущественно памятного значения. Однако основная причина определения подарка как взятки заключается в превышении максимального предела ценности такого подарка. Так, в антикоррупционном руководстве, определено, должностное лицо вправе принять подарок, если его сумма не превышает 50 евро включая НДС, если он получает подарки не более 2 раз в течение одного года, это не денежный подарок.

В заключение следует обозначить, что те меры, которые предпринимаются властями Австрии позволяют поддерживать достаточно высокую позицию среди наименее коррумпированных стран. Так, на сегодняшний день Австрия находится в числе 25 стран с наименьшим уровнем коррупции. [3]

Литература:

1. Strafrechtsgesetzbuch. StGB; Manz'sche Verlag, Wien.
2. Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Beamten-Dienstrechtsgesetz 1979, Fassung vom 30.01.2025
3. Рейтинг стран по уровню коррупции: [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption> (Дата обращения: 26.01.2025).

Военнослужащий как субъект юридической ответственности

Екимов Сергей Сергеевич, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассмотрено понятие юридической ответственности военнослужащих. Раскрыты ключевые функции юридической ответственности. Показаны особенности частной и публичной ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащий, ответственность, особенности, функции, статус, виды.

В российском государстве в борьбе с правонарушениями и иными негативными процессами используются разнообразные средства и методы морального, экономического, правового и социально-политического характера. Одним из них является и юридическая ответственность, позволяющая влиять на лиц, допустивших проступок, нарушающий правила человеческого общежития.

Вопрос об ответственности военнослужащих интересует представителей разных отраслевых наук. Ввиду особенностей статуса военнослужащего, поддерживающего суверенитет российского государства и выполняющего функции по защите страны, она имеет свою специфику. Применительно к деятельности военнослужащего, проходящего службу по призыву и по контракту юридическая ответственность представляет собой обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать меры принуждения, направленные на пресечение и наказание за допущенное противоправное поведение [1].

Традиционно военнослужащего наделяют специфическими чертами, влияющими на порядок привлечения их к юридической ответственности:

1) юридическая ответственность военнослужащих регулируется отраслевым и военным законодательством. В некоторых отраслях права военнослужащим уделено особое внимание (например, в УК РФ преступления военнослужащих, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, выделены в отдельную главу);

2) ввиду специфики осуществляемой деятельности по обороне государства на военнослужащих налагается повышенная юридическая ответственность за нарушение порядка прохождения службы;

3) законодательство предоставляет начальникам (командирам) специальные полномочия по привлечению военнослужащих к юридической ответственности по ряду правонарушений, а также предусматривает специальные условия для их назначения и исполнения. Тем самым подчеркивается их особый статус. Например, при совершении отдельных видов административных правонарушений наказание на военнослужащего налагает командир по месту службы, а не уполномоченные органы административной юрисдикции.

Юридическая ответственность военнослужащих выполняет ряд ключевых функций:

1) регулирующая функция помогает определить границы законного поведения, которым должны следовать военнослужащие в ходе воинской службы. Законы и под-

законные акты устанавливают обязательства и запреты, касающиеся сохранения имущества, соблюдения регламента боевых дежурств, поведения в повседневной жизни и др. При нарушении этих запретов к виновным применяется юридическая ответственность;

2) превентивная функция юридической ответственности стимулирует военнослужащих выполнять общие, должностные и специфические обязанности, чтобы избежать порчи, хищений или потерь служебных материалов, а также нарушений порядка несения дежурств. Вероятность наложения санкций в случае нарушения должностных обязанностей служит важным мотиватором для соблюдения правил военной службы;

3) карательная функция проявляется в том, что виновный военнослужащий получает наказание, которое должно быть осознанно и принято военнослужащим. Исполнение этой обязанности ведет к лишениям, позволяющим осознать негативные последствия совершенного проступка;

4) компенсационная функция заключается в том, что правонарушитель должен возместить ущерб (утраченное или поврежденное имущество) и восстановить общественные отношения, нарушенные в результате его действий. Степень вины влияет на масштаб компенсации ущерба военной части;

5) воспитательная функция реализуется наряду с другими функциями, воздействуя на ценностные ориентации и правосознание военнослужащих. Она формирует у них ответственное отношение к служебным обязанностям и поручениям.

Военнослужащие могут быть привлечены как к публичной (уголовной, административной), так и частной (дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой ответственности).

Публичная ответственность призвана защищать интересы государства и общества. Она является результатом государственно-властной деятельности и исходит от органов административной юрисдикции. Для публично-правовых отношений характерно неравноправие сторон. Это определяется тем, что государство непосредственно или через свои структуры выступает в качестве носителя властных (публичных) полномочий, применяемых с целью обеспечения интересов всего общества или отдельных его представителей. Например, привлечение к уголовной ответственности не зависит от интересов отдельных граждан. Если преступление нарушает интересы

государства и совершено военнослужащим в процессе исполнения должностных обязанностей, то к виновному применяются жесткие санкции.

Уголовная ответственность военнослужащих наступает за совершение общеуголовных и военных преступлений. Примерами общеуголовных преступлений являются преступления против жизни и здоровья, против государственной службы и др. Например, капитан В., являясь должностным лицом в период с мая по июль 2018 г., находясь на территории Пензенской области и Республики Мордовия, использовал служебные полномочия вопреки интересам службы из иной личной заинтересованности. Для этого он понуждал военнослужащих приобретать для воинской части различные товары хозяйственного назначения [2].

Другая группа преступлений является специальной. Они описаны в главе 33 УК РФ и именуется воинскими. Согласно ст. 331 УК РФ в эту группу преступлений входят деяния, которые совершаются специальным субъектом — лицом, находящимся на военной службе по призыву или по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Например, рядовой Х. в период военной службы по призыву в роте управления войсковой части. Отказавшись выполнять распоряжения ефрейтора Ш., виновный нанес потерпевшему, ряд ударов по лицу, причинив вред здоровью. Действия Х. были квалифицированы как сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ) [3].

Ответственность военнослужащих в частных отраслях права в меньшей степени связана с деятельностью государства. Инициатива по привлечению к ответственности военнослужащего за совершение деликта может исходить от частных лиц и касаться отдельных действий военнослужащего, имеющих отношение к службе.

Дисциплинарная и материальная ответственности применяются в сфере правоотношений, складывающихся по поводу исполнения военнослужащими обязанностей военной службы. При этом дисциплинарная ответственность наступает за нарушение обязанностей службы, то есть за дисциплинарные проступки, а материальная — если в результате такого нарушения был причинен материальный ущерб имуществу воинской части. Вопросы привлечения военнослужащих, как к дисциплинарной, так и материальной ответственности разрешаются, в основном, в служебном порядке, то есть властью командира (начальника) части. Гражданская ответственность военнослужащих связана с возможными фактами причинения вреда интересам общества и государства, а также отдельных лиц, пострадавших от неправомерных действий, связанных с исполнением воинских обязанностей [4].

Применяемый в каждом конкретном случае вид юридической ответственности должен быть обоснован. Без наличия оснований невозможно привлечение к ответственности. Обязательно требуется установление нормативного и фактического основания юридической ответственности

Таким образом, юридическая ответственность военнослужащих является формой государственного принуждения. Она состоит в применении к правонарушителю мер государственного принуждения и связанных с ними неблагоприятных последствий. Для ее наступления необходимо установить нормативное и фактическое основание. Военнослужащий может быть привлечен к административной, уголовной, гражданской, материальной и дисциплинарной ответственности. В законодательстве предусмотрен ряд особенностей, характеризующих ответственность военнослужащих ввиду их особого статуса в российской правовой системе.

Литература:

1. Францев В. С. Юридическая ответственность военнослужащих / В. С. Францев, А. Н. Дерюга // Теория и практика современной науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию Дальневосточного государственного университета путей сообщения. — Южно-Сахалинск, 2022. — С. 328–333.
2. Малинин В. Б. Понятие и виды преступлений против военной службы / В. Б. Малинин // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — № 1 (55). — С. 152–160.
3. Приговор Наро-Фоминского гарнизонного военного суда Московской области № 1–93/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1–93/2020 [Электронный ресурс] Режим доступа <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 06.01.2025).
4. Асеев А. Г. Виды юридической ответственности военнослужащих / А. Г. Асеев // Научный форум: тенденции развития науки и общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кемерово, 29 февраля 2020 года. — Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2020. — С. 132–135.

Актуальные проблемы страхового рынка в России

Жукова Анна Олеговна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу актуальных проблем страхового рынка России в контексте его государственного регулирования. Рассматриваются этапы развития и современные механизмы регулирования, включая роль Центрального банка РФ и международных стандартов, таких как Solvency II. В работе выделяются основные проблемы, такие как недостаточная гибкость правового регулирования, неэффективность надзора и контроля, а также слабо развитые сегменты, такие как страхование жизни и пенсионные накопления. Особое внимание уделяется влиянию экономической нестабильности на рынок и возможностям улучшения ситуации через адаптацию законодательства, внедрение цифровых технологий и повышение финансовой грамотности населения. В заключении предлагаются рекомендации для решения существующих проблем и улучшения функционирования страхового рынка.

Ключевые слова: российский страховой рынок, государственное регулирование, обязательное страхование, страховой рынок, российское законодательство, рыночная экономика, финансовая грамотность населения, деятельность страховых компаний, доступность страховых услуг, проблема.

Current problems of the insurance market in Russia

The article is devoted to the analysis of actual problems of the insurance market of Russia in the context of its state regulation. The stages of development and modern regulatory mechanisms are considered, including the role of the Central Bank of the Russian Federation and international standards such as Solvency II. The paper highlights the main problems, such as insufficient flexibility of legal regulation, ineffective supervision and control, as well as poorly developed segments such as life insurance and pension savings. Special attention is paid to the impact of economic instability on the market and the possibilities for improving the situation through the adaptation of legislation, the introduction of digital technologies and improving financial literacy of the population. In conclusion, recommendations are offered for solving existing problems and improving the functioning of the insurance market.

Keywords: Russian insurance market, government regulation, compulsory insurance, insurance market, Russian legislation, market economy, financial literacy of the population, activities of insurance companies, availability of insurance services, problem.

Страховой рынок представляет собой важнейший элемент финансовой системы, играя ключевую роль в поддержке экономической стабильности и обеспечении защитных механизмов для физических и юридических лиц. В условиях глобализации и изменения финансовой инфраструктуры страхование становится не только инструментом перераспределения рисков, но и важным фактором социальной и экономической безопасности.

Состояние российского страхового рынка в последние годы подвергается значительным вызовам, связанным как с внутренними экономическими факторами, так и с внешним воздействием в виде международных санкций. Рынок продолжает адаптироваться к изменениям, однако для обеспечения его устойчивости необходимо более тщательное и системное регулирование со стороны государства.

Система государственного регулирования страхового рынка в России имеет многолетнюю историю, которая началась еще в советский период, когда регулирование страховой деятельности было сосредоточено в руках государственных органов. Однако после распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике возникла необходимость в формировании новых механизмов регулирования.

Принятие Закона Российской Федерации от 27.11.1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Рос-

сийской Федерации» стало важнейшей вехой в развитии рынка [1]. С этого момента началась активная работа по созданию регулирующих органов и внедрению механизмов государственного контроля, что позволило заложить основы для будущего развития отрасли. Впоследствии, с переходом к рыночной экономике в 2000-х годах, были сформированы специализированные надзорные органы, такие как Федеральная служба страхового надзора (Росстрахнадзор), и обеспечено внедрение стандартов обязательного страхования (например, Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств») [2].

На текущий момент ключевым органом, осуществляющим регулирование и надзор за деятельностью страховых компаний, является Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ). В его компетенцию входят вопросы контроля за финансовой устойчивостью страховых компаний, соблюдения ими законодательства, а также защита прав потребителей.

Механизмы государственного регулирования включают в себя не только нормативно-правовую базу, но и практику применяемых стандартов и процедур, таких как капитальные требования, рискованные коэффициенты

и показатели платежеспособности страховщиков. Роль международных стандартов, например, Solvency II в части требований к капиталу и рисковому менеджменту, также находит свое отражение в практике российского регулирования [3].

Несмотря на значительные достижения в правовой области, российское законодательство в области страхования продолжает сталкиваться с рядом проблем. Одна из них заключается в недостаточной гибкости нормативно-правовых актов, что ограничивает возможность оперативной адаптации законодательства к изменениям внешнеэкономической среды и внутренним вызовам, таким как новые виды рисков (например, эпидемии или изменения климата). Кроме того, существует проблема правовых противоречий между федеральными и региональными нормами. В частности, разрозненность норм обязательного страхования на уровне субъектов Федерации приводит к правовой неопределенности и затруднениям в регулировании ряда сегментов рынка.

Невзирая на наличие Центрального банка РФ как основного органа финансового надзора, системные проблемы в сфере контроля за деятельностью страховых компаний остаются актуальными. Среди них можно выделить недостаточную прозрачность отчетности страховщиков, а также проблемы с координацией работы между различными регулирующими органами, что усложняет полноценный мониторинг их деятельности.

Одной из ключевых проблем является также вопрос защиты прав страхователей, который продолжает оставаться недостаточно проработанным. Регулирование в этой области требует значительных улучшений, особенно в части повышения доверия со стороны потребителей.

На сегодняшний день российский страховой рынок демонстрирует неравномерное развитие. Так, несмотря на рост объемов обязательного страхования (например, ОСАГО), сегменты, связанные с страхованием жизни и пенсионным страхованием, остаются слабо развитыми. Это обусловлено как низким уровнем финансовой грамотности населения, так и недостаточным доверием к долгосрочным страховым продуктам. Существующие инициативы государства, такие как налоговые льготы и стимулирование добровольного пенсионного страхования, не приводят к значительным результатам в плане увеличения числа клиентов этих сегментов.

Элементы глобальной нестабильности, такие как экономические санкции и кризисы, оказывают значительное

влияние на страховой рынок России. Колебания валютных курсов, инфляционные процессы и экономическая неопределенность повышают риски для страховщиков и сокращают доступность страховых услуг для населения.

В условиях кризиса страховые компании сталкиваются с трудностью поддержания достаточного уровня ликвидности, что в свою очередь приводит к росту стоимости страховых услуг и снижению их доступности для граждан.

Одним из важнейших направлений совершенствования законодательства является адаптация российского законодательства к международным стандартам, таким как Solvency II. Это позволит повысить финансовую устойчивость и прозрачность страховых компаний, а также улучшить их способность справляться с глобальными рисками. Особое внимание стоит уделить развитию новых форм страхования, которые отвечают современным вызовам, например, климатическому риску и киберрискам. Включение таких рисков в систему регулирования позволит повысить гибкость рынка и его адаптацию к изменяющимся условиям.

Цифровизация страхового рынка также становится важным фактором для повышения его эффективности. Внедрение блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности сделок и искусственного интеллекта для оценки рисков и автоматизации процессов могут значительно снизить затраты и повысить доступность страховых услуг [4].

Для стимулирования спроса на страховые услуги необходимо продолжать работу по повышению уровня финансовой грамотности населения. Государственные программы, направленные на обучение граждан принципам работы страховых продуктов, способствуют улучшению восприятия страховок как эффективного инструмента защиты от рисков.

Государственное регулирование российского страхового рынка продолжает эволюционировать, сталкиваясь с рядом вызовов, таких как несовершенство правовой базы, недостаточная эффективность контроля и проблемы с развитием отдельных сегментов рынка. Однако, в случае дальнейшего совершенствования законодательства, адаптации к международным стандартам и активного внедрения цифровых технологий, российский страховой рынок имеет потенциал для устойчивого развития. Стратегия, ориентированная на повышение финансовой грамотности и развитие новых видов страхования, станет основой для дальнейшего роста и повышения конкурентоспособности страхового сектора.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 27.11.1992 года № 4015–1 (ред. от 22.07.2024) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. — 12.01.1993. — № 6.
2. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. — 06.05.2002. — № 18. Ст. 1720.
3. Антюшина, В. В. Европейские стандарты платежеспособности для страховых компаний Solvency II и их влияние на финансовый сектор / В. В. Антюшина. — Текст: непосредственный // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 10. — С. 159–164.

4. Курьянова, И. В. Возможности и перспективы применения блокчейн в страховании / И. В. Курьянова, М. С. Абибуллаев. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2018. — № 3. — С. 101–107.

Способы борьбы с коррупцией в Южной Корее

Журавлева Ксения Сергеевна, студент;
Дмитриева Ольга Викторовна, студент
Тюменский государственный университет

Данная статья рассматривает и дает анализ способам борьбы с коррупцией в Южной Корее. В статье указаны основные меры по противодействию коррупции и рассматривается антикоррупционное законодательство.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, Южная Корея.

Ways to fight corruption in South Korea

This article examines and analyzes ways to combat corruption in South Korea. The article outlines the main anti-corruption measures and discusses anti-corruption legislation.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption legislation, South Korea.

Коррупция представляет собой одну из основных проблем современного общества, с которой сталкиваются многие государства по всему миру. Южная Корея, обладая высоким уровнем демократии и экономического благосостояния, служит примером успешного развития. Тем не менее, несмотря на свои достижения и процветание, Республика Корея также сталкивается с этой сложной ситуацией. За последние десять лет страна приняла ряд инициатив, направленных на эффективную борьбу с коррупцией.

Антикоррупционное законодательство Южной Кореи считается одним из самых строгих в мире. В частности, разработка и внедрение образовательных программ по противодействию коррупции находятся в ведении Комиссии по гражданским правам и борьбе с коррупцией [1], основанной 28 февраля 2008 года. Ранее этот орган назывался Комиссией по борьбе с коррупцией и действовал с 2002 по 2008 год. В качестве главного учреждения по разработке и реализации антикоррупционной политики, Комиссия отвечает за создание и координацию антикоррупционных инициатив, рассмотрение жалоб на коррупционные действия, повышение осведомленности граждан о коррупционных рисках, расследование коррупционных дел и предоставление рекомендаций для госструктур. В состав Комиссии входит антикоррупционное Бюро, включающее отдел образования, который разрабатывает и реализует учебные программы по борьбе с коррупцией для государственных служащих, а также для общественности, включая школьников и студентов высших учебных заведений.

Помимо создания Комиссии по гражданским правам и борьбе с коррупцией, Республика Корея приняла ряд

законов, направленных на противодействие коррупции. В их числе — Закон о создании и функционировании Управления по расследованию коррупции среди высокопоставленных должностных лиц [2]. Этот закон сосредоточился на ужесточении мер против коррупции через усиление ответственности должностных лиц за получение незаконного вознаграждения и злоупотребления властью. Особенностью данной инициативы стало значительно расширенное определение субъектов, подпадающих под закон: к традиционно охватываемым государственным служащим добавились члены семьи высокопоставленных должностных лиц — их супруги и прямые родственники по восходящей и нисходящей линии (родители, бабушки и дедушки, дети, внуки), а в случае президента — супруги и все родственники до 4 степени родства. Данное Управление занимается расследованием преступлений, связанных с выполнением функций высокопоставленных должностных лиц, преступлений, связанных с государственными документами, преступлений, связанных с хищением и иных преступлений, предусмотренных отдельными законами.

Противодействие коррупции — задача, требующая комплексного подхода, и одним из наиболее эффективных инструментов в этом направлении стало внедрение систем прозрачности в государственные закупки и финансовые операции. Электронные платформы, подобные KONEPS (Корейской системе электронных закупок) [3], представляют собой инструмент предотвращения коррупционных схем, обеспечивая беспрецедентный уровень открытости и контроля над бюджетными расходами. KONEPS — это не просто электронный документооборот;

это комплексная система, охватывающая все этапы государственных закупок — от планирования и объявления тендера до заключения контракта и мониторинга его исполнения.

Каждый шаг процесса детально документируется и доступен для публичного просмотра. Граждане, журналисты, общественные организации и независимые эксперты могут отслеживать все финансовые потоки, изучать условия тендеров, анализировать победителей и их предложения, сравнивать цены и выявлять любые отклонения от установленных норм. Такая открытость дает возможность для любого желающего проанализировать данные в реальном времени делает невозможным скрытие непропорциональных действий.

Коррупция подрывает основы любого общества. Ее искоренение требует комплексного подхода, включающего не только строгие законы и эффективные правоохранительные органы, но и, что крайне важно, формирование антикоррупционной культуры среди граждан. Южная Корея разработала и последовательно реализует масштабную государственную стратегию по противодействию коррупции, в центре которой находится просвещение и воспитание населения, особенно подрастающего поколения.

Эта стратегия, начавшая свою реализацию еще в начале 2000-х годов, отличается системностью и комплексностью. Ключевым элементом является внедрение антикоррупционных знаний и ценностей в образовательный процесс на всех уровнях — от начальной школы до высших учебных заведений. Началом этой работы можно считать 2003 год, когда были запущены специализированные курсы антикоррупционного обучения для разных категорий граждан. Эти курсы, первоначально проводившиеся в очном формате, в 2006 году обрели новую жизнь благодаря появлению онлайн-платформы. Это позволило охватить значительно более широкую аудиторию, предоставляя доступ к знаниям без необходимости отрыва от работы или учебы.

Однако, ключевым фокусом южнокорейской стратегии является воспитание антикоррупционной культуры у детей и подростков. В 2008 году был осуществлен важный шаг: в учебные программы начальной и средней школы были интегрированы специальные разделы по этике, посвященные проблеме коррупции. В программах подробно разбираются конкретные примеры коррупци-

онных действий, их влияние на повседневную жизнь граждан и способы противодействия им. Более того, учебные материалы содержат интерактивные элементы, дискуссии, ролевые игры и кейсы, призванные вовлечь учащихся в активный процесс обучения.

С 2009 года эти программы регулярно обновляются и совершенствуются, учитывая новые вызовы и тенденции в сфере коррупции. В том же году был запущен масштабный проект «Антикоррупционная подготовка в системе школьного образования» [4], призванный обеспечить всеобъемлющее внедрение антикоррупционных знаний во всех школах страны. В рамках этого проекта проводятся регулярные учебные семинары и тренинги для учителей, разрабатываются новые методические материалы, организуются конкурсы и олимпиады на антикоррупционную тематику. В ряде школ созданы специальные факультативные курсы, углубленно изучающие аспекты антикоррупционной политики, правовые основы борьбы с коррупцией и этические дилеммы, с которыми могут столкнуться молодые люди в своей будущей профессиональной деятельности.

Помимо школьных программ, Южная Корея активно использует другие инструменты для формирования антикоррупционной культуры. В государственных СМИ регулярно проводятся информационные кампании, посвященные противодействию коррупции. Создаются документальные фильмы, социальные ролики и рекламные материалы, направленные на повышение осведомленности граждан о проблеме и способах ее решения. Активно используются возможности социальных сетей и интернета для взаимодействия с населением, проведения опросов и обсуждений.

Подводя итоги важно отметить, что южнокорейская модель борьбы с коррупцией опирается не только на карательные меры, но и на стимулирование этичного поведения. Эта комплексная стратегия, сочетающая просвещение, правовые механизмы и активное вовлечение граждан, является примером успешной борьбы с коррупцией, опыт которой может быть полезен и для других стран. Однако, необходимо понимать, что это длительный и многогранный процесс, требующий постоянных усилий и адаптации к изменяющимся условиям. Несмотря на достигнутые успехи, борьба с коррупцией остается постоянной задачей для общества и государства, требующей постоянного внимания и усилий.

Литература:

1. Закон «О противодействии коррупции и создании Комиссии по борьбе с коррупцией и по защите гражданских прав» // <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsId=009221&ancYnChk=0#0000>
2. Закон «О создании и функционировании Управления по расследованию коррупции среди высокопоставленных должностных лиц» // <https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsSeq=242097&ancYd=20220509&ancNo=18861&efYd=20220910&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>
3. Overview | Public Procurement Service // <https://pps.go.kr/eng/content.do?key=00777>
4. Письмо Министерства образования и науки РФ от 31 мая 2011 г. N МОН-П-1389 «Об опыте иностранных государств по реализации антикоррупционных образовательных программ» // <https://base.garant.ru/71354370/>

Отдельные особенности электронных доказательств в уголовном судопроизводстве

Задачин Андрей Андреевич, адвокат
Московская коллегия адвокатов «М-Партнерс» (М-Партнеры)

В статье рассмотрены вопросы выделения электронных доказательств, в качестве самостоятельной разновидности доказательств в уголовном судопроизводстве. Проанализированы нормативные положения российского уголовно-процессуального законодательства, относящиеся к доказательствам в контексте указанной проблематики.

Ключевые слова: электронные доказательства, компьютерная информация, оценка доказательств, предварительное следствие, уголовное судопроизводство.

На современном этапе развития общества, с учётом тенденций к увеличению количества преступлений, совершенных с использованием современных компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, следователь при расследовании уголовных дел должен во всяком случае учитывать и быть готовым работать с «электронными следами» преступлений. Знание особенностей их возникновения, основных свойств и методов обнаружения и фиксации являются ключом не только к успешному расследованию преступлений, совершенных с использованием современных технических средств, но и к признанию допустимыми полученных в ходе предварительного следствия доказательств.

Действующая редакция Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) определяет доказательства, как «любые сведения на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определённом настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В этом качестве допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [1]. Как видно, законодатель не выделяет «электронные доказательства» в отдельный вид доказательств, что является поводом для научной дискуссии. Прежде чем перейти к анализу точек зрения процессуалистов отметим, что, по нашему мнению, «электронные доказательства» по сути являются компьютерной информацией, законодательное определение которой дано в примечании к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), где этим понятием предложено обозначать «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [2].

Как полагает П. С. Пастухов, необходимости во введении в УПК РФ нового вида доказательства («электронное доказательство»), равно как и нового источника («электронный носитель информации»), не имеется. Достаточно, по его мнению, будет дополнить понятие «доказательство», указав «сведения в виде электронной ин-

формации», которая «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств — вещественном доказательстве или документе» [3].

Противоположной точки зрения придерживается Н. А. Зигура в своей диссертации на тему «Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России». По её мнению, «сведения о фактах и практической деятельности человека, существующие в электронно-цифровой форме на материальном (машинном) носителе, необходимо рассматривать в общественном и правовом смысле как самостоятельный вид доказательств. Попытки приведения компьютерной информации к существующим понятиям традиционного («бумажного») документа методологически бесперспективны, поскольку уже доказано, что между «бумажным» документом и его электронным вариантом нет и не может быть тождества. Радикальным способом разрешения сложившейся ситуации применительно к уголовному процессу является выделение компьютерной информации в самостоятельный вид доказательств» [4].

Мы полагаем, что рассматривать «компьютерную информацию» в контексте ее отнесения к отдельному виду доказательств необходимо значительно шире. Например, в ст. 273 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за «создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации». Согласно ст. 1261 ГК РФ, программой для ЭВМ (компьютерной программой) является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения [5]. Таким образом, полагаем справедливым отнесение «компьютерных программ» к одному из видов «компьютерной информации».

С данной точки зрения, при расследовании преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, обнаруженный и изъятый экземпляр вредоносной компьютерной про-

граммы, использованной при его совершении, сам по себе является доказательством, поскольку служил средством совершения преступления. Однако, предусмотренный действующей редакцией ст. 73 УПК РФ перечень доказательств, как уже было отмечено, не предусматривает такого источника, как «компьютерная информация» и понятия «электронное доказательство» в частности, являясь при этом закрытым. Понимание доказательств, как «любых сведений...», на наш взгляд не учитывает сущность как «компьютерной информации» в целом, так и понятие «компьютерной программы» в частности.

Правоприменительная практика пошла по пути признания в качестве вещественного доказательства носителя компьютерной информации. В качестве вещественного доказательства признается, например, оптический диск или иной электронный носитель информации, содержащий в себе файлы, программы и т. д. со сведениями, имеющими значение для уголовного дела. Как полагает М. И. Воронин «такой подход нуждается в критической оценке, поскольку не учитывает природу, процессуальные особенности появления и закрепления в материалах уголовного дела электронных доказательств» [6]. В ч. 1 ст. 81 УПК РФ указано, что вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Компьютерная информация (компьютерная программа, в том числе вредоносная), распространяемая с помощью информационно-телекоммуникационных сетей или иным способом, существует объективно, и сама по себе в рамках заданных её разработчиком и/или распространителем алгоритмов. В связи с изложенным полагаем, что отнесение электронных доказательств к разряду вещественных противоречит содержанию ст. 81 УПК РФ. Дискуссионным также представляется отнесение электронных доказательств к иным документам, указанным в ст. 84 УПК РФ.

Иные документы отнесены законодателем к самостоятельному виду доказательств. В соответствии с вышеупомянутой статьёй, иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. К ним могут относиться материалы фото- и киносъёмки, аудиовидеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Как справедливо утверждает М. И. Воронин, «электронные носители

информации непосредственно связаны с содержащейся на них электронной информацией, без которой они являются всего лишь «железом». Иными словами, без «электронной составляющей» эти носители не имеют доказательственного значения» [6]. Кроме того, для приобщения к материалам уголовного дела иных документов не требуется принятия отдельного процессуального решения, что, учитывая сущностные характеристики электронных доказательств, не отвечает требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом доказательствам.

В зарубежной литературе [7] выделяются ряд уникальных свойств электронных доказательств, таких как возможность их неоднократного копирования без потери качества и изменения свойств; при этом отмечается изменчивость — возможность внести изменения в исходный файл или программу в целях сокрытия следов преступления; возможность их восстановления (например, в случаях, когда преступник удаляет файлы на своём компьютере, имеется возможность их восстановления при помощи специализированного программного обеспечения, поскольку при соблюдении определённых условий удалённые файлы физически ещё могут находиться на носителе). Указанные свойства частично, а чаще всего полностью не применимы к «традиционным» видам доказательств, которые могут быть уничтожены, повреждены и в большинстве случаев утраченные доказательства, например, следы пальцев рук или иные биологические следы — не подлежат восстановлению. «Электронные доказательства» лишены таких недостатков, но имеют собственные. Например, как отмечалось выше, возможность их изменения. В связи с этим представляется необходимым законодательно определить статус «электронных доказательств» и предусмотреть чёткую процедуру их фиксации, изъятия и использования в доказывании по уголовному делу.

Таким образом, специфика электронных доказательств, на наш взгляд, не позволяет в полной мере, избегая существенных допущений, отнести её к какому-либо из видов доказательств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Сказанное справедливо не только в отношении «компьютерных программ», но и более простых форм компьютерной информации, например, электронных файлов, аудиовизуальных изображений, распространяемых в сети «Интернет», зафиксированных на электронном носителе и т. п. Полагаем, что отмеченные в настоящей статье особенности не только дают основания, но и прямо указывают на необходимость выделения компьютерной информации в самостоятельный вид доказательств. Разумеется, затронутые в настоящей статье проблемы требуют дальнейшего научного осмысления с учётом современных реалий уголовно-правовой практики, развития технологий и тенденций перехода преступности в «электронно-цифровую среду».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС Консультант Плюс.

2. Пастухов, П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // СПС Консультант Плюс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС Консультант Плюс.
4. Зигура, Н. А., Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зигура Надежда Анатольевна. 2010. — Челябинск, 2010. — С. 21.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 (ред. от 13.06.2023, с изм. от 14.12.2023) (с изм. в доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // СПС Консультант Плюс.
6. Воронин, М. И. Электронные доказательства в УПК: Быть или не быть? / М. И. Воронин // Науки криминального цикла. 2019. № 7. С. 74–84.
7. Daniel J. Rayan, Gal Shpantzer. Legal Aspects of Digital Forensics, 2010 / The George Washington University, Washington D. C. // <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Evidence/RyanShpantzer.pdf>. С. 7.

Проблема лишения граждан права на оружие в связи с привлечением к административной ответственности

Запечный Сергей Михайлович, студент магистратуры
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Статья посвящена рассмотрению проблемы лишения права на оружие тех граждан Российской Федерации, которые совершили административное правонарушение и были привлечены за это к административной ответственности. Выявлена необходимость достаточной разработанности вопроса лишения граждан права на оружие в том случае, если им в качестве наказания не был вменен административный арест.

Ключевые слова: право на оружие, административная ответственность, лишение права на оружие, лишение права на оружие, административный арест.

Пункт 5.1 части 20 статьи 13 Федерального закона Российской Федерации «Об оружии» (далее — ФЗ РФ «Об оружии») устанавливает, что любое административное правонарушение, предусматривающее административный арест в качестве одного из видов наказания, влечет за собой двухлетний запрет на получение лицензии на приобретение гражданского оружия. [5, ст. 13].

Более того, согласно пункту 3 части 1 статьи 26 ФЗ РФ «Об оружии», ранее выданные лицензии и разрешения аннулируются, а оружие изымается, независимо от фактического применения административного ареста в качестве наказания. Таким образом, сам факт наличия административного ареста в санкции статьи Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) влечет серьезные ограничения в сфере оборота гражданского оружия.

Часть 2 статьи 3.9 КоАП РФ ограничивает применение административного ареста исключительно случаями, прямо предусмотренными Кодексом, и только в качестве основного наказания. [1, ст. 3.3].

Например, в августе 2024 года житель Новосибирска, гражданин Н. был оштрафован на 500 рублей по статье 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» за использование ненормативной лексики в общедомовом чате. Несмотря на то, что ему был назначен штраф, статья 20.1 КоАП РФ предусматривает административный арест в качестве возможного

наказания. Это стало основанием для изъятия у гражданина Н., владельца гладкоствольного оружия, его оружия на основании протокола участкового. Данная ситуация иллюстрирует, как наличие административного ареста в санкции статьи, даже без его фактического применения, может привести к аннулированию разрешений на оружие.

Ограничения на владение оружием начинают действовать с момента уплаты административного штрафа или вступления в силу постановления о назначении наказания. [3, с. 32]. После этого начинается своего рода «испытательный срок» продолжительностью в один год, в течение которого бывший владелец оружия своим безупречным поведением должен подтвердить исправление.

Если за этот срок человека не привлекут к административной ответственности по статье, одним из видов наказаний которой является административный арест, оружие вернут и будут выданы разрешительные документы на его хранение и ношение [4, с. 106].

Изучив протокол совещания Государственной Думы от 15 июля 2024 года по вопросу подготовки новой редакции проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» (проект № 640449–8), можно увидеть, что одним из вопросов, выносимых на обсуждение, является необъективность лишения права на оружие при привлечении гражданина к административной ответственности по части 1 статьи 20.25 КоАП

РФ «Уклонение от исполнения административного наказания» за неуплату административного штрафа в срок [2].

Председательствующий пояснил, что ежегодно по данной статье рассматривается порядка 1.400.00 дел, это около 25 % всех административных дел в России. В Государственную Думу поступает большое количество обращений граждан, указывающих на несоразмерность допущенного административного правонарушения и применяемых санкций в соответствии с ФЗ РФ «Об оружии» в виде лишения права на оружие. Участвующие в заседании согласились, что не нужно в рамках данной статьи лишать граждан права на оружие, если им не вменялся административный арест.

Однако я считаю, что неверно через данную призму рассматривать лишь часть 1 статьи 20.25 КоАП РФ, так

как существует большое количество «арестных статей», общественная опасность которых минимальна. Примером выступает ситуация с гражданином Н. из г. Новосибирск.

Я предлагаю не лишать прав граждан на оружие за совершение следующих административных правонарушений в том случае, если им не вменялся административный арест, хотя он и предусматривается как одна из возможных санкций: мелкое хулиганство, мелкое хищение, потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах, появление в общественных местах в состоянии опьянения, неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: КоАП РФ: текст с изменениями и дополнениями на 13 декабря 2024 года: [принят Государственной думой 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
2. Законопроект № 640449–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» (в части совершенствования законодательства в сфере оборота оружия на основе правоприменительной практики).. — Текст: электронный // СОЗД: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/640449-8> (дата обращения: 13.01.2025).
3. Кодзокова, Л. А. Проблемы аннулирования лицензии на приобретение гражданского оружия / Л. А. Кодзокова. — Текст: непосредственный // Лучший исследовательский проект 2021. — 2021. — С. 31–37.
4. Гоман, О. С. Административная ответственность за незаконный оборот гражданского оружия / О. С. Гоман, В. И. Сургутсков. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. — 2021. — № 54. — С. 101–108.
5. Об оружии: Федеральный закон № 150 — ФЗ: [принят Государственной думой 13 ноября 1996 года] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 51. — Ст. 5681.

Проблемы квалификации мошеннического обмана

Илясова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена проблемам квалификации мошеннического обмана в уголовном праве. Рассматриваются виды обманных действий, такие как активный, пассивный и обман в действии, трудности в правовой квалификации мошенничества. Особое внимание уделено актуальности и новизне подхода к исследованию обмана как способа совершения преступления в условиях изменений в законодательстве и правоприменительной практике.

Ключевые слова: мошенничество, обман, правовая квалификация, признаки мошенничества, правоприменительная практика.

Мошенничество является одним из наиболее распространенных преступлений в современном обществе, и его правовая квалификация представляет собой сложный процесс, в котором ключевую роль играет обман как способ достижения противоправной цели. Проблема квалификации мошеннического обмана остается актуальной, поскольку законодатели и судебные органы сталкиваются с новыми видами обмана, которые усложняют правовую практику. Новизна проблемы заключается

в том, что правоприменительная практика сталкивается с усложнением форм мошеннических схем, включающих как активное, так и пассивное введение в заблуждение, что требует от юристов и судей более глубокого подхода к определению признаков мошенничества.

Актуальность исследования связана с тем, что мошенничество, использующее обман, продолжает оставаться одним из самых распространенных и социально опасных преступлений. В условиях постоянного развития техно-

логий и появления новых форм экономической деятельности, возникают сложные ситуации, требующие от правоприменителей более точной квалификации обманных действий. Важность правильного распознавания видов обмана и их признаков для уголовно-правовой оценки преступления становится критической для обеспечения правосудия, предотвращения ошибок в судебной практике и эффективной борьбы с мошенничеством в различных сферах общества.

Новизна подхода к исследованию обмана в контексте правоприменения заключается в необходимости более детального анализа и дифференциации видов обманных действий, особенно в отношении мошенничества. В последнее время правоприменительная практика сталкивается с усложнением форм мошеннических схем, включающих как активное, так и пассивное введение в заблуждение, что требует от юристов и судей более глубокого подхода к определению признаков мошенничества, особенно когда речь идет о сложных или многосвязных преступных действиях, которые невозможно легко классифицировать в рамках традиционных правовых категорий.

Обман — это действия, направленные на введение другого лица в заблуждение с целью получения выгоды или причинения ущерба. Согласно Уголовному кодексу РФ (ст. 159 и другие) [1], обман представляет собой преступное поведение, включающее ложные заявления, искажение информации или умолчание важных фактов, которые могут повлиять на решение потерпевшего.

Обман в уголовном праве играет ключевую роль как одна из форм деяний, направленных на достижение противоправной цели, поскольку он не требует применения силы или угрозы, а основывается на манипуляции с информацией и сознанием потерпевшего. В отличие от насилия или угроз, которые непосредственно воздействуют на физическое или психологическое состояние человека, обман воздействует через создание ложных представлений, что позволяет преступнику достичь желаемого результата без применения насилия. Однако, как и насилие или угроза, обман является средством для реализации противоправных целей, таких как получение имущества, выгоды или иных преимуществ, и, несмотря на отсутствие физического давления, может привести к серьезным последствиям для пострадавшей стороны [2, с. 34].

Обманные действия могут проявляться в различных формах, в зависимости от того, как именно осуществляется введение в заблуждение. Активный обман предполагает использование ложных заявлений или искаженной информации с целью создания у жертвы неверного представления о ситуации (манипуляция с документами, фальсификация данных или представление фактов, которые не соответствуют действительности). В данном случае преступник активно действует, предоставляя ложную информацию, что непосредственно вводит потерпевшего в заблуждение.

Пассивный обман, напротив, заключается в уклонении от передачи информации или нераскрытии важных

фактов. В отличие от активного, этот вид обмана основывается на молчании или сокрытии информации, что приводит к созданию ложного представления у потерпевшего. Преступник не предоставляет фальшивых данных напрямую, но намеренно не раскрывает того, что могло бы повлиять на решения другого лица.

Обман в действии — это использование ложных действий или манипуляций для создания иллюзии правомерности или достоверности ситуации. Примером такого обмана могут служить поддельные документы или фальшивые сделки, которые внешне кажутся законными и правомерными, но на самом деле являются фикцией, направленной на обман потерпевшего и достижение противоправной выгоды.

Обман является одним из ключевых способов совершения мошенничества, однако важно разграничивать мошенничество от других видов преступлений, связанных с обманом. Мошенничество — это преступление, при котором обман используется с целью получения имущества, денежных средств или иной выгоды за счет другого лица, что сопровождается причинением ущерба потерпевшему. В отличие от других преступлений, таких как кража или грабеж, где используется насилие или угроза, мошенничество основывается исключительно на введении в заблуждение, что делает его особенным видом преступного деяния [3, с. 61].

Признаки мошенничества включают умышленное введение в заблуждение потерпевшего с целью получения имущества или другой выгоды. При этом преступник может использовать ложные заявления, документы или другие обманные действия, чтобы убедить потерпевшего в правомерности своих действий. Результатом мошенничества становится причинение ущерба потерпевшему, что делает этот вид преступления особым, поскольку пострадавший обычно не осознает момент, когда ему был причинен ущерб, и часто добровольно отдает свои средства или имущество.

Сложности в квалификации мошенничества возникают, когда обман имеет различные формы и может быть трудным для установления умысла преступника или реального ущерба для потерпевшего. Например, в случае с мошенничеством, где преступник использует сложные финансовые схемы или обманывает людей через интернет, может быть сложно доказать, что потерпевший был введен в заблуждение умышленно, а не по своей невнимательности. В других случаях обман может быть признан мошенничеством, если цель преступника была явно направлена на получение незаконной выгоды, даже если потерпевший не понес существенного материального ущерба [4, с. 154].

В настоящее время часто возникает вопрос, является ли обман при сделке мошенничеством. М. А. Филатова утверждает, что обман является одним из оснований для признания договора недействительным, если потерпевшая сторона подает соответствующий иск. В противном случае, если бы это не было так, статья 179 Гра-

жданского кодекса РФ теряла бы свою актуальность, поскольку в ней говорится о сделках, которые на самом деле не являются таковыми — например, если они заключены под влиянием обмана относительно качества предмета договора. Если законодатель закрепляет данный институт, это подразумевает, что он относит подобные действия сторон к категории сделок.

П. С. Яни считает, что мошенничество не может быть признано сделкой. Наличие такой нормы не позволяет отнести мошенничество к сделкам, так как действия, составляющие мошенническое хищение, не подпадают под регулирование института сделок, включая нормы об их недействительности.

Обман, как основание для признания договора недействительным, подчеркивает важность статьи 179 Гражданского кодекса, однако наличие мошенничества исключает

возможность его квалификации как сделки. Это указывает на необходимость четкого разграничения между законными сделками и мошенническими действиями в правоприменительной практике. [5, с. 13]

В заключение, обман как способ совершения мошенничества представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует тщательной правовой квалификации. Современные формы мошенничества часто включают разнообразные способы введения в заблуждение, что делает задачу правоприменителей более сложной. Правильное разграничение обмана и других преступных деяний, связанных с имуществом, выявление всех признаков мошенничества, являются важнейшими элементами правовой практики, способствующими обеспечению справедливости и защите интересов потерпевших.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025)
2. Долженко Н. И. Мошенничество в сети интернет // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2023. — № 2. — С. 34–38.
3. Кочои С. М. Мошенничество: теория и практика квалификации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 59–66.
4. Шаназарова Е. В. Проблемы квалификации мошенничества / Е. В. Шаназарова, О. Е. Савельева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 1. — С. 154–157.
5. Яни П. С. Мошенничество и сделка / П. С. Яни, М. А. Филатова // Российская юстиция. — 2018. — № 3. — С. 11–15.

Взятничество: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации

Касавченко Василий Вячеславович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кабанов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

Современная юридическая наука и правоприменительная практика постоянно сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, которые необходимо своевременно разрешать и преодолевать с помощью механизма уголовно-правовой политики в сфере национальной безопасности.

Борьба с преступностью является одной из главных задач правоохранительных органов, поэтому правовые нормы, закрепленные в УК РФ, должны быть соотнесены с современными вызовами, стоящими перед страной, и действующим в ней уровнем правовой культуры. Особое значение имеет регулирование положений об уголовной ответственности за правонарушения, которые часто называют коррупцией. Это нарушение напрямую затрагивает национальную безопасность страны, что не позволяет ей нормально функционировать и должным образом обеспечивать права и свободы всех граждан.

Борьба с коррупцией до сих пор имеет большое значение в каждой стране мира. Коррупция является одним

из наиболее опасных явлений не только в обществе, но и в национальной и муниципальной системах управления, приводящим к увеличению числа нарушений. Коррупция снижает эффективность органов государственной власти в распределении полномочий, одновременно подрывая авторитет государственных и муниципальных служащих.

Коррупция принимает различные формы: взятничество, злоупотребление властью, мошенничество, сокрытие принятия решений и иные формы, меняющиеся в современном мире. Все это имеет негативные последствия в виде не только нанесения ущерба национальной экономике, но и подрыва доверия граждан к властям, тем самым усиливая социальную напряженность и обостряя конфликты между членами общества.

Наиболее распространенным проявлением коррупционных преступлений в российской практике является взятничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Дей-

ствия, связанные с со взяточничеством, совершаются во всех государственных учреждениях, но они различаются по форме его осуществления, методу и размеру.

Взяточничество выступает в качестве «одного из самых распространенных коррупционных преступлений в Российской Федерации. Необходимо отметить, что если несколько лет назад доля взяточничества в общей массе коррупционных преступлений составляла более 40 %, то в настоящее время она превысила половину.

Институт взяточничества, а также его правовая природа на доктринальном уровне понимаются неоднозначно, следовательно, содержание взяточничества в различных научных источниках раскрывается также по-разному» [2, с. 193].

В «Толковом словаре русского языка» под взяткой понимается «срыв, побор, подношение, дар, гостинец, пешкеш или бакшиш, хабар, магарыч, подарок властному лицу во избежание возможных притеснений или подкуп на противозаконное дело» [4, с. 86].

Экономический словарь толкует это понятие как «противозаконное получение денег, ценных вещей (взяток) в обмен на получение привилегий, оказание незаконных услуг, предпочтений, „проталкивание“ дел взяточдателя» [5, с. 15]. Коррупция принимает различные формы: взяточничество, злоупотребление властью, мошенничество, сокрытие принятия решений и т. д. Все это имеет негативные последствия в виде не только нанесения ущерба национальной экономике, но и подрыва доверия граждан к властям, тем самым усиливая социальную напряженность и обостряя конфликты между членами общества [6, с. 12].

Все это делает необходимым проведение эффективной борьбы с коррупцией. Страны стремятся разработать политику, которая поможет предотвратить разгул коррупции и преступности, международное сообщество уделяет внимание этому вопросу: некоторые страны анализируют опыт других стран в борьбе с коррупцией, принимают ранее кем-то принятые антикоррупционные меры, адаптируют их к своему стилю управления и добиваются успешных результатов.

В настоящее время из всех преступлений, совершаемых должностными лицами, взяточничество представляет собой наиболее серьезную общественную угрозу. Данный вид незаконной деятельности становится основой коррупции, которая порождает и другие преступления белых воротничков и становится источником организованной преступности, терроризма, экстремизма и т. д.

Говоря о глубине проблемы взяточничества, отметим, что, на основании официальных данных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, суды за первые шесть месяцев 2024 г. признали виновными 908 человек по делам о получении взяток. При этом 57 обвиняемых по делам о получении взяток заключили досудебное соглашение со следствием. Также восемь обвиняемых были оправданы судом [3, с. 48].

Преступники часто очень тщательно скрывают следы своих противоправных действий. Они прячут незаконное

денежное вознаграждение в потайных местах и сейфах, открывают банковские счета на подставных лиц, используют пластиковые карты, выданные на других граждан, и сберегательные книжки родственников. Как упоминалось ранее, различные методы сокрытия и противодействия судебному преследованию зависят от характера совершенного подкупа. В случае предварительного сговора группы лиц эта степень сокрытия будет возрастать, что можно объяснить творческим подходом соучастников и их желанием избежать уголовной ответственности. Преступники осознают, что преступления, совершенные ими в составе одной или нескольких организованных групп, являются особо тяжкими согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, что за эти общественно опасные преступления они будут привлечены к уголовной ответственности и срок лишения свободы составит от 10 лет. Это часто вынуждает их прибегать к крайним мерам воздействия на участников уголовного судопроизводства, начиная с подкупа должностных лиц органов исполнительной, судебной власти, что может поменять ход следствия и приговор суда.

В числе ключевых приемов сокрытия взяточничества выделяются следующие:

- реализация заранее спланированных действий в отсутствие свидетелей (например, сотрудников охраны, секретарей, помощников) в целях избежания фиксации событий видеорекордерами;
- «заключение фиктивных гражданско-правовых сделок, таких как дарение, займы либо купля-продажа ценных предметов по символическим ценам (с использованием различных бонусов и льгот);
- осуществление нехарактерных действий, к примеру погашение несуществующего долга или прощение действительного, а также неравноценный обмен товаров и транспортных средств;
- подписание фиктивных контрактов, заключение трудовых соглашений, незаконные выплаты премий и оплата невыполненных работ;
- содействие оказанию спонсорской помощи, не отражающейся в бухгалтерской отчетности, и организация отдыха (предоставление бесплатных или льготных путевок)» [1, с. 70].

Уголовно-правовая квалификация взяточничества является сложной задачей, требующей внимания законодателей и правоохранительных органов. Неоднозначность правовых норм, отсутствие четких стандартов классификации преступлений и трудности с доказательной базой создали благоприятные условия для злоупотреблений. Неоднозначность в определении предмета взяточничества, сложность доказывания передачи и получения взятки, а также отсутствие единого метода ограничения действий, когда мотивация и цель преступления неясны, вызывают серьезные трудности при привлечении правонарушителя к уголовной ответственности. Только применяя комплексный подход, можно снизить уровень коррупции и восстановить доверие людей к правовым институтам.

Литература:

1. Гуменюк В. В. Проблемные аспекты уголовно-правовой квалификации взяточничества // Юность и Знания — Гарантия Успеха — 2024: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции : в 3 т., Курск, 19–20 сентября 2024 года. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 66–72.
2. Доля В. Н. Анализ современных подходов к определению взяточничества // Молодой ученый. — 2021. — № 14 (356). — С. 193–199.
3. Кокош Л. В. Получение взятки (ст. 290 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации // Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Архангельск, 19 января — 05 апреля 2024 года. Архангельск : Институт управления, 2024. — С. 48–52.
4. Толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. 3-е изд. СПб. : Норинт, 2016. — 1534 с.
5. Экономический словарь: экономика, финансы, бухгалтер, налоги, страхование, маркетинг, менеджмент, управление / автор и составитель А. Б. Борисов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Книжный мир, 2010. — 860 с.
6. Criminal law: cases and materials. Third Edition / Stephen A. Saltzburg. Supplement, 2013. — 53 p.

Понятие договора аренды в российском гражданском праве

Кириллова Елизавета Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки рассмотреть понятие договора аренды как важной составляющей договорных взаимоотношений между людьми и организациями.

Ключевые слова: договор аренды, Гражданский кодекс, аренда, договор аренды зданий и сооружений.

Аренда — это юридический договор между арендодателем и арендатором, в котором излагаются условия договора аренды. В них указывается сумма аренды, условия оплаты, срок аренды и другие важные условия. Аренда может заключаться на жилую и коммерческую недвижимость и может варьироваться по продолжительности: от ежемесячных соглашений до многолетних соглашений.

Гражданский кодекс РФ [1] провозгласил принцип «свободы договора», ввел множество правовых форм и понятий, в частности: соглашение о расторжении договора, предварительный и публичный договор, а также большое количество анонимных договорных конструкций. Но, с другой стороны, были сохранены требования к содержанию отдельных видов договоров и особенно к их форме, особенно при регистрации договоров, связанных с недвижимостью.

Договор является важнейшей формой правового регулирования имущественных соответствующих неимущественных отношений и имеет следующие основные характеристики.

Заключение договора приводит к установлению правоотношений между участниками гражданской деятельности и возникновению особых правоотношений между двумя и более субъектами гражданского права.

Договорные отношения между субъектами гражданских правоотношений

Одним из наиболее распространенных гражданско-правовых договоров является договор аренды.

В Российской Федерации Гражданский кодекс определяет пять основных форм арендных соглашений, включая финансовую аренду (или лизинг), аренду транспорта, аренду предприятий, аренду недвижимости в виде зданий и сооружений, а также договоры проката. Среди них особенно выделяется договор аренды, чаще всего применяемый для коммерческой недвижимости, предоставляемой для бизнес-целей, таких как торговля, производство, услуги или хранение, где помещения не предназначены для жилья. Это контрастирует с договором найма, который предполагает передачу жилых помещений исключительно для проживания, и может быть заключен только с физическими лицами, являющимися гражданами РФ.

В соответствии с российским Гражданским Кодексом, арендуемые объекты характеризуются как вещи, не истощающиеся и сохраняющие свои первоначальные качества при их эксплуатации. К ним относятся здания, земельные участки, транспортные средства, оборудование, а также целые предприятия и различные имущественные комплексы, не говоря уже о отдельных природных объектах. Особенность таких объектов в том, что они должны быть конкретно установлены и не подлежат потреблению. (См. статью 607 ГК РФ) [3]. Кроме того, при аренде нежилых помещений необходимо предоставить детальное описание

арендуемого объекта, включающее в себя его точный адрес, местоположение в здании (этаж) и общую площадь.

Стоимость аренды включает ежемесячный платеж, который арендатор перечисляет за использование помещения. Кроме того, арендатор выплачивает залог, размер которого может соответствовать стоимости аренды за один или даже несколько месяцев. Этот залог действует как защита для арендодателя от возможных финансовых потерь или ущерба, причиненного арендуемому помещению. Кроме того, арендатор несет ответственность за оплату коммунальных услуг, согласно положениям Гражданского кодекса РФ. В арендном соглашении могут быть указаны дополнительные обязательства арендатора, включая оплату за услуги по эксплуатации здания, обеспечение охраны, утилизацию отходов, а также установку и техническое обслуживание систем безопасности. Иногда арендатор обязан делать взносы, привязанные к объему своих торговых операций.

В договоре аренды размер оплаты часто устанавливается на основе арендной ставки, которая обычно определяется либо ежегодно, либо ежемесячно за каждый квадратный метр площади. Определение точной ставки аренды может оказаться сложной задачей как для арендатора, так и для арендодателя из-за множества влияющих на нее факторов, включая уникальные характеристики конкретного объекта. В связи с этим, ставка аренды может быть скорректирована индивидуально [4]. В то же время, на рынке коммерческой недвижимости доступны аналитические отчеты от крупных компаний, которые делятся данными о средних арендных ставках в различных местоположениях и на разнообразных интернет-платформах, помогая ориентироваться в условиях рынка.

Закон устанавливает защиту интересов арендатора, акцентируя на его правах продлить аренду при условии ответственного выполнения существующих условий аренды. В Гражданском кодексе Российской Федерации, а именно в статье 621, указывается, что при соблюдении всех условий договора аренды инициальным арендатором ему предоставляется приоритетная привилегия на продление контракта в приоритетном порядке перед прочими заинтересованными сторонами. Тем не менее, если арендатор допускает нарушения условий аренды в течение срока действия договора, он автоматически лишается права на его продление, открывая путь арендодателю для поиска и заключения договора с новым арендатором.

Согласно информационному письму ВАС № 66 от 11 января 2002 года, изложенному в разделах 26 и 27, арендодатель обладает правом на досрочное разрывание арендного соглашения, если арендатор пропускает платёж по аренде хотя бы однажды, нарушая тем самым условия договора. Это может произойти как через судебные, так и внесудебные процедуры. В свою очередь, если имущество, объект аренды переходит к новому владельцу, действие первоначального договора аренды не теряет силу для арендатора, позволяя ему продолжать эксплуатацию имущества без правовых нарушений [3].

Обязанности по расторжению текущего договора аренды или по заключению нового договора с новыми владельцами или третьими сторонами у арендующей стороны не возникают в случае смены собственника арендуемого имущества; такие договоры могут быть объявлены недопустимыми. В соответствии с информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ № 66, отмеченным в пункте 24 от 11 января 2002 года, смена владельца объекта аренды сама по себе не служит основанием для внесения изменений в условия уже заключенного договора аренды, кроме как для обновления информации о владельце объекта аренды в этом договоре.

Заключение договора аренды и его юридическая сила начинают действовать не в момент фактической передачи помещения от арендодателя арендатору, а когда обе стороны его подписывают. Это автоматически предоставляет им определенные права, установленные в договоре, например, обязанность производить платежи в сроки, обычно указанные как авансы.

Когда срок действия аренды истекает и помещение возвращается арендодателю, подтвержденное актом приема-передачи, арендатор освобождается от дальнейших платежей за аренду. Впрочем, если арендатор решает покинуть помещение до окончания арендного срока, без разницы, обязательство по уплате арендной платы остается в силе до тех пор, пока договор официально не закончит свое действие [5].

В соответствии с разъяснениями, представленными Высшим арбитражным судом в Информационном письме № 66 от 11 января 2002 года, озаглавленном «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», арендатор обязан продолжать выплачивать арендную плату в полной мере до истечения срока договора, даже если он решил покинуть арендуемое пространство ранее установленного срока [2]. Это указание подчеркивает, что ранее завершение использования арендованного пространства не освобождает арендатора от его финансовых обязательств перед арендодателем, согласно действующему договору аренды.

В нынешней правовой системе России значительное внимание уделяется ценности честности и добросовестности на всех этапах арендных отношений — от момента начала переговоров до разрешения возможных споров и защиты прав обеих сторон в течение всего срока действия арендного соглашения. В то время как права и обязанности арендаторов и арендодателей в арендных сделках могут различаться, основные правомочия, такие как владение, пользование и распоряжение арендованным имуществом, являются фундаментальными и закреплены в российском законодательстве.

В отношениях между арендодателем и арендатором существует четкое разделение прав. В то время как арендодатель обладает полным спектром прав на имущество, включая его владение, пользование и возможность распоряжаться им, арендатору предоставляются лишь права владения и пользования. Возможность принимать ре-

шения о распоряжении арендованным имуществом без ограничений остаётся за арендодателем. Однако при определённых условиях арендодатель может передать арендатору ограниченные права на распоряжение имуществом, что должно быть чётко зафиксировано в письменном договоре аренды. Для любых действий с арендованным имуществом, выходящих за рамки обычного пользования, арендатору необходимо получить письменное разрешение от арендодателя.

Владелец помещения имеет возможность предоставить арендатору различные привилегии. Эти привилегии могут включать в себя: выполнение ремонта и определение его видов, установление времени работы помещения, осуществление определенного вида бизнеса, оформление арендного соглашения в официальном по-

рядке. Кроме того, арендатор может получить право передавать арендуемое пространство (субаренда), делегировать свои права и ответственности из договора аренды другим сторонам, предоставлять арендуемое имущество в пользование без взимания платы, использовать арендные права как залоги, вносить их в качестве доли в уставный капитал компаний или вклада в производственные кооперативы и так далее.

Таким образом, можно сделать вывод, что договор аренды является важной составляющей договорных взаимоотношений между людьми или между человеком и организацией. Договор аренды необходим для уточнения всех особенностей безопасного использования сторонами арендуемого имущества и защиты прав и денежных интересов сторон.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24 июля 2023 г. N 339-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — N 5. — Ст. 410.
2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.06.2024 г.).
3. Договорное право: учебное пособие для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 348 с.
4. Договоры коммерческого права: учебное пособие для вузов / В. А. Белов [и др.]; под редакцией В. А. Белова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 341 с.
5. Николкин, С. В. Гражданское право. Особенная часть. Практикум: учебное пособие для вузов / С. В. Николкин. — 2-е изд., испр. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 329 с.
6. Разумовская, Е. В. Договорное право. Особенная часть: учебник для вузов / Е. В. Разумовская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 449 с.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации

Коломеец Софья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Данная статья посвящена анализу уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) устанавливает ответственность за множество преступлений, каждое из которых имеет свои особенности и характеристики. Одним из таких составов преступления является преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, которое охватывает действия, связанные с организацией или участием в преступном сообществе. Данная статья является важной составляющей системы уголовного права, направленной на противодействие организованной преступности в стране. В данной статье будет проведен анализ уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного данной статьей.

Ключевые слова: преступное сообщество, состав преступления, преступная организация.

Статья 210 УК РФ определяет преступное сообщество как устойчивую группу лиц, объединенных для совершения одного или нескольких преступлений. Пре-

ступное сообщество может принимать разные формы, включая организованные преступные группы и криминальные картели. Сущность преступного сообщества за-

ключается в его стабильности, четкой структуре и распределении ролей среди участников, что позволяет им эффективно реализовывать преступные замыслы.

Согласно ст. 35 УК РФ преступное сообщество является наиболее опасной и сложной формой соучастия. В ч. 4 ст. 35 УК РФ дается определение преступного сообщества (преступной организации), под которой понимается структурированная организованная группа (преступная организация) или объединение таких групп, для которых характерно единое руководство и объединение его членов в целях совершения совместно тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или материальной выгоды. В законе, таким образом, указаны две основные разновидности преступного сообщества (преступной организации): структурированная организованная группа или объединение организованных групп. [1]

Состав преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, включает в себя как объективные, так и субъективные признаки.

Объектом преступления является общественные отношения, возникающие в сфере безопасности личности, общества и государства.

Объективная сторона заключается в создании организованной преступной группы или участии в ней. Создание преступного сообщества выражается в совершении различных действий, результатом которых стала организация преступного сообщества (преступной организации): определение целей деятельности и принципов формирования сообщества, разработка планов, подбор сообщников и распределение между ними обязанностей, назначение руководителей структурных подразделений, обеспечение деятельности формирования оружием, транспортными и иными необходимыми средствами, в том числе финансовыми и т. д. Доказательством создания группы может быть наличие предварительного согласия лиц на совместные действия, а также организация преступной деятельности, которая имеет устойчивый характер.

Устойчивость сообщества — для квалификации действий как преступления по ст. 210 УК РФ необходимо, чтобы данное сообщество обладало признаками устойчивости, то есть существовало продолжительное время и осуществляло регулярные преступные действия.

Субъектом преступления могут быть любые лица, достигшие 16-летнего возраста, поскольку именно с этого момента наступает уголовная ответственность в России.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, основывается на прямом умысле лица, осознании им общественной опасности своих действий и направленности на достижение преступных целей сообщества. [2] Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», позволяют уточнить ключевые аспекты субъективной стороны, включая мотивы, цели и осведомленность субъекта. Эти положения иг-

рают важную роль в унификации судебной практики и исключении ошибок при квалификации преступлений, связанных с деятельностью преступных сообществ. [3]

Устойчивость и сплоченность преступного сообщества определяют более или менее продолжительную преступную деятельность и тяжесть преступлений, которые стремятся совершить участники сообщества. Учитывая опасность этих преступлений, ради которых формируется преступное сообщество, законодатель саму организацию преступных сообществ и участие в них относит к самостоятельным преступлениям. [4]

Статья 210 УК РФ взаимодействует с рядом других статей УК. Например, ст. 159 УК РФ (мошенничество) или ст. 228 УК РФ (незаконный оборот наркотиков) могут быть совершены в рамках деятельности преступного сообщества. При этом, ответственность за участие в преступном сообществе может быть квалифицирована какотягающее обстоятельство при совершении других преступлений, связанных с деятельностью данной группы. [5]

Несмотря на четкие характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, на практике существует множество проблем, связанных с правоприменением. Одной из основных проблем является сложность доказательства факта организации или участия в преступном сообществе. Собираение улик, подтверждающих устойчивость группы и участие конкретных лиц, требует значительных усилий правоохранительных органов и длительных следственных мероприятий. [6]

Дополнительно следует отметить высокую степень скрытности, присущую действиям организованных преступных групп, что также затрудняет процесс расследования.

Данное преступление является оконченным с момента фактического создания преступного сообщества (преступной организации), объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных преступных групп. Руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями организаторов осуществляется, как правило, с момента создания преступного сообщества, его подразделений или объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, включает в себя многоаспектный анализ признаков преступного сообщества, которые охватывают как его организационные, так и функциональные составляющие. Эффективная борьба с организованной преступностью в России требует гибкости и адаптации законодательства к изменяющимся условиям, а также совершенствования правоприменительной практики. Важно, чтобы законодатели и правоохранительные органы совместно работали над созданием условий для более эффективного противодействия преступным сообществам, что в конечном итоге будет способствовать укреплению правопорядка и безопасности в обществе.

Литература:

1. Богомолов А. Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ // Территория науки. 2017. № 4. С. 153–156.
2. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовная юстиция. — 2016. — №. 1 (7). — С. 10–15.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета от 17 июня 2010 г. № 130.
4. Безниско М. О. Соучастие в преступлении // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 243–254.
5. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Рязанов Н. С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 1 (38). С. 232–236.

Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) и особый характер лизинговых отношений

Лазарева Анастасия Максимовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В данной статье рассматривается особый характер лизинговых отношений и факторы, тормозящие развитие лизинга в России на современном этапе, проводится анализ правовой природы договора финансовой аренды (лизинга).

Ключевые слова: лизинг, финансовая аренда, лизингополучатель, заемный капитал, предмет лизинга

В настоящее время при достаточно сложных экономико-политических условиях большинство хозяйствующих субъектов испытывают дефицит собственных денежных средств для расширения и совершенствования сферы своей профессиональной деятельности, внедрения вновь появляющихся технологий и приобретения инновационного оборудования, что должно способствовать повышению экономической эффективности работы. В Российской Федерации самыми востребованными видами заемных средств являются банковское кредитование и лизинг. Проблема выбора источника финансирования для хозяйствующих субъектов в настоящее время является особо актуальной из-за сложившейся ситуации в мире. Санкционное давление, повышение Центральным Банком ключевой ставки до 21 % годовых стали причинами снижения спроса на банковское кредитование хозяйствующими субъектами, в то время как экономическая значимость лизинга в получении заемного капитала, наоборот, увеличилась. Рынок лизинговых операций в России в настоящее время активно развивается и уже зарекомендовал себя как ключевой инструмент модернизации основных фондов отечественных предприятий. Это важное направление финансовой поддержки бизнеса способствует обновлению производственного парка и технологической модернизации, что крайне важно для устойчивого экономического развития страны [4].

Договор лизинга выступает эффективным механизмом приобретения субъектами предпринимательства необходимого оборудования, техники и иных основных средств без значительного отвлечения собственных финансовых ресурсов. Это делает лизинг крайне востребованным в предпринимательской среде.

Лизинг (англ. leasing, производное от lease — аренда) — это **финансовая аренда**, с помощью которой физические и юридические лица получают имущество в пользование с возможностью приобретения его в собственность по окончании действия договора лизинга. Лизингополучатель, будь то физическое или юридическое лицо, использует в своей хозяйственной деятельности для получения дохода это имущество, не являясь его собственником [5].

Лизинг можно рассматривать как инструмент для повышения экономической и инвестиционной активности хозяйствующих субъектов. Уникальной особенностью лизинга является возможность использования гибкой системы лизинговых платежей. Благодаря лизингу у хозяйствующего субъекта имеется возможность получения прибыли в процессе эксплуатации предмета лизинга, который организация способна выкупить и обладать им в дальнейшем на правах собственности. Лизинговые отношения как особая категория стали предметом исследования многих ученых. Однако само понятие лизинга на сегодняшний день не имеет универсального определения и по-разному трактуется авторами и российским зако-

нодательством. В современной литературе имеют место разные подходы к пониманию общественных отношений, возникающих из договора лизинга:

— лизинг представляется как результат смешанных правоотношений;

— договор лизинга рассматривается как разновидность договора аренды;

— договор лизинга рассматривается как вариант кредитных правоотношений.

В определении, представленном в Федеральном законе от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», под лизингом понимается совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе с приобретением предмета лизинга, а непосредственно под договором лизинга понимается договор, в соответствии с которым арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование.

Несмотря на достаточно продолжительную историю существования данного института в российском праве, в сфере правового регулирования договора лизинга по-прежнему остается немало дискуссионных вопросов и проблемных моментов, требующих теоретического осмысления и формирования научно обоснованных путей их разрешения.

Развитие лизинговых отношений в Российской Федерации связано с ратификацией 8 февраля 1998 г. Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге. Этим международным актом предусматривается право замены критериев ответственности лизингодателя, установленных в п. 3 ст. 8 Конвенции, на положения своего внутреннего права. Таким правом воспользовалась Российская Федерация, при присоединении к Конвенции заявив о применении норм своего гражданского законодательства.

Государственная Дума приняла закон «О финансовой аренде (лизинге)», который вступил в силу 29 октября 1998 года. В нем дается понятие лизинга, проводится классификация субъектов лизинга, определяются особые лизинговые компании, формы лизинга [2].

В тексте действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации определен предмет лизинга, регламентированы права и обязанности сторон лизинговой сделки и описаны правила относительно ответственности сторон. В настоящее время нормы о договоре лизинга рассмотрены в отдельном параграфе главы 34 ГК РФ «Аренда». Согласно ГК РФ, под договором лизинга понимается договор, в соответствии с которым арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование [1].

В постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором вы-

купного лизинга» уделяется особое внимание тому, что в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем.

В разъяснениях постановления № 17 указано, что выкупным лизингом является договор лизинга, содержащий условия перехода права собственности на предмет лизинга от арендодателя к арендатору при условии внесения всех обязательных платежей, предусмотренных договором финансовой аренды (лизинга).

Существуют и другие правовые документы, регламентирующие некоторые виды лизинговых отношений. Например, приказ Министерства финансов Российской Федерации «Об отражении в бухгалтерском учете операций по договору лизинга». Этот акт регламентирует отношения в сфере бухгалтерского учета особого вида активов — лизингового имущества. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» тоже распространяется на лизинговые отношения.

Определенную долю регулирования в сфере лизинга занимает Налоговый кодекс Российской Федерации. Согласно подп. 10 п. 1 ст. 264 данного нормативного акта, к прочим расходам, связанным с производством и реализацией, относятся лизинговые платежи за принятое в лизинг имущество. При этом если имущество, полученное по договору лизинга, учитывается у лизингополучателя, то расходами лизингополучателя признаются лизинговые платежи за вычетом суммы амортизации по этому имуществу, начисляемой в соответствии со ст. 259–259.2 НК РФ, а расходами лизингодателя — расходы на приобретение имущества, переданного в лизинг [3].

В 2018 году был рассмотрен законопроект о выделении института финансовой аренды (лизинга) из главы 34 ГК РФ и включение дополнительной главы в содержание кодекса, которой бы регулировались отношения в сфере лизинга. При принятии такого законопроекта договор лизинга получил бы самостоятельность.

Проведенный анализ современного состояния нормативного регулирования и практики применения законодательства о лизинге позволяет говорить о наличии ряда концептуальных проблем в данной сфере. Прежде всего, следует отметить противоречие между юридической конструкцией договора лизинга, закрепленной в ГК РФ на основе модели аренды, и реальными экономическими отношениями лизинга, тяготеющими по своему содержанию к кредитованию. Данный дуализм порождает неопределенность в понимании правовой природы лизинговых отношений, приводит к противоречивости в подходах судебной практики и в конечном счете создает правовые риски для участников данных отношений. Также можно отметить наличие пробелов в регулировании ряда значимых аспектов лизинговой деятельности (в частности, вопросов ответственности сторон договора лизинга),

неполное урегулирование процедурных вопросов, связанных с изъятием и реализацией лизингового имущества, отсутствие ясных критериев разграничения договора выкупного и невыкупного лизинга и целый ряд иных проблемных моментов.

Правовыми факторами, препятствующими развитию лизинговых отношений в России, сегодня можно назвать: несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу отношений, отсутствие органа, осуществляющего это регулирование, контроль и надзор за лизинговыми компаниями. Экономическими факторами,

тормозящими развитие лизинговых отношений, являются: особенности геополитической обстановки в мире, повышенный уровень инфляции, экономический кризис в России, заметное понижение платежеспособности участников лизинговых отношений, слабые системы оценки надежности средних и мелких лизинговых компаний.

На данный момент лизинговые отношения находятся на стадии развития. Создание эффективной модели правового регулирования лизинговых отношений в Российской Федерации, несомненно, положительно повлияет на развитие предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — URL: http://base.garant.ru/10164072/35/#-block_2034
2. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (в ред. от 03.07.2016). — URL: <http://base.garant.ru/12113492/>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ad6e31e62418ce6768a1215342837d033553217e/
4. Тонкошкuroв И. В. Лизинг: основные понятия и тенденции развития лизинговых отношений в России / И. В. Тонкошкuroв, А. Д. Чайка // Вопросы устойчивого развития общества. — 2022. — № 7. — С. 174–179.
5. Шемис М. А. Лизинг в современной России / М. А. Шемис, К. В. Жилинская // Актуальные вопросы современной экономики. — 2022. — № 12. — С. 161–164.

Реализация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный судебный контроль

Ломанов Иван Викторович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В данной научной работе рассматриваются основные полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, способы их реализации, в том числе с помощью института судебного конституционного контроля, его определение и место в правовой системе государства, выявляются основные проблемы с точки зрения принятых поправок к Конституции РФ 2020 г., благодаря которым ввели предварительный конституционный судебный контроль.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль, Конституция РФ, предварительный конституционный контроль, общая юрисдикция, закон, запрос, нормативный правовой акт, законодательство, права и свободы

Основным источником права в Российской Федерации как государстве романо-германской правовой семьи признается нормативный правовой акт. Наивысшей юридической силой в России является Конституция — закон, закрепляющий права и свободы человека и гражданина, принципы государственного устройства, систему власти и т. д. Ни один принимаемый закон не может противоречить Конституции РФ, в противном случае такие нормативные правовые акты не будут считаться легитимными.

Для предупреждения нарушения конституционных принципов в Российской Федерации разработан институт судебного контроля, представляющий собой механизм проверки на соответствие Конституции РФ объектов контроля судебными органами. Суд в данном случае, являясь органом государственной власти, выполняет функцию

по укреплению законности и правопорядка, основывающихся на незыблемости прав и свобод гражданина и человека, закрепленных в Конституции РФ. Поскольку государство регулирует многие вопросы по осуществлению деятельности органов власти, Конституция в своем содержании отражает общие положения, формулирующие наиболее важные и необходимые для общества начала и основы построения общественных отношений. Они в дальнейшем находят свою детализацию в издании нормативных правовых актов органами публичной власти различных уровней, что порождает необходимость обеспечить существование государственного механизма по определению легитимности данных законов и подзаконных правовых актов. Таковым и является институт судебного конституционного контроля.

Реализация судебного конституционного контроля, направленная на определение соответствия Конституции РФ нормативно-правовых актов, в соответствии с главой 7 Конституции РФ возложена на специализированный орган — Конституционный Суд РФ. На сегодняшний день в России предусмотрен федеральный уровень осуществления конституционного судебного контроля, поскольку с 1 января 2023 г. уставные конституционные суды субъектов, наделенные полномочиями по рассмотрению жалоб граждан о нарушении их прав и свобод, были упразднены, в связи с чем публично-правовые споры могут быть разрешены исключительно Конституционным Судом РФ [4].

Определяя основные особенности осуществления конституционного судебного контроля, обратимся к ст. 96 ФКЗ от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации», в которой законодатель четко указывает на одно из важных условий обращения за защитой своих прав и свобод, нарушенных неконституционным актом: непосредственно «исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты», что подразумевает рассмотрение вопроса исключительно с точки зрения «права», а не наступление «факта» такового нарушения [6]. Обязанностью судей Конституционного Суда РФ является анализ неправомерного акта на предмет соответствия Конституции РФ вынесенного и вступившего в законную силу решения органа судебной власти по делу и разрешение нормативного правового акта, принятого федеральными или региональными органами власти. Согласно ст. 118 Конституции РФ судебную систему в России составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые суды субъектов РФ. Следовательно, Конституционный Суд РФ, не являясь вышестоящей инстанцией по отношению к другим судам судебной системы, не может отменить состоявшееся решение суда. В случае признания решения суда неконституционным Конституционный Суд дает его официальное конституционно-правовое толкование, указывая лишь на необходимость его пересмотра, что исключает вторжение в организационную и управленческую деятельность (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2020 г. № 42-П). Конституционный Суд РФ при проведении судебного конституционного контроля фактически осуществляет функцию надзора за деятельностью органов государственной власти, проверяя обжалуемый нормативный акт на предмет его соответствия Конституции РФ. Так, судебный конституционный контроль являет собой форму надзора в системе государственной власти, ввиду его специфичной системы применения.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в качестве контролирующего органа принимает участие в правотворчестве, которое осуществляется в основном посредством разрешения споров о праве и даче официального толкования норм Конституции РФ, при этом не вторгаясь в полномочия других органов государственной власти, устраняет некоторые существующие пробелы в праве,

указывая законодателю и правоприменителю выходы из ситуаций, не соответствующих Конституции РФ. Важную роль в формировании судебной практики играет правовая позиция Конституционного Суда РФ, поскольку включает в себе основные правовые понятия, выделенные Конституционным Судом в отдельные нормативно-правовые правила. Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют межотраслевой характер, поскольку восполняют пробелы и коллизии, возникающие в применяемой правовой базе, в связи с чем совершенствуется законодательный процесс в целом.

Результатами деятельности Конституционного Суда РФ являются постановления, заключения, определения, в заседаниях могут решаться вопросы организации деятельности суда в целом. Непосредственно в актах Конституционного Суда РФ могут быть установлены обязанности для законодателя либо сформулированы основные правовые позиции, которые необходимо учитывать при принятии законов или при осуществлении деятельности по их совершенствованию. Однако, несмотря на ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, где установлено положение об осуществлении судебной власти посредством конституционного судопроизводства в том числе, процессуального законодательства, которое регламентировало бы конституционное судопроизводство, на данный момент не существует, что является серьезным пробелом в системе современного российского права [4].

Также одним из наиболее значимых полномочий Конституционного Суда РФ как органа судебного контроля является выявление неконституционности закона, который применяется в конкретном деле по жалобам граждан. Деятельность Конституционного Суда непосредственно направлена на выявление нарушений прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией РФ, что воплощает на практике принцип высшей ценности человеческой свободы, приоритета его прав. В связи с этим поправки к Конституции 2020 г. получили широкий общественный резонанс, поскольку они изменили основополагающие начала государственной власти, дали направление на создание гарантий реализации прав граждан.

Благодаря поправкам к Конституции РФ 2020 г. Конституционный Суд РФ закрепил свои полномочия в области конституционного контроля (правовые позиции КС РФ имеют силу не только на конкретно рассмотренное дело, но и на все аналогичные, однородные дела, являясь общеобязательными), а также расширил их, получив возможность проведения предварительного конституционного судебного контроля не только в отношении международных договоров [1]. Так, по запросу Президента РФ КС РФ проверяет на конституционность: федеральные конституционные законы, федеральные законы и т. д. В. А. Кряжков, анализируя конституционную реформу 2020 г., отмечает, что «реанимация ранее отвергаемых предложений по введению предварительного контроля законов стала неожиданностью ввиду отсутствия и реальной потребности в нем. Конституционный Суд никогда не выска-

зывался о его необходимости». Автор считает, что «вводимый предварительный нормоконтроль — избыточная и ущербная мера. Она не согласуется с принципом сбалансированного разграничения властей, поскольку еще более усиливает за счет Конституционного Суда позиции Президента РФ во взаимоотношении с парламентом Российской Федерации, способствует втягиванию Конституционного Суда, организационно зависимого от Президента РФ, в законотворческий, по сути, политический процесс» [5]. Однако нельзя не заметить, что наделение КС РФ подобными полномочиями является важным и положительным шагом в развитии основ правового государства, поскольку большое количество жалоб граждан касается нарушения их конституционных прав и свобод, а предварительная проверка законопроектов на конституционность позволит это предотвратить. Одним из главных преимуществ данного нововведения является предупреждение противоречий, возникающих между Конституцией РФ и принимаемыми нормативными правовыми актами. Так, по мнению Е. В. Виноградовой и И. Л. Данилевской, «вопросы конституционного соответствия нормативных правовых актов, решаемые в предварительном порядке, позволяют в перспективе сохранять стабильность и единообразие национальной правовой системы, способствуют принятию правовых актов более высокого уровня, что, в свою очередь, повышает качество законодательства» [3].

Литература:

1. Бабурин С. Н. Реформа Конституции Российской Федерации в 2020 году: возвращение конституционализма на национальный маршрут // Конституция-2020: эволюция публичной власти: материалы V Общероссийского юридического форума. Уфа: ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан», 2021. С. 27–32.
1. Брежнев О. В. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 67–74.
1. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль «ex ante» как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.
1. Конституция Российской Федерации 1993 г. с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 4 июля 2020 г.; Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.
1. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.
1. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Российская газета. 23.07.1994. № 138–139.

Понятие государственной границы и ее виды

Макаров Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Зыков Дмитрий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

В статье автор рассматривает теоретические аспекты правового регулирования государственных границ; понятие государственных границ, а также ее видов. Автор определяет, что полноценное формирование понятийного аппарата существенным образом влияет на разрешение проблем в сфере правового регулирования государственных границ.

Ключевые слова: государственная граница, пределы государственной границы, суверенитет, формирование государственных границ, изменение государственных границ.

Государственная граница — это главный элемент любого независимого государства. Ее формирование и дальнейшее существование становится предметом международных конфликтов и войн. Поэтому охрана и защита государственных границ является главным условием государства.

Формирование государственных границ имеет давнюю историю, уходящую в глубокую античность и средневековье. Сначала границы определялись естественными барьерами, такими как реки, горы и леса и иные природные источники, которые сами по себе служили естественными преградами для миграции и разделения народов. В ходе становления первых цивилизаций и империй, например, в Египте, Месопотамии и Древней Греции, происходили конфликты и войны за территории, что постепенно привело к выделению и оформлению государственных границ. В Средние века, с развитием феодальных отношений, границы в Европе начали оформляться более четко, учитывая как политические, так и экономические интересы поселений. Таким образом, на протяжении длительного исторического периода определение государственных границ носило характер результативных политических и военных событий, а также культурных обменов и миграционных процессов.

Российская Федерация — это суверенная, неприкосновенная и территориально целостная страна [1]. Для того чтобы не нарушить это, должна быть обеспечена защита государства от внешних и внутренних угроз в отношении личности и общества в целом.

Понятие государственной границы Российской Федерации закреплено на законодательном уровне — это линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации [3].

В правовой доктрине сложилось мнение о том, что понятие государственной границы на законодательном уровне сформирован неудовлетворительно, поэтому возникает множество проблем внутригосударственного и международного уровня.

Так, понятие граница является предметом изучения многих наук: история, философия, география, социология, политология, юриспруденция и так далее. Это говорит о том, что установление полноценного термина государственной границы является принципиально важным для социально-экономической и общественно-политической сфер жизни общества и государства.

Так, О. В. Цветкова определяет государственную границу, как четкие разделительные линии, обеспечивающие государственный суверенитет и национальную безопасность [4, с. 43].

По мнению А. А. Ярлыченко, термин «государственная граница» рассматривается с двух позиций: предметно-знаковая, абстрактно-воображаемая. Автор определяет, что в абстрактно-воображаемом понимании, государственная граница представляет собой линия и проходящая по этой линии вертикальная и горизонтальная поверхности, обозначающие пространственный предел действия государственного суверенитета на суше, водах, в подземном и воздушном пространстве [8, с. 33].

Отсюда следует, что Закон «О государственной границе Российской Федерации» рассматривает понятие государственной границы с абстрактно-воображаемой позиции.

В. Д. Зорькин и Л. В. Лазарев определяют понимание государственной также с абстрактно-воображаемой позиции. Итак, государственная граница — это тот пространственный предел действия государственного суверенитета РФ, который фиксирует государственную территорию РФ, охватывая сушу, воды, недра и воздушное пространство РФ [5, с. 457].

Что касается предметно-знакового понимания, то определение государственной границы в данном контексте определено в нормах международного права. Так, согласно ст. 4 Конвенции ООН по морскому праву, «внешней границей территориального моря является линия, каждая точка которой находится от ближайшей точки исходной линии на расстоянии, равном ширине территориального моря» [2]. Понимание государственных границ с данной точки зрения отражается и в Водном кодексе Российской Федерации.

Виды государственных границ не определены законом полноценно. Анализ юридической литературы и правовой доктрины позволяет сделать вывод о том, что выделяют следующие виды государственных границ:

- 1) сухопутные — линии по точкам местности или системы координат;
- 2) водные — линии озер, рек, морей и океанов.
- 3) воздушные — это воображаемая плоскость, поставленная вертикально и проходящая по сухопутным и водным границам государства. Верхний предел, отделяющий воздушное пространство от космического, установлен на основании обычной нормы — 100–110 километров от поверхности Земли;
- 4) недра — продолжение под землей вертикальной плоскости [7].

Согласно Закону «О государственной границы Российской Федерации» выделяются следующие виды государственных границ:

- 1) на суше;
- 2) на море;
- 3) на судоходных реках;
- 4) на воде.

В международном праве выделяют следующие виды государственных границ:

- 1) географические границы (через определенные географические координаты);
- 2) геометрические границы (пересечение местности без учета рельефа, кроме населенных пунктов);
- 3) ораграфические границы (пересечение местности с учетом рельефа) [6].

Таким образом, государственная граница — это многоаспектное явление, которое необходимо рассматривать

с различных точек зрения для определения значимости данного понятия с развитием общества.

Государственная граница возникает с момента появления нового государства. В пределах государства устанавливается независимость от других стран и суверенитет. Граница может быть изменена в ходе международных конфликтов и войн. Государственная граница устанавливается на основании договора между соприкасающимися странами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 г.) (с изм. от 23.07.1994 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–168.
3. Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730–1. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2025.
4. Генезис политических и географических концепций государственных границ / под ред. О. В. Цветковой. М.: Изд-во СГУ, 2014.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М.: Эксмо, 2018.
6. Лукин Е. Е. Международное право: учебник. М.: Норма, 2019.
7. Макеева Е. А. Государственная граница и территориальные споры. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4334> (дата обращения: 25.01.2025).
8. Ярлыченко А. А. Территориальная целостность Российской Федерации и международно-правовое оформление государственной границы // Современное право. 2015. № 8.

Актуальные проблемы правового регулирования государственных границ в современном мире

Макаров Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Зыков Дмитрий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

В статье автор рассматривает основные проблемы правового регулирования государственных границ в современном мире, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: государственная граница, пределы государственной границы, суверенитет, территориальная целостность, миграция, трансграничная преступность, контрабанда.

Вопросы о государственных границах имеют большое значение для каждого суверенного государства. На границах сосредоточен спектр интересов государств, многие из которых являются жизненно важными и составляют основу национальной безопасности каждого из них. Установление справедливых и прочных государственных границ, их надлежащее оформление являются важным фактором обеспечения международной безопасности, развития дружественных отношений между государствами.

Любое государство как субъект международного права существует в определенных пространственных пределах. Без установления границ на территории невозможно формирование и существование населения, соответственно

и существование самого государства. Это говорит о том, что государственные границы — особый территориальный институт.

Государственная граница — это главный элемент любого независимого государства [1]. Ее формирование и дальнейшее существование становится предметом международных конфликтов и войн. Поэтому охрана и защита государственных границ является главным условием государства.

Защита государственной границы в настоящее время является напряженной. Во-первых, эпидемиологическая ситуация в стране и в мире. Во-вторых, сохранение очагов военно-политической напряженности. В — третьих, военная активность Североатлантического альянса. В-чет-

вертых, наложение санкций со стороны Запада. В-пятых, проникновение лиц, причастных к террористической и экстремистской деятельности, контрабанда, диверсия. В-шестых, миграция беженцев.

Актуальность этой темы обусловлена как внутренними, так и международными факторами. Почти каждое государство сталкивается с рядом вызовов и противоречий, связанных с делимитацией, демаркацией, охраной и управлением своими границами. Одним из ключевых вопросов является координация норм внутреннего законодательства с международными соглашениями и практиками [3].

Чаще всего это связано с необходимостью соблюдения принципов ненарушимости границ, территориальной целостности и суверенитета, которые закреплены в Уставе ООН и других международных документах [2]. Однако на практике национальные нормы могут вступать в противоречие с международными обязательствами, особенно в случаях, когда данная страна сталкивается с проблемами безопасности, миграции и трансграничной преступности. В результате становятся актуальными вопросы адаптации национального законодательства к новым вызовам и угрозам.

Вопросы охраны государственной границы также представляют собой важный аспект в правовом контексте. Современные вызовы, такие как незаконная миграция, контрабанда, трансграничная преступность и терроризм требуют адекватного реагирования со стороны государственного аппарата. Здесь возникают существенные противоречия, связанные с необходимостью обеспечения безопасности и поддержания открытости границ для законных перемещений людей и товаров.

Внутреннее законодательство часто вводит жесткие меры контроля и охраны границ, что может вступать в противоречие с международными принципами гуманитарных отношений к мигрантам и свободного передвижения. Например, директивы Европейского Союза направлены на смягчение миграционных потрясений путем создания общих стандартов приема и размещения беженцев. В то же время на уровне национального законо-

дательства многих стран вводятся более строгие меры по контролю границ, что вызывает правовые дебаты о пределах суверенитета государства и его обязанности по соблюдению международных обязательств [4].

Юридические коллизии также возникают в процессе делимитации и демаркации государственных границ. Исторически сложившиеся границы не всегда отражают современное политическое и экономическое положение, что может вызывать территориальные споры. Эти споры могут перерасти в серьезные международные конфликты, требующие вмешательства международных судебных инстанций. Примеры таких конфликтов можно найти в спорных территориях между Индией и Пакистаном, Россией и Украиной, Израилем и Палестиной. В каждом из этих случаев внутренние законы о границах и территориях вступают в противоречие с международными решениями и резолюциями.

Таким образом, для эффективного управления и охраны государственных границ необходимо развивать прозрачное и согласованное правовое регулирование на основе международных норм и стандартов. Необходима также постоянная координация и взаимодействие между различными государственными органами и международными организациями для предотвращения и разрешения конфликтов.

Международные договоры и соглашения играют ключевую роль в установлении и поддержании стабильности на границах между государствами. Они способствуют предотвращению конфликтов и обеспечивают совместные меры по пограничному контролю и безопасности. Исследования показали, что международное сотрудничество и взаимное признание норм и правил играют весомую роль в создании правового режима, соответствующего современным вызовам и угрозам. Особое внимание должно уделяться вопросам защиты прав и свобод граждан в приграничных районах, что требует учета как национальных, так и международных норм в области прав человека. Данный аспект приобретает особую актуальность в условиях роста миграционных потоков и связанной с ними угрозы национальной безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 г.) (с изм. от 23.07.1994 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–168.
3. Алексейчик В. И., Ацута Е. С. Актуальные проблемы практического опыта осуществления пограничного контроля // Актуальные проблемы обеспечения пограничной безопасности. Материалы II Международной заочной и научно-практической конференции. Минск, 2018. С. 15–19.
4. Маколиф М. и Л. А. Оучо. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-l-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

Международный опыт борьбы с киберпреступностью

Михайленкова Евгения Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Редков Сергей Константинович, кандидат педагогических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В данной статье анализируется текущая ситуация в области киберпреступности, а также рассматриваются международные усилия по борьбе с этим явлением. Авторы статьи исследуют различные аспекты международной киберпреступности, включая ее формы, методы и последствия, а также обсуждают роль России в международных усилиях по борьбе с киберпреступностью.

Ключевые слова: международное сотрудничество, национальная безопасность, уголовная ответственность, сфера противодействия, компьютерное мошенничество, компьютерный саботаж.

Для зарубежных стран, как и для Российской Федерации, остается проблемой совершение значительного количества киберпреступлений. Заметим, что кибермошенничество относится к лидирующей форме совершения преступного деяния.

Анализ стратегий национальной безопасности зарубежных стран, позволил установить, что кибертерроризм, кибератака относятся к приоритетным угрозам национальной безопасности. В частности, Стратегия национальной безопасности США определяет, что «к одной значимой задаче обеспечения национальной безопасности относится обеспечение повышение устойчивости к кибератакам, что создает основу для снижения совершения киберпреступлений и стабилизации экономической безопасности США» [6]. Стратегия национальной безопасности ФРГ также определяет «необходимость совершенствования государственной политики в сфере противодействия киберпреступлениям» [7]. Стратегия безопасности Франции предопределяет «необходимость проведения комплекса мероприятий и действий, направленных на защиту от киберугроз» [8]. Концепции глобальной безопасности КНР от 21.02.2023 г. также указывает на приоритетность «обеспечения защиты от киберпреступлений, как основного вектора развития национальной безопасности» [1].

Таким образом, концепции национальной безопасности зарубежных стран отражают векторы развития государственной политики в сфере противодействия киберпреступлений и кибератак. Из сказанного следует, что исследуемая проблема носит актуальный характер, что указывает на необходимость исследования международной киберпреступности.

Уголовный кодекс ФРГ определяет, что «киберпреступность относится к преступлениям, посягающим на имущественные правоотношения субъектов» [10]. В подтверждение сказанного укажем, что ст. 263а УК ФРГ определяет меры уголовной ответственности за совершение компьютерного мошенничества: лишение свободы сроком до пяти лет либо применение к виновному штрафных санкций. К другому составу киберпреступлений, предусмотренному ст. 303b УК ФРГ, относится компьютерный саботаж. Статья 202а УК ФРГ предусматривает установ-

ление уголовной ответственности за противоправное разведывание сведений, совершенное посредством сбора и передачи таких сведений посредством использования электронных средств.

Таким образом, УК ФРГ систематизированы составы киберпреступлений, к числу которых относятся противоправный перехват и завладение информацией; компьютерное мошенничество; компьютерный саботаж. К основной проблеме законодательного регулирования уголовной ответственности следует отнести малозначительность наказания, т. е. применение к виновному лицу лишения свободы, максимальный срок которого составляет 5 лет, либо штрафных санкций, величина которых определяется судом с учетом тяжести преступления.

Уголовный кодекс Франции также предусматривает привлечение к уголовной ответственности за совершение киберпреступлений. Так, ст. 226–16 Кодекса формирует состав — «противоправное осуществление либо организацию автоматизированной обработки именной информации» [11].

Статья 226–18 УК Франции предусматривает установление самостоятельного состава киберпреступления:

- противоправный сбор данных, для которого характерны признаки — обман, самоуправство, применение запрещенного национальным законодательством способа;
- противозаконная обработка именной информации физического лица при условии получения несогласия лица на обработку такой информации.

Статья 226–19 УК Франции предусматривает, что к киберпреступлениям относится противоправный ввод либо хранение именной информации без предварительного получения согласия лица.

Основной проблемой правового регулирования ответственности за киберпреступления в УК Франции является отсутствие закрепления самостоятельных составов преступлений, посягающих на частную собственность физических лиц (например, кибермошенничества).

Уголовный кодекс Швейцарии детализирует составы киберпреступлений. Так, ст. 131.1 Кодекса определяет ответственность за «противоправное получение электронных данных, в отношении которых применено требование об усиленной защите; ст. 144 Кодекса — ответ-

ственность за совершение действий, направленных на реализацию вредоносных программ в целях противоправного использования, изменения или удаления электронных данных; ст. 147 Кодекса — противоправное вмешательство в электронные данные, совершенное в целях завладения и последующей передачи финансовых активов, либо сокрытия информации о таких действиях» [12].

Основными международным правовым актом, регулирующим вопросы борьбы с киберпреступлениями, является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Конвенция определяет требование, согласно которому «государства-участники наделяются полномочиями по заключению как двухсторонних и многосторонних договоров, соглашений в сфере международного сотрудничества по борьбе с преступностью» [2]. Однако, названной Концепцией не раскрыты ориентиры международного сотрудничества в сфере противодействия и борьбы с киберпреступностью.

Европейская конвенция о киберпреступлениях [3] детализирует принципы, механизмы и инструменты формирования международного сотрудничества в сфере противодействия и борьбы с исследуемой группой преступлений. Однако, следует указать, что Конвенция не применяется в Российской Федерации, что сдерживает процесс противодействия и борьбы с киберпреступлениями.

Соглашением о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий определяет «векторы формирования и развития международного сотрудничества между странами СНГ и России» [5]. Согласно ст. 2 Соглашения, основной целью сотрудничества является создание условий по выявлению, пресечению, раскрытию и предупреждению исследуемой группы преступлений посредством совместного принятия организовано-правовых мер. Основной составляющей, влияющей на оформление международного сотрудничества, как указано в ч. 3 ст. 2 Соглашения, является сближение национального законодательства, регулирующего правоотношения в сфере борьбы с киберпреступлениями.

Таким образом, Соглашением определены основные формы международного сотрудничества, что создает законную основу для повышения эффективности деятельности органов по выявлению, пресечению, раскрытию и предупреждению киберпреступлений.

Особое место в Соглашении уделяется правовому регулированию правоотношений в сфере исполнения запросов об оказании содействия и использованию информации, полученной в рамках такого запроса.

Таллинское руководство по международному праву, применимому в случае кибервойны определяет «приоритетный принцип международного сотрудничества — формирование нормативной определенности» [9]. Отличительной особенностью Руководства является систематизация киберинцидентов и киберопераций.

А.Б. Сабырбаева выделяет ключевые аспекты международного взаимодействия в противодействии киберпреступлениям, акцентируя внимание на следующих инициативах.

«Первостепенная задача состоит в проектировании универсального коммуникационного канала, который бы действовал круглосуточно и гарантировал оперативный обмен данными, необходимыми для идентификации, пресечения и предупреждения преступной онлайн-деятельности.

Также настоятельно рекомендуется создание стандартного определения «киберпреступления», чтобы упростить систематизацию и унификацию понятия в международной практике.

К разработке стратегии «О сотрудничестве в киберпреступности» предполагается подходить с целью унификации методов, принципов и процессуальных механизмов борьбы с указанным видом преступлений.

Предлагается учредить Международный координационный центр, основной функцией которого станет интеграция усилий правоохранительных структур в вопросах детекции, пресечения и раскрытия противоправных кибератак» [4, с. 320–321].

Для эффективного содействия следственным органам в раскрытии происшествий киберугроз необходима упрощенная система правовой поддержки и предоставления доказательной базы в цифровом формате.

Кроме того, необходимо развивать механизмы сотрудничества между государственными правоохранительными органами и администрацией цифровых коммуникационных платформ для оперативной передачи данных, связанных с фактами совершения киберпреступлений.

В целях повышения эффективности борьбы с киберпреступлениями необходимо создать единую базу данных, использование которой позволит своевременно реагировать правоохранительным органам и обеспечить повышение эффективности выявления, пресечения, раскрытия и предупреждения киберпреступности.

Таким образом, рассматривая нормативные правовые основы, регулирующие организацию международного сотрудничества по борьбе с киберпреступлениями, были выделены следующие основные проблемы:

— фрагментарный характер нормативного правового регулирования названных правоотношений. В подтверждение сказанного, укажем, что до сих пор не разработан единый международный правовой акт, регулирующий вопросы построения формирования и развития международного сотрудничества по борьбе с киберпреступлениями;

— не создан единый международный центр координационного взаимодействия правоохранительных органов, обеспечивающих выявление, пресечение, раскрытие и предупреждение киберпреступлений;

— не обеспечивается на международном уровне унификации правовой нормы, регулирующей развитие международного сотрудничества в современных геополитических условиях и с учетом активности совершения исследуемой группы преступлений.

Литература:

1. Концепция глобальной безопасности Китайской Народной Республики: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2023/03/21/davajte-zhit-druzhno.html/>.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заклучена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003): [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/4089723/>.
4. Сабырбаева, А. Б. Актуальность укрепления международного сотрудничества в борьбе с киберпреступлениями / А. Б. Сабырбаева // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. — С. 317–323.
5. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Заклучено в г. Душанбе 28.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 33. Ст. 5883.
6. Стратегия национальной безопасности США от 12.10.2022: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rdc.grfc.ru/2022/10/usa_national_security_strategy/.
7. Стратегия национальной безопасности Федеральной Республики Германии: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.cde97a10-6598fb4f-8081bb75-74722d776562/https/www.economist.com/europe/2023/06/15/germanys-new-national-security-strategy-is-strong-on-goals-less-so-on-means/.
8. Стратегия безопасности Франции: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16284049/>.
9. Таллинское руководство по международному праву, применимому в случае кибервойны: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf/>.
10. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=24969/>.
11. Уголовный кодекс Франции: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=25017/>.
12. Уголовный кодекс Швейцарии: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000960358/>.

Особенности договора поставки

Мунаваров Шахбоз Шухратович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кубиевич Светлана Владимировна, старший преподаватель

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Рассмотрены правовые аспекты заключения договора поставки в соответствии с нормами гражданского законодательства России. Исследованы понятие договора поставки, его основные условия и правовое содержание. Актуальность исследования поставленных вопросов в сфере заключения договора поставки определяется противоречивостью и неясностью нормативных положений, отграничивающих договор поставки от иных договорных конструкций в гражданском праве. Дан анализ правовых норм, опосредующих договор поставки как наиболее часто используемый в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: договор поставки, сторона договора, предмет договора, форма договора, спецификация, срок поставки.

Features of the delivery contract

The legal aspects of concluding a supply contract in accordance with the norms of the civil legislation of Russia are considered. The concept of a supply contract, its basic terms and legal content are investigated. The relevance of the study of the issues raised in the field of concluding a supply contract is determined by the inconsistency and ambiguity of the regulations that distinguish the supply

contract from other contractual structures in civil law. The analysis of the legal norms mediating the supply contract as the most frequently used in business activities is given.

Keywords: *delivery contract, party to the contract, subject of the contract, contract form, specification, delivery time.*

Договор поставки — это важный элемент коммерческих отношений, который регулирует отношения между поставщиком и покупателем в процессе передачи товаров. Он определяет условия, при которых одна сторона (поставщик) обязуется передать товар другой стороне (покупателю) за оговоренную плату. Договор поставки может охватывать различные аспекты, такие как объем поставки, сроки, качество товара, ответственность сторон, условия оплаты и другие параметры, играющие ключевую роль в бизнесе.

Договор поставки является основой для многих коммерческих отношений и сделок в экономике. Правильное составление и выполнение данного договора способствует стабильности и предсказуемости в бизнесе, что в свою очередь влияет на экономическое развитие.

С учетом широкого спектра сфер применения (от производственной сферы до розничной торговли), существуют различные типы договоров поставки, что делает необходимым подробное изучение особенностей каждого из них. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда компании часто работают на международных рынках.

В последнее время в законодательстве произошли значительные изменения, связанные с договорами поставки. Новые нормы могут существенно влиять на права и обязанности сторон, что требует постоянного анализа и адаптации бизнес-практик компаний к новым условиям.

Изучение особенностей договора поставки также актуально в контексте разрешения споров. Ошибки в оформлении, противоречия и невыполнение условий могут приводить к конфликтам, что подчеркивает важность изучения и понимания данного инструмента.

В условиях быстрого технологического прогресса, особенно в сфере логистики и интернет-торговли, возникают новые формы поставок и новые вызовы, которые требуют инновационных подходов в формировании договорных отношений.

Все больше компаний обращают внимание на устойчивое развитие и экологические аспекты в цепочке поставок. Изучение особенностей договора поставки в свете этих тенденций становится всё более актуальным в контексте современных требований бизнеса.

В целом, тема «Особенности договора поставки» является весьма актуальной и требует всестороннего рассмотрения, позволяя понять не только теоретические аспекты, но и практическое использование в современном бизнесе.

Договор поставки товаров включает в себя обязательства поставщика-продавца перед покупателем и наоборот. При этом, взаимный характер обязательства указывает, что в то время, как у одной стороны появляются права, у другой появляются обязанности. Таковыми являются лица, заключившие договор поставки товаров.

Помимо общих правил о заключении договоров, которые изложены в 28 главе Гражданского кодекса «Заключение договора», договор поставки товаров включает определенные дополнительные условия. Исходя из общих правил заключения гражданско-правовых договоров, последние признаются заключенными при условии достижения соглашения сторонами, обо всех существенных условиях. К таким условиям закон относит предмет договора, срок или сроки поставки по договору. Исключением является то, что при отсутствии указания на сроки в договоре, он, может быть, все же признан заключенным на основании ст. 314 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Срок исполнения обязательства».

При этом, такое обязательство обязано быть исполнено в разумный срок. Если же обязательство не исполнено до выдвижения предъявления кредитором требований, то оно обязано быть исполнено в течение 7 дней со дня такого предъявления. Опираясь на ст. 508 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Периоды поставки товаров», следует отметить, если договором поставки товаров предусмотрена поставка партиями, то существенным условием считается периоды поставки. Если же, такие периоды не определены, то общее количество товара равными партиями должно быть поставлено через равный срок.

Как правило, в качестве такого периода выступает месяц. Когда одна из сторон, будь то поставщик или покупатель, от другой стороны получено предложение, представляющее собой акцепт, то противоположенная сторона обязана в течение 30 дней принять его направить письменный отказ о принятии.

В противном случае, договор ни при каких условиях заключенным считаться не будет, при этом, сторона, не отреагировавшая на акцепт, обязана возместить убытки противоположенной стороне в связи с уклонением от согласования, если она при этом приняла условия другого контрагента. Особое правило касается досрочной поставки по договору поставки товаров. Так, товары, поставленные поставщиком досрочно, могут быть засчитаны в счет поставки товаров в следующем периоде. При этом обязательным является принятие покупателем товаров, поставленных досрочно. В противном случае, поставщик обязан такие товары забрать. Опираясь на ст. 450 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Основания изменения и расторжения договора», по соглашению сторон договор поставки товаров может быть, как изменен, так и расторгнут. Если же такое соглашение не достигнуто, то по общему правилу, одна из сторон может обратиться в суд с целью изменения или расторжения такого договора.

При таком обращении обязательно наличие веского основания, в качестве которого выступает существенное нарушение условий договора контрагентом.

Ст. 535 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Договор контрактации» вновь гласит о существенности нарушения условий договора именно поставки, а не всех договоров. По нашему мнению, в данной статье оно выражено наиболее ясно, и состоит из различных оснований для изменения или расторжения для поставщика и для покупателя. Тогда контрагент признается потерпевшей стороной. После этого, он получает право изменить срок прекращения договора. При этом, даже при наличии одного из условий, закрепленных ст. 535 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Договор контрактации», одностороннее расторжение или изменение договора поставки товаров может быть обжаловано в суде.

Помимо изложенных ранее случаев, стороны могут расторгнуть договор поставки товаров по инициативе одной из сторон, если они предусмотрели и согласовали такое право в самом договоре поставки товаров. Потерпевшая сторона, будь то поставщик или продавец, может оказаться от исполнения обязательств по договору как полностью, так и частично. Любое из требований об изменении или расторжении договора поставки товаров в случаях, когда соглашение об этом не было достигнуто заранее, может сопровождаться требованием о возмещении убытков.

Ежегодно вводятся изменения в законодательство в сфере договоров поставки. Рассмотрим основные нововведения, действующие с начала 2025 года. С 01.03.2025 изменятся сроки оплаты продовольственных товаров по договору поставки. При заключении договора поставки продовольственных товаров (с отсрочкой платежа) покупатель должен оплатить их не позднее определенного срока. В настоящее время сроки оплаты следующие (ч. 7 ст. 9 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ):

не позднее 8 рабочих дней со дня получения — для товаров со сроком годности менее 10 дней;

не позднее 25 календарных дней со дня получения — для товаров со сроком годности от 10 до 30 дней включительно;

не позднее 40 календарных дней со дня получения — для товаров со сроком годности более 30 дней.

С 01.03.2025 по некоторым продовольственным товарам предельные сроки оплаты сократятся. Так, продовольственные товары со сроком годности до 9 дней включительно покупателю необходимо оплатить не позднее 8 рабочих дней со дня их получения. Товары со сроком годности 5 дней и менее необходимо оплачивать не позднее 4 рабочих дней, если оформляются электронные документы.

Такие поправки содержит Федеральный закон от 08.08.2024 № 301-ФЗ. Они позволят производителям продовольственных товаров избежать дефицита ликвидности и отказаться от привлечения краткосрочных кредитов.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 318-ФЗ внесен ряд изменений в Закон № 223-ФЗ, в первую очередь, связанных с изменением порядка предоставления национального режима при осуществлении закупок.

Основная цель рассматриваемых изменений направлена на упрощение процессов и процедур при закупках отечественной продукции, а также унификацию и обеспечение стабильного правового регулирования правил осуществления закупок с предоставлением национального режима в рамках Закона № 44-ФЗ и Закона № 223-ФЗ.

Важно отметить, что в соответствии с Законом № 318-ФЗ прямо предусмотрена обязанность заказчиков привести Положения о закупках в соответствие с принятыми изменениями в следующие сроки:

— Типовые положения о закупках необходимо привести в соответствие с законодательством, утвердить и разместить в ЕИС в срок до 01.12.2024,

— Положения о закупках — до 1 января 2025 года.

При этом установлено, что Положения о закупках, не соответствующие требованиям Закона № 223-ФЗ (в редакции Закона № 318-ФЗ), по состоянию на 1 января 2025 года считаются не размещенными в ЕИС, а значит заказчики, не исполнившие требования о внесении изменений в Положение в установленные сроки, обязаны перейти в процедурной части на Закон № 44-ФЗ. Рассмотрим систему импортозамещения в измененном формате.

По общему правилу, товарам, работам, услугам, происходящим из иностранного государства, предоставляются равные условия с товарами, работами, услугами российского происхождения, за исключением случаев установления Правительством РФ:

— запрета или ограничения закупок иностранных товаров, работ, услуг;

— преимущества в отношении товаров, работ, услуг российского происхождения. В случае принятия перечисленных мер Правительство РФ определяет информацию и перечень документов, которые подтверждают страну происхождения товара. Соответственно, заказчики должны будут устанавливать требования к перечню информации/документов, подтверждающих страну происхождения товара, в зависимости от предмета закупки, и руководствоваться при этом нормативным актом, принятым Правительством РФ.

Касательно вопроса о том, какой товар следует считать российским для целей применения вышеперечисленных механизмов: в соответствии с ч. 3 ст. 3.1–4 новой редакции Закона № 223-ФЗ, принятие Правительством РФ мер, предусматривающих запрет, ограничение закупки иностранных товаров, работ, услуг, предоставление преимущества российским товарам, работам, услугам, допускается в случаях, при которых международным договором РФ предусматривается возможность непредоставления национального режима товару, работам, услугам, происходящим из иностранного государства.

Долгое время в правоприменительной практике существуют различные подходы к предоставлению приоритета российским товарам, работам, услугам с учетом пункта 8 постановления Правительства от 16.09.2016 № 925, согласно которому: «Приоритет устанавливается с учетом положений Генерального соглашения по тарифам и тор-

говле 1994 года и Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.». Указанное положение привело к тому, что фактически каждый заказчик самостоятельно для себя определяет, в каких случаях предлагаемый товар следует считать «отечественным» для целей предоставления приоритета, в том числе следует ли предоставлять приоритет товарам, происходящим из стран — участниц ВТО с учетом положений Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года. Подобная практика сохранялась до начала 2025 года.

В тексте Пояснительной записки к проекту Федерального закона, который впоследствии был принят как Закон № 318-ФЗ, предусмотрено, что «Правительство Российской Федерации при установлении запрета, ограничения, преимущества учитывает международные обязательства Российской Федерации, в связи с чем:

а) не может устанавливать запрет, ограничение, преимущество в отношении товаров, работ, услуг, если Российской Федерацией заключен международный договор, согласно которому соответствующему иностранному государству предоставлен национальный режим;

б) может устанавливать запрет, ограничение, преимущество в случаях, когда соответствующий международный договор содержит положения (изъятия, исключения), при которых национальный режим не предоставляется».

Исходя из целей и смысла изменений, внесенных Законом № 318-ФЗ, а также с учетом положений Пояснительной записки к законопроекту, можно сделать вывод о том, что указание на то, в каком случае применять запрет, ограничения и преимущества, будет содержаться непосредственно в актах Правительства РФ.

Таким образом, за последние годы в законодательстве Российской Федерации в сфере договоров поставки были приняты несколько изменений, которые могут оказать

влияние на практику их заключения и исполнения. Основные направления этих изменений включают:

1. Активное развитие электронных форм для заключения и исполнения договоров. Это упрощает процесс, снижает затраты на бумажное оформление и позволяет более оперативно реагировать на изменения.

2. Внесение поправок в Гражданский кодекс, касающихся условий поставки и ответственности сторон. Уточняются требования к качеству и количеству поставляемых товаров, а также возможности изменения условий договора.

3. Ужесточение законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Это включает в себя новые требования к участникам торгов, а также правила по созданию и ведению реестров.

4. Увеличение внимания к экологии и социальным стандартам, что требует от поставщиков соответствия новым нормам и стандартам. Возможное введение «зеленых» закупок.

5. Развитие гибких форматов договоров, таких как аутсорсинг и доля, что позволяет компаниям более эффективно управлять своими ресурсами.

Перспективы развития законодательства в сфере договоров поставки могут включать: углубление цифровизации и переход на полностью электронные системы, повышение уровня защиты прав потребителей и поставщиков, упрощение и ускорение процедур согласования правовых документов, учет международных стандартов и практик в области торговли и поставок, более стремительное внедрение новых технологий, включая блокчейн для обеспечения прозрачности сделок.

Эти изменения могут иметь значительное влияние на рынок, способствуя более гибким, безопасным и эффективным условиям для всех участников цепочки поставок.

Литература:

1. Безуглов С. В. Правовое регулирование государственных и муниципальных закупок: учебное пособие / С. В. Безуглов. Краснодар: КубГАУ, 2022. 178 с.
2. Гайнутдинов А. К. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: монография / А. К. Гайнутдинов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2022. 279 с.
3. Захаренко Д. С. Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению государственных и муниципальных нужд: учебное пособие / Д. С. Захаренко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 130 с.
4. Иванов Н. В. Заключение договора поставки: правовые аспекты / Н. В. Иванов // Вестник Чувашского университета. — 2024. — № 3. — С. 270–274.
5. Особенности осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд Следственного комитета Российской Федерации: учебно-методическое пособие / А. М. Багмет, Н. Б. Арсеньева, Д. В. Алехин и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 471 с.
6. Чваненко Д. А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора = Government contract as a special model of a civil law contract: монография / Д. А. Чваненко. М.: Юстицинформ, 2023. 275 с.
7. Шмелева М. В. Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: автореферат дис.... доктора юр. наук: 5.1.3. / Шмелева Марина Владимировна. Саратов, 2022. 50 с.
8. Гребнев, А. И. Договор поставки: общие положения / А. И. Гребнев. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/28628/1/%D0%93%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B5%D0%B2%20%D0%90.%D0%98._%D0%AE%D0%A0%D0%B1-1902%D0%B0.pdf???history=1&pfid=1&sample=8&ref=0 (дата обращения: 01.02.2025).

Добросовестность как основополагающий принцип осуществления гражданских прав

Муротов Нуриддин Намозович, доктор философии по юридическим наукам (PhD), председатель Сарыасийский межрайонный экономический суд (Узбекистан)

Данное исследование рассматривает принцип добросовестности в гражданском праве, анализируя разные подходы к её пониманию. В исследовании изучаются социологическая концепция добросовестности, природно-правовое понимание добросовестности, понимание добросовестности в позитивистском реализме и толкование добросовестности в судебной практике.

Ключевые слова: принцип добросовестности, гражданское право, Гражданский кодекс Республики Узбекистан, судебная практика, социологическая концепция добросовестности, природно-правовое понимание добросовестности, позитивистский реализм.

Принцип добросовестности является одним из основных принципов гражданского права. В Гражданском кодексе Республики Узбекистан добросовестность формально не упоминается в общих основах гражданского права. Путем системного толкования законодательства можно легко заключить, что добросовестность является принципом узбекского гражданского права. Часть 2 статьи 5 Гражданского кодекса предусматривает возможность разрешения вопроса с помощью требований разумности, справедливости и добросовестности в тех случаях, когда он не урегулирован ни законом, ни договором, ни обычаем и не может быть разрешен с помощью аналогии закона. Это предоставляет судам возможность формулировать отсутствующие в законе правила, исходя из принципа добросовестности, и применять их к конкретной ситуации.

Статья 9 Гражданского кодекса Республики Узбекистан запрещает злоупотребление правом [1]. Однако при этом не подразумевается связь с доктриной добросовестности. Злоупотребление правом предполагает эманацию принципа добросовестности и представляет собой недобросовестное осуществление права. Это не предусмотрено кодексом, и связь данного понятия с идеей добросовестности и доктриной злоупотребления правом вызвала споры.

Логично исходить из того, что добросовестность как правовая концепция требует внедрения правил, соответствующих идеям разумности и справедливости, заслуживающих правового закрепления.

В ряде стран (преимущественно с традициями романского права) термин «добросовестность» может означать состояние извинительного незнания индивидом тех или иных фактов, имеющих юридическое значение [2]. Иногда, с этой точки зрения, говорят о субъективном понимании добросовестности, чтобы отличить объективное значение добросовестности как стандарта поведения. Например, добросовестное приобретение имущества у неуполномоченного отчуждателя означает ситуацию, при которой приобретатель не знал и не мог знать о том, что он получает имущество от лица, не являющегося собственником и не имеющего полномочий распоряжаться данной вещью. Другой пример: согласно части 1 статьи 187 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, дли-

тельное добросовестное владение чужой вещью открывает владельцу возможность приобретения права собственности на основании приобретательной давности. По мнению вышестоящих судов, субъективная добросовестность в данном случае означает, что владелец не знал и не мог знать об отсутствии у него оснований для приобретения права собственности на данную вещь.

Следует отметить, что соответствующая позиция закона или судебной практики во многих подобных случаях не говорит о недобросовестности, а использует словосочетания «знал или должен был знать», «не знал или не должен был знать». Однако юридическая доктрина в данном случае говорит о субъективной добросовестности, и сами суды, как правило, определяют вопрос о фактическом или временном знании тех или иных обстоятельств как вопрос добросовестности.

Принцип добросовестности как правовая концепция имеет открытый характер. Он не обладает какими-либо конкретными гипотезами, диспозициями и санкциями. Это также соответствует логике, поскольку добросовестности — это не определенная норма с конкретным содержанием, а правовой принцип. Наполнение содержанием этого правового стандарта осуществляется преимущественно по усмотрению суда. В этом смысле о добросовестности говорят как об открытой, оценочной или «каучуковой» норме, генеральной клаузуле. Термин «принцип» точнее отражает сущность данного феномена, чем термин «норма» [3].

Добросовестность — это принцип, а не «резиновая» норма. Этот принцип настолько широк по своему значению, что его применение предоставляет судам практически безграничную свободу в деле развития права.

Социологическая концепция добросовестности. В рамках социологической концепции добросовестности при применении этого понятия суд сам не создает правовых предписаний, а механически выводит определенное наполнение такого «каучукового» стандарта. Подобный подход не выдерживает критики. Применение понятия добросовестности нельзя заменить социологическими исследованиями, и это неверно по ряду нижеуказанных причин.

Во-первых, в судах, как правило, отсутствует какая-либо достоверная информация о социологической практике. В рамках континентально-европейской модели отбора кадров для судебного корпуса судья — это, как правило, должностное лицо, находящееся на бюджетном обеспечении с молодых лет. Его личное участие в большинстве социально-экономических процессов крайне ограничено. Например, судьи видят предпринимателей лишь на скамье подсудимых, в кино или на телеэкранах.

Во-вторых, даже при наличии информации о социальном опыте, это не может служить мерилom справедливости. Социальная реальность не является критерием должного поведения.

В-третьих, информацию о нравственном консенсусе, как правило, невозможно получить из каких-либо источников, и разговоры на эту тему обычно воспринимаются как спекуляции.

В-четвертых, нравственный консенсус может вообще отсутствовать в сложно устроенном обществе. Количество вопросов о справедливости, по которым можно определить консенсус в обществе, не так велико. В праве часто встречаются коллизии по вопросу безоговорочной поддержки большинством граждан определенной позиции. Как судья должен оценивать это самостоятельно? Ситуация еще больше усложняется в многонациональных и многоконфессиональных государствах.

Таким образом, проблематичным считается наполнение судами принципа добросовестности содержанием в виде механического воплощения в праве социальной практики или преобладающих в обществе взглядов. Эти факторы, несомненно, важны при применении принципа добросовестности, однако их невозможно рассматривать в качестве альфы и омеги методологии добросовестности [4].

Природно-правовое понимание добросовестности. В рамках естественно-правового понимания права те или иные моральные стандарты существуют априори и имеют такое правовое содержание, какое мы ощущаем. Эту нравственную и правовую истину нужно правильно читать, и независимо от того, поймет ли когда-нибудь какой-нибудь судья это как единственно правильное решение, она является частью права. В рамках естественно-правового понимания суды, как своеобразный оракул этого неписаного закона, исходя из условий спора, не создают определенного содержания права, а, говоря словами английских юристов XVIII — XIX веков, «открывают», провозглашают.

Мы отвергаем такой подход, не являясь сторонниками естественного права. На наш взгляд, представления о социальном идеале и справедливости изменчивы и связаны (определены) с конкретными социальными, экономическими, культурными, политическими и другими условиями. Идея естественного права, высказываемая некоторыми юристами, представляется бесперспективной попыткой сохранить концепцию естественного права.

Позитивистский реализм. Если мы отвергаем социологическое прочтение смысла таких оценочных стандартов, то не можем верить в абстракцию естественного права.

В этом случае мы приходим к логически единому выводу: требование добросовестности или справедливости — это просто ключевые слова, иначе говоря, является ключом к формированию правового решения на основе обсуждения судами ценностных споров и всех политико-правовых «сторонников» и «противников». Согласно такому подходу, добросовестность как правовая концепция сама по себе является правилом, то есть не социологической или априорной нормой, которую судья должен изучать и применять, а инструментом предоставления судам правотворческих полномочий.

Принятие справедливого решения порой бывает не просто, многие требуют взвешивания политико-правовых «за» и «против» аргументов, оценки возможных последствий, жизненной действительности, опыта и исторического опыта зарубежных стран. Сотни лет развития нравственной философии в истории человечества показывают, что ответы на вопросы нравственности могут разделить людей и даже привести к войнам и конфликтам. Здесь нет никакой математики, и в большинстве случаев ответы не очевидны. Это относится и к поиску справедливых и разумных правовых решений.

Поэтому утверждение о том, что суд создает правовую норму «с применением» такого оценочного стандарта, как добросовестность, полностью соответствует объективной реальности.

Таким образом, есть достаточно оснований полагать, что принцип добросовестности — это не правовая норма, непосредственно направленная на регулирование общественных отношений и подлежащая применению судами, а инструмент предоставления судам правотворческих полномочий.

Суд не применяет добросовестность как норму права, а, принимая предоставленные полномочия, создает норму права для конкретного случая *ad hoc* и применяет ее обратно по отношению к конкретной фактуре спора. Иными словами, в рамках такого подхода принцип добросовестности является источником формирования и обратного применения правил, которые судья считает соответствующими мнениям о справедливости и рациональности.

Добросовестность как правовой концепт, по мнению многих европейских ученых, становится белизмой судов, в которой рождается правотворчество. Разрешая споры о добросовестности, суды создают право легитимно, поскольку такие полномочия им предоставляет закон.

В праве всегда сталкиваются формальные и содержательные элементы. Формальные элементы — это требование закона, условия договора, существующая догматика. Элементы содержания — это представления о справедливости и разумности права. В процессе правоприменения между этими элементами обязательно возникает столкновение. В рамках определенного конфликта формальный элемент с точки зрения содержательного элемента может привести к нестерпимым последствиям. Ведь закон не может учитывать все нюансы, все возможные социально-экономические и культурные изменения, как бы ни хотели

его разработчики. Добросовестность как правовой концепт позволяет судам не согласовываться с результатами применения формального права, а дополнять, уточнять и корректировать правило, вытекающее из формального

элемента правовой системы, развивать, тонко согласовывать и корректировать позитивное право, условия договора и другие формальные источники регулирования общественных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть первая) // <https://lex.uz/docs/111181>.
2. Hesselink M. W. The concept of good faith // Towards A European Civil Code, Fourth Revised and Expanded Edition. 2010. p. 162.
3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — С. 841.
4. Good Faith in European Contract Law / R. Zimmermann, S. Whittaker (eds.). Cambridge University Press, 2008. p. 284.

Интерпретация принципа справедливости в цивилистической доктрине

Муротов Нуриддин Намозович, доктор философии по юридическим наукам (PhD), председатель Сарыасийский межрайонный экономический суд (Узбекистан)

Данная статья рассматривает вопросы интерпретации принципа справедливости в цивилистической доктрине, анализируя разные подходы к её пониманию. В статье автор изучает принцип справедливости исходя из норм Гражданского кодекса Республики Узбекистан и иных научно-теоретических трактовок.

Ключевые слова: принцип справедливости, гражданское право, Гражданский кодекс Республики Узбекистан, цивилистическая доктрина судебная практика.

В развитии естественно-правовых взглядов про справедливость большое место занимали римские стоики. Цицерон, основываясь на идее естественно-правовой справедливости, приводит понятие справедливости из сознания и природы. Его философия справедливости считалась наиболее приемлемой для Рима. Самое важное, что справедливость в первую очередь приобрела характер юридической категории. Формула Ульпиана «жить честно, не причинять вреда другим, видеть, что заслуживает каждый человек» не должна была выражать основу справедливой жизни и субъективных прав личности в Древнем Риме. Таким образом, в Риме понятие справедливости перешло из области философии в область правовой мысли. Категория справедливости стала предметом не только философских исследований, но и философско-правовых исследований. При этом он не полностью перешел от философии к праву, а утвердился в философско-правовом смысле [1].

В трактовке человека и его ценности справедливость основывается на уважении человека как человека, его способностей, заслуг и результатов деятельности по принципу «все свои». Как пишет Б. Барри, известный исследователь в этой области, «центральным вопросом любой теории справедливости от эпохи Платона до наших дней является жизнеспособность неравноправных отношений между людьми» [2]. «Справедливость — это соотношение и гармония равенства и свободы. В той мере, в какой люди

свободны, справедливость будет там, где они равны. Равенство предполагает, во-первых, то, что позволяет быть свободным; во-вторых, то, что может быть сравнимо с тем, что имеют другие». Понятие о справедливости необходимо индивиду, оно сообщает о понятиях им правах и обязанностях. К. Войтила отмечает, что справедливость необходима «для того, чтобы члены данного общества надлежащим образом распределили свои обязанности по отношению к обществу».

С возникновением и развитием капиталистических отношений на смену теологическому мировоззрению пришло мировоззрение адептов, формирующее буржуазное право. Согласно ему, акцент был сделан на правовой стороне понимания идеи справедливости и равенства людей и одновременно формирования либерального понимания справедливости.

Этот процесс нашёл свое отражение в концепциях Ф.Бэкона [3], Т.Гоббса [4], Ж.Локка, И.Канта, Г.Гроция [5]. Ф.Бэкон утверждает, что справедливость объединяет людей и создает основу для права. Он писал, что «Поскольку есть только справедливость, человек не волк для человека»... «Справедливость заключается в том, чтобы не желать другим того, что ты сам себе не нравишься».

В действующей редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан справедливость, несмотря на то, что ее содержание неоднократно и четко определено законодательством, упоминается гораздо реже, чем добросовестность

и разумность в действиях в гражданском обороте и гражданском правовом регулировании. В части 2 статьи 5 Гражданского кодекса Республики Узбекистан в тех случаях, когда аналогия закона и аналогия права не могут быть использованы, требования разумности и справедливости выдвигаются наряду с основаниями гражданского законодательства при определении прав и обязанностей сторон [6].

Вместе с тем, согласно анализу норм действующего Гражданского кодекса Республики Узбекистан, в кодексе значительно больше концептуальных норм, определяющих модель правового регулирования гражданского оборота через основы справедливости. Например, положения части второй статьи 5 Гражданского кодекса Республики Узбекистан устанавливают требование не только рациональности и целесообразности, но и справедливости. Согласно ему, в качестве основы возникновения гражданских прав и обязанностей рассматриваются действия субъектов правоотношений, которые, исходя из общих основ гражданского права, порождают гражданские права и обязанности, хотя и не предусмотрены законами и иными правовыми актами. Часть третья статьи 9 Гражданского кодекса устанавливает презумпцию честности, рациональности и справедливости участников гражданско-правовых отношений. В развитых правовых системах понятие справедливости и соразмерности все чаще используется в судебной практике [7].

Принцип справедливости в гражданском праве выражен в общих основаниях гражданского законодательства в общей форме. В соответствии с ним он основывается на признании следующего: равенство участников отношения; неприкосновенность имущества; договорная свобода; недопустимость вмешательства в личные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав; судебная защита прав. Признание и соблюдение общих основ гражданского законодательства (как в правоотворчестве, так и в применении права) является комплексной реализацией принципа справедливости в гражданском праве.

Важными функциональными аспектами гражданско-правовой справедливости можно назвать следующее:

обеспечение полноценной реализации гражданско-правовой субъектности, в том числе посредством свободной автономии. Без этого невозможно достичь неотъемлемого права и правового статуса, справедливого принадлежности каждой личности, реализации предоставленной каждому возможности справедливого самовыражения и гармоничного развития в обществе. По какому-либо основанию, предусмотренному законом, данное право должно быть обеспечено эффективными механизмами восполнения данного недостатка или лица,

не обладающие этими элементами субъектности (в частности, не обладающие в полном объеме гражданской дееспособностью) [8];

обеспечение не объявленного, а фактического равенства участников гражданско-правовых отношений;

признание значимости фактической аффилированности и зависимости отдельных участников гражданского оборота друг от друга (например, корпоративных, семейных отношений, отношений нахождения в иждивении); особого имущества, личного достоинства, места социальных связей, имеющих особое значение для отдельных субъектов оборота;

признание обоснованных преимуществ, не нарушающих общее равенство субъектов (например, преимущественное право на приобретение имущества; право на продление договора в случаях, предусмотренных правовым порядком);

выполнение задачи, обязанности по хранению, иные расходы, признание зависимости обязательств, связанных с введением в обращение какого-либо имущества, от фактической возможности эксплуатации данного имущества и использования его полезных свойств, а в случаях, установленных в правовом порядке, от фактической стоимости данного имущества [9];

пропорциональность, равенство событий, вызывающих взаимосвязанные правовые последствия (например, равное распределение наследства, большие расходы большего выгодоприобретателя и т. п.) [10];

обеспечение надлежащего исполнения обязательств, в том числе встречного исполнения;

недопустимость нанесения ущерба и обеспечение гарантий основного обогащения;

обеспечение полноты возмещения ущерба в форме компенсации ущерба, причиненного восстановлением нарушенных обстоятельств, в том числе нарушением, в случаях, предусмотренных правовым порядком;

корректировка размеров возмещения ущерба по обоснованности и необходимости;

индексация выплачиваемой суммы с учетом прожиточного минимума, инфляции, стоимости жизни;

защита уязвимых и менее защищенных участников гражданского оборота; ожидание более высокого уровня поведенческой ответственности от более масштабных и более рискованных субъектов деятельности [11];

обоснованное распределение риска;

использование обоснованных мер стимулирования и обоснованных компенсаций, восстановительных мер для повышения добросовестного поведения участников гражданского оборота, выполнения социально значимых задач, постоянного проявления хорошей морали и законопослушности.

Литература:

1. Gold A. S. A moral rights theory of private law // *Wm. & Mary L. Rev.* 2010. Т. 52. p. 85.
2. Barry B. *Theories of Justice*. New York. 1989. p. 32.

3. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Соч. Т. 1. — М., 1971.
4. Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. — М., 1956.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1956.
6. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть первая) // <https://lex.uz/docs/111181>.
7. Gold A. S. A moral rights theory of private law // *Wm. & Mary L. Rev.* 2010. Т. 52. p. 97.
8. Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). — Walter de Gruyter, 2009. p. 192.
9. Scheffler S. Distributive justice, the basic structure and the place of private law // *Oxford Journal of Legal Studies.* 2015. Т. 35. №. 2. p. 213.
10. Scheffler S. Distributive justice, the basic structure and the place of private law // *Oxford Journal of Legal Studies.* 2015. Т. 35. №. 2. p. 241.
11. Cane P. Corrective justice and correlativity in private law // *Oxford J. Legal Stud.* 1996. Т. 16. p. 471.

Правовой статус унитарных предприятий в современной правовой действительности

Ожерельев Алексей Александрович, студент

Научный руководитель: Горбунов Михаил Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье исследуется правовой статус унитарных предприятий в Российской Федерации в условиях современной правовой действительности. Рассматриваются особенности правового регулирования, функционирования и управления унитарными предприятиями, а также их роль и значение в экономике страны. Особое внимание уделяется вопросам собственности, ответственности и возможности трансформации в иные организационно-правовые формы. Анализируются действующие нормативные акты и предлагаются рекомендации по совершенствованию правового поля для повышения эффективности деятельности унитарных предприятий.

Ключевые слова: унитарные предприятия, правовой статус, РФ, собственность, нормативные акты, экономическая эффективность.

Эффективное управление государственной и муниципальной собственностью играет ключевую роль в стабильном развитии экономики. Для повышения эффективности использования государственной собственности необходимо учитывать несколько важных аспектов, среди которых следующие:

- во-первых, все объекты государственной и муниципальной собственности должны быть детально учтены и регулярно обновляться в соответствующих реестрах, что позволит более точно планировать использование и обслуживание активов;
- во-вторых, регулярная оценка экономической эффективности использования каждого объекта собственности поможет выявить неэффективные участки, а также принять меры для их исправления;
- в-третьих, обеспечение открытого доступа к информации о государственной и муниципальной собственности позволит повысить уровень доверия со стороны общества и улучшить контроль за ее использованием;
- в-четвертых, совершенствование нормативно-правовой базы регулирования государственной собственности может способствовать более четкому и эффективному управлению [4].

Иными словами, эффективное использование государственной и муниципальной собственности способствует устойчивому развитию экономики, повышению конкурентоспособности и улучшению качества предоставляемых населению услуг.

Государственные и муниципальные предприятия играют ключевую роль в экономике и обществе, поскольку они обеспечивают выполнение функций, которые не всегда выгодны с точки зрения частного бизнеса, но важны для устойчивого развития страны в целом. Такие предприятия помогают в следующих направлениях:

1. Они способствуют поддержанию стабильности экономического процесса, регулируя производство и потребление, и сглаживают циклические экономические колебания;
2. Государственные предприятия могут направлять экономику в сторону более прогрессивных и устойчивых моделей производства, стимулируя развитие ключевых отраслей;
3. Они играют важную роль в развитии социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, транспорт), благодаря чему повышается качество жизни населения;

4. Такие предприятия могут участвовать в программах по защите окружающей среды, поскольку не всегда частный сектор имеет стимулы для инвестирования в экологически чистые технологии и устойчивые практики.

5. Государственные предприятия могут способствовать выравниванию экономического развития между регионами, поддерживая менее развитые территории [5].

Благодаря названным выше направлениям государственные и муниципальные предприятия обеспечивают более сбалансированное и всестороннее развитие общества, поддерживая интересы государства и населения в долгосрочной перспективе.

Кроме того, унитарные предприятия создаются для решения конкретных задач, которые могут охватывать широкий спектр деятельности, включая производство товаров, оказание услуг и выполнение работ, необходимых для обеспечения общественных нужд. Их главная особенность заключается в отсутствии права собственности на имущество, которое они используют в своей деятельности [4]. Иными словами, данное имущество остается в собственности государства или муниципалитета и передается предприятию только в оперативное управление. Тем самым обеспечивается контроль над использованием государственных или муниципальных ресурсов, что способствует их более эффективному и целевому использованию.

Правовой статус унитарных предприятий определен в главе 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая устанавливает основные принципы их функционирования. Также деятельность исследуемых предприятий регулируется Федеральным законом от 14.11.2002 № 161 «О государственных и муниципальных предприятиях» и иными нормативными правовыми актами, определяющих порядок их создания, реорганизации и ликвидации, а также особенности их управления.

Следует отметить, что, хотя унитарные предприятия действуют на коммерческих принципах, они не всегда преследуют цель получения прибыли. Главной задачей многих из них является выполнение общественно значимых функций, что накладывает определенные ограничения на их деятельность и финансовые результаты.

Унитарные предприятия являются особой формой организации, создаваемой государством или муниципальными образованиями. Как было отмечено выше, они не являются собственниками имущества, которое им передано, а только управляют им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Иными словами, они могут использовать имущество в своей деятельности, но не могут распоряжаться им, например, продавать или отдавать в залог без согласия собственника.

Законодательное разделение на предприятия, которые действуют на праве хозяйственного ведения и оперативного управления, также оправдано. Первый вариант предоставляет компании больше хозяйственной самостоятельности в использовании имущества для достижения своих целей, тогда как второй вариант (право оператив-

ного управления, присуще казенным предприятиям) оставляет за государством большое количество полномочий и контроля, что важно для выполнения определенных государственных функций [6].

В целом, данная структура позволяет экономически эффективно использовать имущество и при этом выполнять государственные и общественные задачи.

Считаем, что деятельность унитарных предприятий связана с наличием определенных практических противоречий, присущих их структуре и функционированию. Безусловно, такие предприятия находятся в особом положении, балансируя между коммерческой деятельностью и выполнением социальных обязательств, которые возложены государством или муниципалитетом.

Одной из ключевых проблем является отсутствие права собственности на имущество, что ограничивает унитарные предприятия в принятии самостоятельных решений касательно использования активов и реинвестирования прибыли для модернизации или расширения бизнеса [5]. Учитывая, что значительная доля сделок требует согласования с собственником, такое предприятие утрачивает гибкость в рыночных отношениях и скорость реагирования на изменения в бизнес-среде. Также данное ограничение влияет на инвестиционную привлекательность унитарных предприятий, поскольку потенциальные инвесторы не могут рассчитывать на приобретение доли в имуществе предприятия. Тем не менее, концепция имущественной обособленности позволяет собственнику контролировать использование имущества и направлять деятельность предприятия согласно государственным или муниципальным интересам.

Финансовый механизм унитарных предприятий также отражает их правовой статус. Унитарные предприятия, которые различаются в зависимости от уровня собственника, имеют специфические финансовые отношения с государством. Данные отношения определяют, как финансирование, так и распределение прибыли предприятия.

Резюмируя, можно говорить, что особенности правового статуса и финансовой деятельности унитарных предприятий следует внимательно учитывать, как при их управлении, так и при разработке процедур инвестирования и сотрудничества с частными компаниями. Вероятно, гибкость в регулировании некоторых аспектов (например, право использования имущества), могла бы повысить эффективность и привлекательность унитарных предприятий, сохраняя при этом государственный контроль в необходимых областях.

Также стоит отметить, что, несмотря на коммерческий характер, унитарные предприятия зачастую выполняют функции, напрямую связанные с государственными интересами и социальными заказами, что может препятствовать полноценной реализации бизнеса и снижает стимулы к повышению эффективности [4]. Впоследствии унитарные предприятия могут столкнуться с трудностями в обеспечении конкурентоспособности, что ставит под угрозу их долгосрочную устойчивость на рынке.

Тем не менее, значимость унитарных предприятий, особенно в стратегических отраслях, неоспорима. Они играют важную роль в управлении государственным и муниципальным имуществом и позволяют правительству или местным властям влиять на экономические процессы через предпринимательскую деятельность.

Возможным решением проблемы может быть выработка соответствующих изменений в российском законодательстве, которые позволяли бы унитарным предприятиям больше свободы в принятии управленческих решений, сохраняя при этом их социальную направленность. На наш взгляд, реализация данного предложения могла бы стать шагом к улучшению их экономической эффективности и конкурентоспособности.

Начиная с 2018 года, был реализован процесс реорганизации унитарных предприятий. С 2019 года же предлагалось ограничить деятельность унитарных предприятий в целом, а к 2023 году большую часть из них ликвидировать. Сокращение количества данной организационно-правовой формы юридических лиц, по мнению депутатов Государственной Думы Российской Федерации, будет способствовать снижению бюджетных расходов. Иными словами, предполагается, что, чем меньше будет государственных и муниципальных предприятий, тем меньше будут издержки бюджета, а также больше ресурсов будет оставаться для решения социальных, инвестиционных и иных государственных проектов.

Кроме того, в целом отмечалось, что унитарные предприятия отрицательно воздействуют на российскую экономику, в частности оказывает негативное влияние на конкуренцию на локальных рынках. Также указывали, что возникла монополизация в экономике как следствие чрезмерного распространения таких юридических лиц.

Позже на заседании Правительства Российской Федерации был одобрен законопроект о запрете создания унитарных предприятий или изменения видов их деятельности. Государственные и муниципальные унитарные предприятия, которые работают на товарных рынках, будут ликвидированы или реорганизованы. Исключение составят случаи, когда такие предприятия создаются с разрешения Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации для обеспечения обороны и безопасности государства, а также для работы в области естественных монополий или гособоронзаказа.

Федеральный закон от 27.12.2019 № 485 внес значительные изменения в российское законодательство о государственных и муниципальных унитарных предприятиях, и защите конкуренции. Основное внимание в данном законе было уделено усилению антимонопольного регулирования, что отражается в следующем:

– Новая глава 7.1 в законе «О защите конкуренции»: данный раздел «Антимонопольные требования к созданию унитарных предприятий и осуществлению их деятельности» регулирует аспекты создания и функционирования унитарных предприятий с целью предотвращения монополизации рынков и обеспечения конкуренции;

– Изменения в законе «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»: поправки касаются оперативной деятельности унитарных предприятий, ограничивая их участие в коммерческих проектах и усиливая меры контроля и отчетности перед государственными органами, что важно для того, чтобы данные предприятия могли эффективно работать без создания препятствий для частного бизнеса и конкуренции [3].

Перечисленные выше изменения направлены на обеспечение более справедливой конкурентной среды в России, предотвращение злоупотреблений в сфере унитарных предприятий и, в конечном итоге, защиту интересов потребителей и бизнеса.

Реформа действительно направлена на увеличение конкурентоспособности и создание более динамичной экономической среды. Сокращение числа государственных и муниципальных унитарных предприятий или их преобразование в структуры, более соответствующие рыночным условиям, способствует ускорению роста частного сектора, что может стимулировать развитие инновационных подходов и снижение монополизации в различных отраслях.

Кроме того, изменения в организационно-правовой форме данных организаций отражают общий тренд на поддержку частной инициативы и предпринимательства. Когда государственные структуры становятся более открытыми к конкуренции, это не только способствует улучшению качества товаров и услуг, но и может привести к более эффективному использованию ресурсов.

Тем не менее, успешность подобных реформ зачастую зависит от тщательно продуманной реализации и обеспечения равноправных условий для всех участников рынка. Стоит также учитывать потенциальные социальные и экономические последствия (например, вопросы занятости и возможные первоначальные потери в отдельных секторах экономики).

Акционирование государственных унитарных предприятий, например, ФГУП «Почта России», было направлено на повышение прозрачности и эффективности их деятельности. Превращение их в акционерные общества подразумевает более строгий контроль за финансовой отчетностью и требует обязательного проведения аудита, что способствует улучшению управления и повышению конкурентоспособности на рынке [7].

Более того, акционирование позволяет привлечь инвестиции и улучшить корпоративное управление, что часто ведет к оптимизации бизнес-процессов и повышению качества предоставляемых услуг. Однако важно отметить, что при сохранении контроля государства такие компании все же остаются частично под влиянием государственных структур, что может как положительно, так и отрицательно сказаться на их гибкости и способности быстро адаптироваться к изменениям на рынке.

Реорганизация иных унитарных предприятий по аналогичной модели может привести к схожим результатам, улучшив их финансовую прозрачность и операционную

эффективность. Однако успех зависит от правильной реализации реформ и создания условий, которые способствуют поддержанию баланса между государственным контролем и рыночной эффективностью.

В настоящее время унитарные предприятия сталкиваются с рядом вызовов, которые связаны с необходимостью повышения эффективности управления и адаптации к рыночным условиям. Преобразования таких предприятий в акционерные общества или иные организационно-правовые формы становятся все более актуальными, что обусловлено стремлением к большей экономической самостоятельности и повышению конкурентоспособности на рынке [8].

Однако, несмотря на определенные ограничения, унитарные предприятия продолжают выполнять важные функции в экономике, обеспечивая выполнение соци-

альных и государственных задач, особенно в сферах жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и энергетики. В условиях современной правовой действительности целесообразно проведение реформ, которые были бы направлены на адаптацию правового статуса унитарных предприятий к современным экономическим условиям, что позволит не только повысить их эффективность, но и улучшить качество предоставляемых ими услуг.

Таким образом, правовой статус унитарных предприятий нуждается в дальнейшей эволюции и пересмотре с учетом текущих и перспективных экономических вызовов. Сбалансированный подход к реформированию правового положения таких организаций может способствовать более эффективному выполнению ими возложенных функций при сохранении государственного контроля над стратегически важными секторами экономики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — ст. 3301.
2. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 48. — ст. 4746.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции»: Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 52 (часть 1). — ст. 7803.
4. Грекова Н. С. Государство как юридическое лицо публичного права / Н. С. Грекова, С. В. Завражин // Наука и образование. — 2023. — № 1. — С. 14–20.
5. Зяблицкий А. В. О правосубъектности отдельных видов юридических лиц, созданных с участием субъектов публичного права / А. В. Зяблицкий // Право и практика. — 2022. — № 3. — С. 168–172.
6. Корсик К. А. Законодательство о юридических лицах — сфера интенсивного нормотворчества / К. А. Корсик // Нотариальный вестник. — 2024. — № 1. — С. 2–4.
7. Корякин Б. И. Корпоративное управление компаниями с государственным участием: правовые особенности и актуальные проблемы / Б. И. Корякин // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). — С. 454–460.
8. Опенков Е. А. Виды юридических лиц: особенности и классификация / Е. А. Опенков, А. Т. Жапов // Столыпинский вестник. — 2023. — № 6. — С. 3091–3112.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 5 (556) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 12.02.2025. Дата выхода в свет: 19.02.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.